

Ася Пеганова

Ты на меня
не смотришь

Ян — сын хозяев, я — дочь служанки. У нас не было ничего общего, кроме школы, которую мы посещали. Это была больная, безответная любовь. Я мечтала о нем, боготворила, а в ответ получала лишь издевки и откровенное хамство. Ему претила одна лишь мысль, что он может мне нравиться. А потом к нам пришел новенький и подсел ко мне за парту. Ян стал другим. Все изменилось. Я открылась и доверилась ему. И никак не ожидала предательства в ответ. Ян разрушил меня, растоптал. И я не готова прощать. Одна ночь вместе. Он стал моим первым. А потом я уехала, чтобы никогда его больше не встретить, но, кажется, у судьбы другие планы.

Университет, второй курс

Полина

Если честно, то ни в какой клуб я и не собиралась. Лишних денег нет совсем, и без того кручусь, как белка в колесе. Комнату в общежитии хоть и выделили, но работу все равно пришлось найти. Еда, проезд, вещи кое-какие. На развлечения совсем ничего не остается. Ни денег, ни времени.

Но этот раз был особенный — день рождения у моей соседки по комнате Маши Строкиной. Я отправилась туда сразу после смены в кафе. Девчонок еще не было, Машка написала, что они немного задержатся.

Возле клуба толпился народ. Я решила отойти в сторону, чтобы меня было лучше видно. Встала как раз у светофора рядом с пешеходным переходом. На телефон снова прилетело сообщение. Отвлеклась.

"Уже подъезжаем. Лизке стало плохо, перебрала немного. Пришлось в чувство приводить)))"

Улыбаюсь и поднимаю голову. Светофор загорается красным. Вскользь задеваю взглядом остановившуюся навороченную тачку, из которой долбит музыка. И уже собираюсь отвернуться, но вдруг заднее стекло медленно опускается.

Из меня, как будто, весь воздух выбивает. То ли от ветра, то ли от волнения руки предательски дрожат.

Весь остальной мир растворился, превратился в размытое пятно. Звуки стихли. Только это лицо в окне. Только я напротив.

Ян смотрит так, будто приведение увидел. Не верит. И я не верю. Дурацкий сон. Мой кошмар наяву.

Все такой же красивый до чертиков. Только стрижку сменил. Теперь волосы по бокам коротко подстрижены, а наверху, наоборот стали длиннее. Пшеничные пряди небрежно перекинута на одну сторону и немного назад.

Я не видела Яна Марека с того самого дня, как забрала документы из гимназии, мама получила расчет у его отца, и мы уехали в неизвестном направлении.

И к встрече с ним оказалась совсем не готова, ведь думала, что он укатил учиться в Лондон, как и хотел. Может, и так оно и было, а в Москву вернулся на время. На выходные, например. Не знаю и знать не хочу.

Светофор моргает красным, переключаясь на желтый.

— Сема, паркани за остановкой — говорит Марек водителю.

Совсем не узнаю его голос. Более низкий, хрипловатый, чужой. Тачка заморгала поворотником, и я срываюсь с места. Просачиваюсь сквозь толпу в надежде затеряться.

Спешно прохожу фейс-контроль и на ватных ногах ищу туалет. В руках подрагивает телефон. Пишу девчонкам, что замерзла и буду ждать их внутри. Наконец, нахожу нужную дверь и замираю у раковин напротив широкого зеркала. Непрошенные воспоминания с небывалой силой вырываются из памяти, заполняя меня собой.

Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Боже мой, как я его ненавижу! Так же сильно и отчаянно, как раньше любила.

Жмурюсь, не хочу вспоминать. Не нужно, нельзя! Но меня, точно во временной

воронке, закрутило.

Перед глазами предательски всплывает картина, как Ян прижимает меня спиной к своей груди и нежно, раскурочивая все внутри, покрывает шею поцелуями. Меня трясет, как в лихорадке, и слезы подкатывают задушенным воплем к горлу. Я уже знаю, что это первая и последняя наша ночь. Кожа горит в местах, где пальцы задевают оголенную спину, пока он расстегивает пуговицы одну за другой, а потом бережно спускает почти невесомую ткань до самой поясицы.

"Не бойся, я буду нежно"

"Я же вижу, ты хочешь"

" Не закрывайся"

"Ну, же, посмотри на меня"

"Расслабься..."

Наполняю ладони холодной водой и ополаскиваю щеки, чтобы отпустило. Но не тут то было...

Вспоминаю, когда впервые увидела его и в ту же минуту пропала. Это, как вспышка, как электрический заряд, простреливший тело от макушки до кончиков пальцев. Бедное сердце оказалось совсем не готово к такому. Мне было пятнадцать.

В то время мы с мамой, наконец, убежали от отца. Жить с ним стало невыносимо. Папа пил, поколачивал ее, да, и мне временами доставалось. Несколько месяцев скитались по съемным комнатам в коммуналках. Мама подрабатывала то тут, то там, но денег катастрофически не хватало. Я пошла учиться в старенькую школу, где штукатурка на головы сыпалась.

А потом мама устроилась уборщицей в крупную компанию. Там волей случая как-то пересеклась с самим генеральным директором. Уж не знаю, что она ему рассказала, но тот проникся нашей историей и предложил маме должность домработницы в его в загородном доме, а заодно и крышу над головой.

Меня же пообещал пристроить в элитную частную гимназию, которую посещает их сын, потому что прописки у нас не было. Да, и школа в ближайшем к их коттеджному поселку населенном пункте ничем не отличалась от моей предыдущей, судя по описанию. Хотя если бы я знала, что меня ждет, не раздумывая отправилась именно туда.

Так мы и попали в семью Филипа Марека. Так я и увидела Его.

Нас заселили в небольшую комнату для обслуживающего персонала, находящуюся в дальнем крыле огромного дома, внешне напоминающего стеклянную башню из кубиков. На радостях мы сразу же принялись раскладывать свои скромные пожитки. В комнатке было душно, я подошла к окну, чтобы открыть створку, и зависла. Словно солнечный удар в самый жаркий летний день.

До этого момента я вообще на мальчишек не обращала внимания. Да и они, надо сказать, тоже. Кому какое дело до долговязой, конопатой и плоской, как доска, девчонки.

Но в этот раз...

Ян в одних шортах бросал мяч в кольцо на заднем дворе. Расстояние до площадки было небольшим, и мне удалось его хорошо рассмотреть.

На вид мой ровесник. Высокий, гибкий с уже проявляющимися мышцами на руках и прессе, но при этом еще по-мальчишески стройный. Пшеничного цвета волосы взмокли и беспорядочными прядями падали на лоб. До того красивый, что у меня участился пульс, и ладони вспотели.

Я не заметила, как со спины подошла мама, проследила взглядом туда, где играл Ян Марек, тяжело вздохнула, цокнула языком и задвинула перед моим носом шторы.

— Даже не мечтай, Полька. Не для тебя он.

Как будто, я и сама не знала, что не для меня. Но сердцу не прикажешь. Сердце уже трепетало.

А вечером того же дня Филип познакомил нас со своей семьей. Его жена Елизавета Александровна, хрупкая блондинка с серыми глазами, оказалась удивительно красивой женщиной. К тому же еще и доброй. Встретила нас радушно, и никакого там надменного, брезгливого выражения на лице.

Что не скажешь про их сына, Яна. Он сидел за столом рядом с маленькой девчушкой с такими же, как у него пшеничными волосами, собранными в два хвостика. Она улыбалась, отчего на ее румяных щечках появились милые ямочки.

А вот Ян совсем не улыбался. У него вообще было такое выражение на лице, будто перед ним пустота. Абсолютный ноль. Глаза, как у отца светло-голубые. Похожи на небо. Похожи на вселенную.

С его сестренкой, Амелией, которую в семье все коротко называли Лили, я в первый же вечер нашла общий язык. Позже мы часто играли на заднем дворе, я помогала собирать малышке пазлы, заплетала колоски и читала сказки. Мне нравилось с ней возиться. Лили была очень смышленной и не по годам развитой девчушкой. Елизавете Александровне даже нравилось, как мы с ней поладили. Что не сказать о ее сыне.

Наверное, Ян не влюбил меня сразу же. С первого дня. А уж, когда узнал, что я в один с ним класс ходить буду, вообще скандал отцу устроил.

— Пап, ты серьезно? Какого хрена вообще? Ты что, платить за нее собрался?

— Да, собрался. И тебя это не касается — прикрикнул на него отец.

— Тогда я не буду там учиться.

— Ну, поговори мне еще здесь!

— Да, пошли вы! Благодетели, вашу мать!

Я же, с каждым днем тонула в своей симпатии все сильнее и сильнее. Мне нравилось в нем все: походка, улыбка, голос, как морщит лоб, когда что-то не нравится, как взъерошивает пшеничные волосы. Я могла бы перечислять до бесконечности.

В школе Марек сразу обозначил, чтобы я с ним не общалась, не лезла, ничего не спрашивала и вообще не замечала. В первый же день возле раздевалки зажал, ухватившись руками за лацкан форменного пиджака.

— Даже дышать в мою сторону не смей. Ни разговаривать, ни смотреть. Усекла, моль?

Я с ним и так не разговаривала. Не могла. У меня в его присутствии язык к небу прилипал. А вот насчет не смотреть — это никак не удавалось. Не получалось. Глаза сами выискивали светлую макушку.

Как-то раз Марек выходил из кабинета и специально задел меня плечом, склоняясь к уху.

— Хватит на меня пялиться. Бесишь — прошипел в ухо, обдавая дыханием с привкусом мяты.

Дома Ян тоже старался со мной не пересекаться и очень ревновал к Лили. Я прямо чувствовала, как его распирает от злости, когда мы проводили время вместе.

А еще была она. Ева Никольская. Его девушка. Безумно красивая, как кукла Барби Точеная фигура, фарфоровая кожа, белокурые волнистые волосы и огромные серые глаза.

Идеальная для него. Не то, что я — угловатая, нескладная каланча с острыми коленками и веснушками на носу.

С Евой Ян был знаком с самого детства, их отцы вели совместный бизнес. Но я уже застала тот период, когда они стали встречаться. Сцена в бассейне никак из памяти не стирается.

Ева в спортивном черном купальнике игриво брызгала ему в лицо водой, пока Ян не утащил ее под воду, а затем выныривая посадил Никольскую на бортик, а сам остался в воде между ее разведенных ног. Ева склонилась, зарываясь руками в его потемневшие от влаги волосы, засмеялась, а потом сама поцеловала. Я видела Яна со спины и с трудом сдерживала немой крик, разрывающий меня изнутри на части.

Не мой. Не мой. Не мой.

Как же было больно...

Травлю начала именно Ева. До этого меня просто не замечали, как еще один стул в кабинете или горшок с цветком. Мебель. Ничто.

Но в один совершенно обычный день она при всех заявила, что я влюбилась в ее парня. Высмеивала так, будто постыдней ничего на свете быть не может. А Марек просто обнимал ее и смотрел на меня очень внимательно, как-будто раздумывал о своем, а потом оскалился. Нагло, надменно, унизительно.

Хотелось закричать ему: "Ну, же посмотри, это правда. Ты мне нравишься. Безумно. И мне не стыдно!". Но я была слишком слабой.

Поэтому не стала оправдываться, не стала опровергать и отнекиваться, просто выбежала из кабинета. Струсила.

Их смех до сих пор в моих ушах стоит.

Но я простила ему даже это.

Я ему многое прощала — издевки, подколы, насмешки, откровенное хамство.

Однажды Марек подловил меня в своей комнате, перестилающей у него белье. Обычно я это делала в его отсутствие. И в тот раз Ян тоже должен был уехать на тренировку. Но он вернулся раньше запланированного, к тому же еще и пьяный.

Закрыв на замок дверь, развалился в кресле, вытянув перед собой ноги, и наблюдал. В какой-то момент Марек просто оторвался от кожаной спинки, чтобы стянуть с себя футболку. Я обернулась и застыла не в силах оторвать глаз. Он стал еще красивее, крепче. Глупое сердце грохотало по ребрам. Ян тем временем ехидно уставился и расстегнул верхнюю пуговицу на джинсах.

— Что, правда, влюбилась?

Я зажала уголок наволочки в руках, больно впиваясь ногтями в мякоть ладони. И снова смолчала.

Ян не прерывая зрительного контакта дернул за собачку до упора и откинулся головой на кресло.

— Ну, давай, люби — кивнул в район паха.

Я отчаянно замотала головой. Только на это сил и хватило.

— Как же так, моль? Какая-то у тебя выборочная любовь получается.

Он был пьян. Очень пьян. Глаза мутные, точно не в себе.

— Я знаю, что ты не такой — дрогнувшим голосом ответила ему и положила подушку к изголовью, собираясь покинуть его комнату.

Но Ян перехватил меня возле двери и, сжимая за локоть, одним рывком развернул к

себе. Навис сверху. Я всегда была высокой, но он все же оказался выше.

Сжал за плечи и потрянул, прислонившись к моему лбу. Никогда еще до того момента я не была к нему настолько близко. Даже родимое пятно на щеке рассмотрела. И все время взгляд возвращался к его соблазнительным четко очерченным губам.

— А какой я по-твоему?

— Добрый. Хороший. Я же вижу, как ты общаешься с Лили, как заботишься, оберегаешь. С ней ты настоящий, а остальное — все напускное.

Ян смерил меня тяжелым взглядом и в недоумении сморщил лоб, но я знала, что ничего плохого он мне не сделает. Страшно не было, только очень томительно. Странно. Будто, в животе гул, и мурашки по телу.

— Ты, бл*дь, блаженная просто — оттолкнул от себя и слегка мотающейся походкой вернулся к кровати. Плюхнулся, зарываясь в подушку и оттуда пробурчал. — Вали из моей комнаты, я спать хочу.

Воспоминания, воспоминания, воспоминания... Ужасные, стыдные, прожигающие насквозь.

Университет, второй курс

Полина

Из морока меня вытягивает звонок.

— Да — отвечаю охрипшим от волнения голосом.

— Ты где? — кричит в трубку Маша. — Мы уж столик заняли на верхнем этаже. Вторая вип-кабинка, подходи.

— Ага — сбрасываю вызов, отрываю полотенце и судорожно вытираю руки.

Поправляю черный топ на широких бретелях, припудриваю лицо, мазнув по губам вишневым блеском, и покидаю уборные.

В клубе темно, тесно и душно. Хочется забрать волосы в пучок на затылке, оголить шею. Протискиваюсь к одной из лестниц, ведущей на второй этаж, и бегло оглядываюсь по сторонам. А что если... Нет, не в характере Марека за девчонкой бегать. Не станет. Тем более за мной. Буквально, заставляю себя сбросить напряжение и захожу к девчонкам.

— Привет — улыбаюсь в ответ на приветствия.

— Я уж думала, ты потерялась — встает навстречу именинница.

Просачиваюсь между столом и диваном к ней и обнимаю.

— С днем рождения еще раз — протягиваю коробочку с сережками в виде маленьких мишек от ее любимого бренда.

Машка открывает коробочку и охает.

— Блин, Полька, спасибо! — попискивает и чмокает в щеку.

— Так, давайте что ли вдарим уже по алкоголю — выдает уже заметно пришедшая в себя Лиза Потапова из нашей труппы.

— Ага, только чтобы без коктейлей, а то как в прошлый раз — плюс два кило, и дикие крики нашей Марфовны — бубнит Кристина Зарецкая.

— Ну, и душная же ты, Тинка — отвечает ей Лиза и закатывает глаза.

— Зато ты веселая — парирует Кристина. — Накидалась уже, как не в себя.

— И, правда, Тин, сегодня мы оторвемся по полной. Иногда можно — вклинивается Маша как раз в тот самый момент, когда наша официантка сгружает с подноса на стол шоты.

Мне нужно расслабиться, чтобы прогнать дурацкие, губительные мысли из головы. Сама себя не узнаю, когда опрокидываю пару шотов подряд. Спустя еще пару Лиза утягивает меня и Машу на танцпол. Тинка же остается в кабинке. Спускаемся вниз. Еще пару ступеней. Бегло осматриваюсь и застываю на месте, как вкопанная.

Ян останавливается прямо посередине противоположной лестницы, ведущей на второй этаж. На нем узкие темные джинсы и свободная шелковистая рубашка с расплывчатыми узорами, расстегнутая до уровня солнечного сплетения. В вырезе блестит цепочка. Выпендрожник. Марек всегда любил дорогие, броские шмотки. Школьная форма ему откровенно претила.

Дергает идущего за ним темноволосого парня за руку, что-то говорит на ухо, после чего тот смотрит в нашу сторону и лыбится.

Я цепляюсь рукой за перила.

— Поль, идем уже — раздается позади меня голос Лизки.

Наблюдаю, словно в замедленной съемке, как Ян разворачивается и опускает ногу на

нижнюю ступень.

Отмираю и ныряю в извивающуюся толпу, поглощенную разноцветными бликами и дымом.

— Я сейчас вернусь — кричу на ухо Маше и проталкиваюсь ближе к выходу.

Хорошо, что хоть телефон с собой прихватила. Потом из укромного места позвоню Кристине и попрошу принести мою сумку с номерком, а пока нужно где-то переждать. Не будет же Марек, в конце концов, до самого утра по клубу метаться.

Куда мне? Что делать? Мозги после выпитого совсем соображать отказываются. Вспоминаю с какой стороны туалет и направляюсь туда. И вот уже заветная ручка, как меня перехватывают поперек талии и утягивают в узкий коридор, ведущий на цокольный этаж.

Из динамика звучит *Regard feat. Years and Years — Hallucination*. Ян удерживает меня за плечи, прижимая к стене, выполненной в стиле каменной кладки. Я утыкаюсь взглядом ему в шею, не могу поднять глаз. Дышит, как после забега. Грудная клетка ходуном ходит, и цепочка на шее поблескивает в красноватом освещении.

— Ну, привет.

Дергаюсь в его хватке.

— Ага, и пока — пытаюсь унять грохочущие сердце. — Пусти.

Но Ян и не думает.

— Я сначала думал, что обознался — его голос вибрирует, перемешиваясь с музыкой в моих барабанных перепонках и задевая горячим дыханием мочку уха. — А когда ты деру дала, понял, что нет. Это же в твоём характере убежать и прятаться. Трусиха.

— Отпусти — набираюсь смелости посмотреть в глаза. Океаны потемнели, как перед штормом.

Что там плещется на глубине?

— Ну, а если не отпущу? — придвигается ближе. — Опять прикинешься бедной овечкой, которую пытается изнасиловать больной ублюдок, да? — дышит мне прямо в ухо, задевая скулу щекой.

Со всех сторон окутывает его запахом. Таким знакомым. Свежесть, гель для душа с мускатными нотками и мята. Ян никогда не пользовался парфюмом.

— Именно это и сделаю. Закричу так, что все охранники сбегутся. Можешь не сомневаться.

— О, я и не сомневаюсь.

Не отпускает. Наоборот, своим телом наваливается, прижимая к стене. Мне плохо, меня ломает от этой непрошенной близости. От такой забытой муки. Ян фиксирует пальцами мой подбородок, вынуждая смотреть на него.

— Ты ничего не дала мне объяснить и сама ничего не объяснила, просто свалила в закат. И, знаешь, я тебя не искал. Ни одного дня. Но раз уж мы встретились, хочу понять — сглатывает, шаря по моему лицу ошалелым взглядом. — Ты так поступила, потому что Левитин наплел тебе о споре?

В его глазах адреналин, злость, обида, ненависть — дикий коктейль.

— Нечего здесь понимать — шиплю в ответ. — Столько времени прошло, неужели тебе не все равно?

— Ну, уж нет. Ты меня с таким дерьмом смешала, а я потом все разгребал. Один.

— Пусти, я на самом деле крикну.

Уголки губ ползут вверх. Наглая ухмылка на красивом лице.

— У кого то выросли зубки, да, Чижик?

— Ненавижу тебя.

— Взаимно — рычит, дотрагиваясь своим носом до моего.

Прикрывая глаза, чтобы унять взбесившийся пульс. И волнение. Опять. Снова. Как и всегда в его присутствии.

Невыносимо захотелось закричать, что мне до сих пор больно видеть его лицо.

Больно, больно, больно!

Откуда то беру силы и со всей дури наступаю ему на ногу. Глаза парня округляются в замешательстве с примесью боли. Ян заметно ослабеваает хватку. Пользуюсь случаем, толкаю в грудь и бью коленом прямо в пах.

Марек стонет, ухватываясь за ширинку, а я уже несусь в сторону выхода.

— Вот дура! — слышу позади себя, но темп не сбавляю.

Вырываюсь, в чем была, на свежий воздух и сразу же за угол. Несусь по какой-то подворотне, всхлипывая от боли и ненависти.

Впереди вывеска круглосуточной забегаловки. Захожу туда и прячусь в самом дальнем углу за одиноким столиком, который не просматривается с улицы. Остальные посетители удивленно косятся на меня. Я же, очутившись в спасительном тепле, даю волю слезам. Шмыгаю, растирая замерзшие щеки.

Боже мой, почему все так! Зачем ворошить прошлое? Ну, встретились и встретились. Неужели нельзя просто пройти мимо? Ведь мы теперь друг другу никто. Мы и раньше были такими же. Моя больная любовь давно задушена, упрятана в самые закрома подсознания, чтобы никогда не выпустить ее на волю.

— С вами что-то случилось?

Вскидываю глаза наверх и замечаю перед собой молодого парня — официанта, теребящего в руках меню.

— Нет — пытаюсь улыбнуться. — Можно кофе? Крепкий.

— Хорошо. Сейчас. Минуту — и разворачивается, чтобы удалиться, но в последний момент останавливается. — Может, плед принести? Так быстрее согреетесь.

Благодарно киваю. Парень тоже улыбается и уходит в подсобку, буквально, через несколько минут возвращаясь с пледом и чашкой горячего кофе.

Достаю из заднего кармана джинсов телефон и трясущимися руками набираю Кристину.

— Тинка, ты еще наверху?

— Ну, да, куда вы пропали? — заминка. — А почему музыки не слышно? Ты где?

— Тин, помоги мне. Я в кафе недалеко от клуба. Мне нужна моя сумка и верхняя одежда. Номерок в кармане на замке.

— Чего?

Представляю, какие у нее сейчас круглые глаза.

— Потом объясню. Принеси мне, пожалуйста, вещи. Я не могу вернуться.

— А эти с тобой?

— Нет, они на танцполе должны быть.

— Ладно, только ты мне все расскажешь.

— Хорошо — сдаюсь. — Сейчас название кафешки скину.

Тинка прибегает минут через десять. Взмыленная и немного пьяная. Я же давно протрезвела. Ине мудрено — бежать в одном топе, когда на улице температура близится к

нулю.

— Я девчонкам рассказала про тебя. Они в шоке — присаживается на диван напротив. — Ты как?

Кисло улыбаюсь и поправляю плед, съехавший с плеч.

Тинка тоже заказывает кофе у того самого официанта и вперивается в меня взглядом.

— Что произошло-то?

Не знаю, как начать.

— Помнишь, я рассказывала вам про мальчика, в которого была влюблена в школе?

Та кивает.

— Он был там. Вернее, я заметила его еще на улице, когда вас ждала. Они проезжали мимо, и Марек узнал меня. А когда мы спускались на танцпол, заметил и погнался. Зажал в каком-то коридоре. Я думала, задохнусь. Понимаешь, я не могу его видеть. Нет сил совсем. Просто ненавижу. Не могу — прячу лицо в ладонях, сдерживая всхлипы. — Я думала, он уехал. Надеялась, что больше не увижу его. Это невыносимо, видеть его.

— Ну, все тише. Польша, тише — ловит мою руку и сжимает в своей ладони. — Подумаешь, хрен с горы.

— Он не хрен с горы, Тина. Я надеялась, что перегорело, переболело, умерло. Но стоило его увидеть снова и... Господи, я такая слабачка.

— Слушай — воодушевляется подруга. — А давай позвоним девчонкам и скажем, чтобы шли сюда. А потом все вместе укатим в другой клуб. Оторвемся, как в последний раз. Все равно завтра выходной.

— Кабинка оплачена — возражаю в ответ, хотя ее предложение мне нравится.

— Вот, блин. Да, я все расходы на себя беру. Ты же знаешь, что мне это ничего не стоит, а? — тербит меня за пальцы.

Я улыбаюсь и киваю в ответ. Обожаю ее и Машку с Лизой тоже. Наконец, мне удалось найти настоящих подруг.

Уже в такси, когда мы все вместе мчим в новый клуб, который недавно открылся, я закрываю глаза и вспоминаю, как раньше всегда оправдывала Яна. Любым его выходкам находила объяснение. Даже когда он умудрился испортить день рождения Лили.

Ей исполнялось четыре. Дом был украшен к празднику. Приглашены гости и аниматоры. Кругом веселье, куча детей, музыка, столы, уставленные сладостями. Ян с самого утра из-за чего-то поругался с отцом и укатил к своей подружке, Еве. И вот в самый разгар веселья они явились. Вдвоем. Сначала всем показалось, что Марек с Никольской просто пьяны. Мама Яна пыталась образумить их, уговорить уйти наверх, пока не придут в себя. Но Ян отказался, даже показушно обиделся, что его не пускают на праздник. Сказал, что тоже хочет повеселиться.

И они веселились. Умудрились сломать надувной замок, порушили битами пиньяты, с диким гоготом собирая в карманы сладости, рассыпавшиеся по газону. Взболтали всю газировку и пускали фонтаны. Это длилось до тех пор, пока Филип Марек не вышел из себя и не увел этих двоих к себе в кабинет.

Оказалось, что они были вовсе не пьяны. Они были под кайфом. Потом Ева призналась, что это ее рук дело и показушно заливаясь слезами просила у родителей Марека прощения. Она вообще была ненормальной. Все знали про ее некоторые психические расстройства. Ходили слухи, что Никольская периодически лежала в реабилитационном центре. Но несмотря ни на что, в семье Марека ее любили.

Я не обвиняла Яна. Убедила себя в том, что это Ева во всем виновата, будто он теленок на привязи или котенок слепой, ничего не соображающий. Теперь понимаю, какой же слепой я была. Мне казалось, что я разглядела его душу. Но на самом деле там было пусто. Ведь Ян никогда не пытался выставить себя в лучшем свете. Никогда ничего не скрывал, наоборот, демонстрировал, какой есть. А мои розовые замки — всего лишь фантазия. Я просто очень сильно влюбилась, не понимая за что. И слепо к нему тянулась.

А Ян долгое время не проявлял в мою сторону ничего, кроме враждебности и бесконечных издевок. Но в одиннадцатом классе все поменялось. Он вернулся из Польши, где гостил у дедушки с бабушкой. Ян сильно возмужал, загорел. Его и без того пшеничные волосы выгорели на солнце. А я так соскучилась, что при любой возможности изподтишка любовалась. Украдкой. Тайком.

Но он по-прежнему был с Никольской. Она постоянно торчала в его комнате. Часто оставалась на ночь, и я даже думать не желала, что происходит там, за закрытыми дверями. Хотелось в голос кричать, подушку на клочки разрывать, сделать хоть что-нибудь, лишь бы унять эту тупую боль.

А потом к нам в класс пришел новенький...

Школа, выпускной класс

Полина

Стас Филатов появился в нашем классе в обычный, ничем не примечательный, осенний день. Сказать, что он привлек внимание, это ничего не сказать. Еще до начала урока девчонки оживленно его обсуждали, рассматривая фотки на телефоне у одноклассницы Инги Клименко.

Развязная походка, ленивая. Рубашка выправлена из-под ремня брюк, рукава закатаны до локтя. На внутренней стороне предплечья татуировка. Коротко стриженные темные волосы, почти выбритые по бокам, и хитрые зеленые глаза. Красота броская, цепляющая взгляд.

Он прошествовал между рядами и приземлился рядом со мной, бухнув рюкзаком об пол. Судя по сплетням все уже знали, что это сводный брат Евы Никольской, отец которой недавно во второй раз женился.

Филатов не торопясь достал учебник с тетрадкой и мило улыбнулся мне. Я тут же отвела взгляд в учебник. Было страшно даже поднять голову, потому что кожей чувствовала, как все на нас пялились.

— Как тебя зовут? — шепнул он, склонившись в мою сторону, когда уже начался урок.

— Полина — пробормотала я онемевшими губами.

— Стас — прошептал так, будто, тайну мне поведал.

Украдкой бросила взгляд туда, где сидели Ян с Евой.

Ева оглянулась в ответ и уставилась на новенького. Мне был знаком этот взгляд. Я так смотрела на Яна. Буря в ее ледяных глазах могла разметать меня на куски. И Стаса тоже. Она тербила в руках ручку с пушистым наконечником, постукивая ею по парте, и кусала нижнюю губу.

Марек не отставал. Косился то на Никольскую, раздувая ноздри, то на Филатова. И мельком, буквально, на одно мгновение на меня.

Он был зол.

Прямо на уроке физкультуры Марек зарядил отвлекшемуся новенькому баскетбольным мячом прямо в лицо. Тот свалился, вытер ладонью кровь, сочившуюся из носа, и тут же набросился в ответку. Успел приложить Яна головой об пол, пока физрук их не разнял.

А вечером того дня Марек завалился ко мне в комнату. Выждал момент, когда мама ушла помогать с подготовкой к ужину Зульфие, штатной поварихе. Я делала уроки. Ян бесцеремонно подошел к столу, перелопатил все мои тетради и плюхнулся на кровать, опираясь на руки.

— Понравился? — спросил насмешливым тоном.

— Кто? — сделала вид, что не понимаю, о чем он.

— Этот хрен с горы в татуах.

Ян злился и понимал, что с этим Стасом все не так просто.

— Он нормальный парень, а не хрен с горы — я укоризненно покосилась на Марека, покручивая карандашом в руке.

— Да, конечно — Ян брезгливо поморщился.

А потом поднялся с кровати и встал позади меня. Навис, как гора. Я чувствовала его

тепло и ни о чем больше не могла думать. Ни об уроках, ни о новеньком, ни о Еве, к которой Марек в очередной раз смотался после занятий. Только это сбивчивое дыхание над моим затылком.

Ян склонился ниже, отчего внутри приятно заныло, завязалось в узел и поплыло мурашками по телу.

— А как же твои, типа, чувства ко мне?

Его близость сводила с ума. Что-то болезненное и пылкое зарождалось внутри, стоило только почувствовать Яна рядом.

— Разве я хоть раз говорила тебе о своих чувствах?

— Да, брось, молю. Тут и говорить не нужно — Марек уперся руками о края письменного стола, заковывая меня в кокон. — Думаешь, незаметно, как ты пялишься все время, как подглядываешь за нами с Евой? Может, поделишься своими фантазиями, м?

Карандаш дрогнул в моей руке. Ну, зачем он все время пытался казаться таким, каким на самом деле не являлся?

— Нет у меня никаких фантазий.

— Да, да, конечно — хмыкнул и отстранился. — Все вы, девчонки, одинаковые. И Ева такая же, лужей перед этим ублюдком потекла.

Мне хочется ответить, что я не такая, и не нужно всех равнять по своей Никольской. Я могла бы ему сказать, что он для меня самый лучший. Но я промолчала в ответ. Осталось лишь до черных мушек зажмурить глаза в тот самый момент, когда раздался стук закрывающейся двери.

На ужин Ян не явился, укатил с друзьями в клуб. А посреди ночи загромыхала музыка. Мама зоволилась на кровати ворча, а потом и вовсе поднялась.

— Пойду посмотрю, что там — вздохнула, запахивая халат. — Господи, как орут.

Я лежала и вслушивалась в отголоски звуков, вибрирующих по стенам, не смея сдвинуться, пока за окном не замигали огни скорой помощи.

Сразу же подскочила, как ужаленная, сверху прямо на пижаму набросила толстовку и выбежала в холл. Ян сидел на диване в гостиной и странно хохотал, пока Елизавета Александровна кричала на него.

— Ян, ну, что же ты творишь? А как же команда? Ведь у вас игра скоро.

— Мне пофиг — припаваючи протянул он в ответ на ее стенания по поводу предстоящих соревнований по баскетболу.

— Где ты взял? — не унималась она. — И зачем, Ян?

— Мам, хорош меня лечить. Ничего я не принимал — и смеялся в ответ.

А у меня сердце разрывалось. В прошлый раз это Никольская добыла таблетки. Неужели снова она? Злость к этой психованной девчонке разрасталась, как снежная лавина.

Врач осмотрел плечо Марека, недовольно цыкнул языком, и велел ехать в больницу, чтобы сделать рентген.

Мама на ухо мне прощуршала, что Ян заперся в комнате, и пока туда пытался попасть Филип, прыгнул в окно. Он был под кайфом.

— Бедовый мальчишка — заключила мама, неодобрительно мотая головой — Это все от больших денег и вседозволенности. Пошли, Польша — позвала меня мама и направилась обратно в комнату досыпать.

А мне никак не спалось. До самого утра так и проворочалась, улавливая посреди ночи шаги вернувшихся из клиники Яна и Филипа.

Оказалось, что Мареку наложили лангетку на плечо и оставили на больничном на две недели. Предстоящую игру он, однозначно, пропускал.

В школу я отправилась обычным маршрутом на электричке. Вместе с Мареким я никогда не ездила, изначально отказалась. Подумала, что это уже слишком. Да, и он бы не стерпел. И так все время фыркал, что глаза ему мозолю.

Незадолго до начала урока явилась Никольская и начала выпрашивать у Влада Сухова, где Ян. Я напряженно сидела на месте перед открытым учебником физики.

— Сам искал, только Марек не в сети. Мы вчера немного потусили в "Кегле", но потом Ян уехал на такси домой — ответил Сухов, охрипшим голосом.

Ева фыркнула и достала телефон, набирая, видимо, Мареким. А потом выругалась в голос и осмотрелась по сторонам, останавливая взгляд на мне.

— Эй, Чижик — окликнула и походкой от бедра подкатила к нашей со Стасом парте. — Марек где?

Я ничего не ответила, лишь упрямо поджала губы.

— Чего уставилась, где Ян? — щелкнула пальцами у меня перед носом.

— Откуда мне знать? — огрызнулась в ответ. — Он же твой парень, а не мой.

Я так на нее зла. Все из-за этой белокурой ведьмы.

Ева поморщилась брезгливо.

— Не прикидывайся идиоткой, ты с ним под одной крышей живешь.

— И что? — я задрала подбородок и вскинула кверху брови.

— Так сложно ответить? — понизила тон Никольская. — Где Ян?

— Это ты во всем виновата! — не выдержала и заявила ей — Ян сорвался опять. Сама психопатка и его за собой на дно тянешь — выкрикиваю, подавшись всем корпусом вперед.

Все уставились на нас. Класс замер.

Ева растерянно огляделась. Ноздри раздувались от злости. Один миг, и она сбросила все с моей парты. Пенал разлетелся к чертям вместе с содержимым.

Я отскочила назад. Мало ли, что можно ожидать от свихнувшейся Никольской.

— Чего ты сказала? — рыкнула мне в лицо и схватила за волосы.

Я сжала зубы сильнее, чтобы не всхлипнуть.

— Говорю же, психованная! — крикнула в ответ и попыталась дотянуться до ее пальцев, вцепившихся в мои волосы.

Никак не получалось, пока чьи-то руки не оттянули от меня Еву. Ее держал Стас, перехватив за талию.

— Успокойся — зарычал девчонке в висок. — Ты и в самом деле психованная.

— Так, что здесь происходит? Никольская! Чижук! — взревела с порога физичка.

Я тут же бросилась на колени собирать вещи, а Филатов отпустил Еву и принялся мне помогать.

— Спасибо — пробурчала ему в ответ и набралась смелости улыбнуться.

Вот уж никак от него не ожидала. Точнее, Стас совсем не казался мудаком. Но я не думала, что он будет вступать в мои разборки со своей же сводной сестрой.

— Никольская, на место, будь добра — велела той учительница.

Все оставшиеся уроки я сидела, как после удара по голове. Эта была первая наша с Никольской подобного рода стычка. До этого дня выпады Евы в мою сторону ограничивались лишь словами и издевками.

Университет, второй курс

Полина

Как он меня нашел?

Кафе, в котором я подрабатывала, было не из тех мест, что посещает Ян.

Я стояла у планшета и вбивала заказ, когда он зашел и сразу же выцепил меня взглядом.

Ошалелым и злым.

Быстро добиваю чек, уже улавливая рядом приближающиеся шаги, и смываюсь на кухню. Там, подпирая косяк у раздаточного окна стоит моя напарница, Арина.

— Заказ! — кричу на кухню и прикрепляю чек. — Арин, выручай — подмазываюсь к напарнице.

— Чего? — мычит устало Аринка.

— Там знакомый один явился. Не могу в зал выйти. Подмени меня, а? До закрытия всего ничего осталось. Пару столов у меня. Чаевые себе заберешь, и выручкой за день поделюсь.

Прямо чувствую, как ее любопытство распирает. Она хитро хмыкает и заглядывает в зал.

— Тот красавчик за седьмым что ли?

— Не знаю за каким он. Блондин с зеленой куртке.

— Да, он.

Медлит. Приценивается.

— Ладно, так и быть — забирает меню. — Я бы от такого не бегала.

Облегченно выдыхаю и набираю менеджеру, которая свалила из кафе час назад. Отправляюсь, ссылаясь на резкое ухудшение самочувствия.

Снимаю фартук и складываю в рюкзак. Накидываю пуховик, шапку пониже на глаза и направляюсь к черному выходу. Дверь массивная. Поскрипывает. Как только появляюсь на пороге, тут же натываюсь на парня, что был в тот вечер с Мареком в клубе. Он медленно отлипает от кобота тачки и достает из заднего кармана телефон, не сводя с меня глаз, при этом хищно лыбится.

Вот я и попала.

Это у мажоров новый прикол такой? Жить скучно стало?

Сразу же закрываю дверь и прячусь в подсобке, пытаюсь выровнять сердцебиение, которое так и норовит проломить ребра.

Судорожно соображаю, как выскользнуть из кафе. И когда дверь распаивается, чуть не подскакиваю со стула.

— Полька? Ты чего здесь? Отпросилась же — удивленным тоном спрашивает наша вторая повариха, Маргоша.

Подходит к своей куртке и достает зажигалку из кармана пальто.

— Выйти не могу — признаюсь прямо.

У нас с самого первого дня, как я устроилась сюда работать, установились хорошие отношения. Да, и вообще весь коллектив сплоченный и довольно дружелюбный.

— Почему? — натягивает на плечи потасканную фуфайку.

— В зале парень сидит, с которым я видеться не хочу. А с черного выхода его дружок

стережет.

— Тебя пасут что ли?

Только киваю в ответ.

— Да, дела. Короче, меня жди. Скоро смена закончится, довезу тебя. Вместе выйдем, идет?

— Спасибо — кидаюсь ей на шею и чмокаю в румяную щеку.

— Ага — и выходит.

Пока жду, решаю в интернете посмотреть, выложенные в сеть этюды за прошлые года для отчетного экзамена.

После нашего с мамой побега, мы уехали в Волгоград. Там ее подруга хостелы держит. Вот и предложила маме администратором поработать. Квартиру для съема помогла найти, а меня в школу устроила. А еще записала в танцевальный кружок при школе. У нас была замечательная преподавательница, Светлана Викторовна. Она то в последствии и уговорила маму разрешить мне поступать на хореографическое, ссылаясь на явный у меня талант, а не в экономический институт.

Через полчаса заглядывает Аринка.

— Сидит — играет бровями, будто, это развлечение какое-то.

— Спрашивал обо мне?

— Неа, третью чашку кофе пьет и по сторонам зыркает. Чего не ушла?

— С черного входа дружка своего приставил — прикрываю глаза и откидываюсь головой к стене.

— Даже так? Потом все расскажешь, поняла, а то...

— Поняла — перебиваю его.

Успеваю задремать к концу смены, когда меня тыкают в плечо.

— Вставай, спящая красавица — улыбается Маргоша. — Домой поедем.

Жду, пока она переоденется, и вместе покидаем кафе с черного входа.

Семеним мимо того парня. Жмусь к Маргоше.

— Не трясись, Поль. Я этим соплякам тебя в обиду не дам.

С этим сложно не согласиться. Маргоша у нас из той породы, что и в горящую избу войдут, и коня на скаку остановят.

— Полин! — слышу позади себя голос Марека и шаги.

— Вот ведь лощеный какой — бурчит Маргоша, открывая ключом дверь старенькой Калины.

Быстро обхожу машину и дергаю пассажирскую дверь. Но та остается закрытой, пока Маргоша не откроет водительскую, а у нее, как обычно, замок заедает.

— Да, чтоб тебя! — дергает та ключом.

— Полин, давай поговорим — приближается быстро.

Его пшеничные волосы на ветру спутались и глаза закрывают. Куртка нараспашку. Руки спрятаны в карманах.

Молчу, как воды в рот набрала. Слова вымолвить не могу. И послать бы его, куда подальше, но у меня, как-будто, голос пропал.

— Ну, чего ты пристал? Не хочет она с тобой говорить — встречается Маргоша, наконец, справляясь с замком. — Прыгай в машину — приказывает мне и тянется к рычагу с внутренней стороны моей двери.

Ян уже у Калины, дергает за ручку, но я блокирую замок и жмурюсь в ответ на его

ругательства.

— А, ну, отошел от машины, засранец! Ломает он мне тут!

— Выйди! — стучит кулаком о стекло. — Бл*дь, мы просто поговорим! Я же все равно тебя достану, если захочу!

— Вот же мажоры! — кричит Маргоша. — Отойди, а то сейчас полицию вызову и охрану.

Садится за руль, захлопывает дверь и ударяет по газам. Ян только и успевает, что отскочить, чтобы по ногам не задело.

Оглядываюсь на удаляющуюся паркову с темными двумя фигурами и давлЮ подступающие слезы.

Ночью почти не сплю, все ворочаюсь с одной стороны на другую. В институт добираюсь совсем разбитая.

Но и здесь меня ждет неприятный сюрприз.

На стоянке замечаю Таню Осипову, что недавно попросилась к нам в труппу, потому что в своей возникли какие-то разногласия с девчонками из-за парня. Наверное, из-за того самого брюнета, что обнимает ее сейчас возле машины.

Парня я узнала. Накануне тот терся в кафе. Сидел за крайним столиком и все разглядывал меня. Наверное, поэтому и вспомнилось.

Сразу в голове мысли, что все неслучайно. А вдруг это тоже друг Марека?

После репетиции этюда собираемся домой. Заприметив Таню, решаюсь сама к ней подойти и спросить, чтобы не додумывать лишнего. Не хочу ее ни в чем подозревать. Она — девчонка классная, и танцует очень хорошо.

Присаживаюсь рядом с ней на скамейку, пока Таня собирает свои розовые волосы в высокий хвост.

— Тань — прочищаю горло. — Когда я сегодня утром шла через парковку в институт, то увидела тебя с парнем. Высокий такой, темненький. Это тот самый, из-за которого вы с Лилей поссорились?

Она застегивает молнию, подозрительно косится на меня

— Тот самый.

— Вы встречаетесь? — вкрадчиво спрашиваю.

— Ну, вроде того.

Решаюсь спросить главное.

— А ты друзей его знаешь? Знакома с кем-нибудь?

— Вообще то мы с Тимуром из одного города, учились вместе. Но с нынешней компанией я почти не знакома.

— Да? Ну, ладно — закидываю спортивную сумку с реквизитом на плечо. — Я тогда побежала, а то у меня еще подработка.

— Ладно — дергает плечами — До завтра.

А на следующей репетиции она все мои опасения подтвердила. Марек был другом и одноклассником ее парня, Тимура. И Таня, буквально, вытащила из меня все подробности нашей с Яном истории.

Школа, выпускной класс

Ян

Что я почувствовал, когда увидел ее в первый раз?

Раздражение.

Точнее, раздражение я почувствовал еще раньше, когда отец заявил нам, что по доброте душевной взял новую домработницу с дочуркой, которую к тому же еще пристроил в мою школу. Видно, деньги, ляжку жгут.

Я думал, вот честно, если уж ему так захотелось поиграть в благодетеля, пожертвовал бы лучше бабок какому-нибудь детскому дому или закинул деньжат на лечение больных детей, наконец.

Вообще-то мы искали новую домработницу. Но раньше этим занималась мама, и всегда через проверенные агентства, а не первую попавшуюся нищенку с улицы в дом тянуть, как в самом дешевом сериале для домохозяек.

Потом в голову пришла мысль, а, может у отца с этой бабой роман в тайне от матери. Ну, она же полы в его офисе мыла, мало ли еще какие услуги оказывала. Но как только отец представил их, я сразу же эту идею отмел.

Где моя мать, а где она. Небо и земля. Как может, пусть и бывшая, модель с безупречным вкусом, выдрессированная под высшее общество, до сих пор сохранившая отличную фигуру и лицо, сравниться с усталой худющей теткой в старых шмотках и пучком на голове.

Я сидел за столом и с непробиваемым взглядом смотрел на новых обитателей нашего дома. С Полькиной мамой и так все ясно. А вот сама Полина...

Вообще не в моем вкусе. Острая.

Острые скулы, плечи, локти. Длинноногая. Веснушки на курносом носу и щеках. Русые волосы, собранные в хвост и открывающие уши. Обычные синие джинсы и растянутый в катышках бордовый свитер.

Но что-то было такое в ее мутновато-серых глазах, больших, распахнутых, как у олененка, отчего у меня внутри неприятно защемило.

Так бывает, когда ждешь какой-то неизбежной херни. Ты знаешь, что она обязательно наступит, но когда точно не в курсе.

Я понял, что у меня будут с ней проблемы, буквально, в первые же дни их появления. Чижик на меня запала. Конкретно так. Потряхивающая ее тело вибрация доносилась до меня по каким-то невидимым волнам, стоило пройти мимо.

И что я чувствовал?

Опять таки одно лишь сплошное раздражение, которое я вымещал, как мог, на бедной девчонке. Она тряслась, хлопала короткими ресницами и покрывалась красными пятнами. Покорная до тошноты.

Полной противоположностью Чижиху была моя подружка, Ева, которая каким-то особым женским чутьем расчухала, что Полька ко мне очень неровно дышит, и превратила обычную серую моль, никем не замеченную, в объект для приколов.

А еще Полька нехило так скорефанилась с моей младшей сестренкой, Лили. Сестру я любил, даже несмотря на то, что с ее появлением на меня вообще забили, и ревновал. Дико

ревновал, потому что свободного времени у Лили было и так в обрез — мама постоянно таскала ее по развивашкам, а тут еще и Чижик вклинилась. Но с другой стороны мне нравилось наблюдать за ними, слышать смех.

Со временем я к Польке привык. К ее широко-распахнутым оленьим глазам, к ее трясущимся острым плечам, стоило просто встать рядом, и какому-то особенному, едва уловимому запаху душистого мыла. Сам я не переносил парфюмерию, которой Ева обливалась с ног до головы, и пользовался лишь дезиком.

Короче, привык я к Чижиху настолько, что даже заскучал немного, когда отправился на лето в Польшу к деду с бабушкой по отцовской линии.

Еве я никогда не изменял, хоть претенденток было до хреновой тучи. Вспомнить ту же Мартину из Кракова, которая после очередной пьянки затащила меня к себе в комнату. Но стоило вернуться обратно домой, как мои мысли стали метаться по углам, как загнанные на зиму мухи.

Помню первый раз это случилось, когда я вернулся домой взмыленный, как черт, от Евы. Снова продинамила, никак до сокровенного допускать не хотела. Мы с ней, конечно, целовались так, что искры из глаз. Да, и руки с языком она к своему телу очень даже охотно допускала. И стонала, и губы нервно закусывала, но дальше дело у нас не продвигалось.

И вот я с еще не опавшим стояком в штанах чапал мимо Лилиной детской. А оттуда вполне знакомое щебетанье. Дверь была приоткрыта, я и заглянул. Полька стояла босая на кровати мелкой и развешивала на стенде с веревочками детские рисунки, фиксируя зажимами в форме звездочек. И тут меня бабахнуло. Я, задерживая в легких дыхание, рассмотрел округлившуюся под легкими шортами задницу, заценил тонкую талию с обнажившейся полоской белой кожи у края футболки. Жадно охватил взглядом длинные стойные ноги. И охренел.

Мысль о том, что эта девчонка втюхалась в меня по самое не балуй по башке ударила, как обухом. Я мог трахнуть ее, если бы приложил хоть немного усилий, а, может, и без них. Крышак поехал.

Но я же не конченный мудака, чтобы воспользоваться и выкинуть. Больше, кроме одного траха, я все равно Польке предложить ничего бы не смог. Поэтому заббарикодировался от этой девчонки своими отношениями с Евой.

А потом появился Филатов и спутал мне все карты.

Первым таким нехилым звоночком была его фотка в телефоне Евы, которую я мельком увидел, когда забирал ее из дома, после того, как она в очередной раз разосралась с отцом на фоне появления в их семье новых членов. В буквальном смысле этого слова.

Ева переписывалась в чате с подругами, куда и закинула фотку.

— Это че за хрен? — спросил я девчонку, отвлекаясь от дороги.

— Наш новый одноклассник, завтра познакомитесь — спокойно так ответила. Будничным тоном. Типа, все нормально, вообще ни черта не происходит.

— В смысле? — у меня аж брови на лоб полезли. Я вообще не вдуплял. — Это твой брат сводный что ли? Тот самый?

— Тот самый — прочитала последнее сообщение и выключила экран.

— Дай сюда — я протянул свободную руку.

Мне аж интересно стало, что за чел будет жить под одной крышей с моей девушкой. Явно, не чмо, раз целую переписку завели. Да, еще и с фотками.

— Зачем? — Ева приторно захлопала глазками.

Взбесила еще сильнее.

— Ева, дай свой гребаный телефон сюда.

Хмыкнула, разблокировала экран и передала мне.

— Любуйся.

Я аж скорость сбросил. Фотку Еве переслала Инга Клименко, та еще мадам, падкая на члены. На ней запечатлен явно охеревший от происходящего парень, движущийся в сторону снимающего. Красными кружочками обведены татушки на руке и еще часть на бедре. И куча сердечек в придачу.

Вот, вашу мать?

Татух что ли не видели ни разу? Да, у нас в школе у каждого третьего старшака есть. Вон у Рыльского вообще рукав набит. И че?

— Нахер ты его фоткала? — вернул телефон обратно.

— Девчонки просили — Ева пожалала плечами, типа, все пучком, все ровно.

— Он с вами будет жить? Я думал, он младше.

Когда Ева говорила вскольз о них, я и, правда, подумал, что приедет какой-то мелкий пацан, типа моей Лильки, ну, или чуток постарше. Но не этот.

— Будет. В соседней со мной комнате — а у самой голос, как у ведьмы. Специально, блин, заводила меня.

— А че ты так лыбишься? Запала что ли?

— Я? — снова захлопала ресницами — На этого нищоброда? Пфф, гонишь.

— Если он до тебя дотронется только, я по земле его раскатаю, поняла?

Сделала вид, что не услышала. И догонял ведь, что повелся на откровенную провокацию, но я уже накрутил такого в башке, что меня понесло.

Положил руку ей на бедро и сжал.

— Поняла, спрашиваю?

— Да, поняла, успокойся. На фиг он мне не упал — и накрыла мою руку своей теплой ладошкой.

Но вот ее размысленный взгляд говорил, что нихрена Ева не поняла.

Университет, второй курс

Ян

Просыпаюсь от того, что кто-то чешет мою пятку.

— Черт, Семин, отвали — стону и накрываю голову подушкой.

— Бро, вставай, на пару опаздываем.

Вместо ответа лягаю его ногой, но Сема перехватывает меня за щиколотку и принимается щекотать с новой силой.

Вот, урод. Бросаю в него подушкой и толкаю свободную ногой в грудину.

— Отъеб*сь, кому сказал — сбрасываю ржущего Семина с кровати и иду в душ.

Голова трещит. Быстро споласкиваюсь и плетусь на кухню.

Сема уже сидит за барным стулом и потягивает из моей любимой кружки кофе.

— Давай быстрее. У меня радиотехника первой парой. А Фирсова, собаку, ты и сам знаешь.

Да, старый брюзга Фирсов — тот еще занудный хрен. На его занятия нельзя даже на одну минуту опоздать, сразу же велит выметаться вон.

— Дуй один, у меня первой лекция.

— Ну, уж нет, Марек. Ты меня вчера спойл, ты же меня на лекции и отвезешь. Тачку на стоянке оставлю, завтра отгоню.

Вот, борзый говнюк. Как-будто кто-то заставлял его вискарь глушить, как в последний раз.

Кофе с утра не лезет совсем. Наливаю себе стакан молока, после чего возвращаюсь в спальню и натягиваю первый попавшийся под руку свободный темно-серый джемпер и узкие черные джинсы. По пути собираю пустые бутылки и упаковки из-под снеков, засовываю все в мусорный пакет и прихватываю с собой, застегивая на ходу пуховик под самое горло.

Спускаемся сразу в подземку. Ежусь с похмелья и прыгаю в тачку. Голова до сих пор чумная, на ментов бы не нарваться. Загружаю приложение и прокладываю самый безопасный путь до универа.

Черт, точно опоздаем, но Семину лучше пока об этом не знать. Он блаженно растягивается на пассажирском сидении, выпрямляя ноги и утыкается в телефон.

— Слушай, может, расскажешь про эту неприступную цыпу, которую мы пасли? Вроде, по внешке ничего особенного. Ты чего так запарился?

— Да, так. Старые счеты.

Не хочу ничего объяснять. Нужно в себе сначала разобраться.

После того, как Польша с мамашей свалили в неизвестном направлении, не удосужившись даже выслушать меня и хотя бы намекнуть, какого хрена она устроила весь этот гребаный цирк, я на самом деле ее не искал. Первое время бесился страшно. Понял, что влюбился. Но все же решил отпустить, пусть катится. Просто вычеркнул, стер, не позволяя себе даже вспоминать, чтобы не сорваться.

Но когда увидел возле клуба, все внутри вверх дном перевернулось, поплыло. Картинка за картинкой, воспоминание за воспоминанием. На меня такая злость накатила. Просто бомбически вштырило. И не отпускает до сих пор.

Вот я и подумал, чтобы успокоиться, нужно поговорить с ней. Решить все разом, узнать правду и, наконец, с легким сердцем выкинуть из головы. На чертово всегда забыть про эту веснушчатую моль.

— Мар, может, раз уж у тебя такие мутки с этой девчонкой, отвянешь от Лиски, а?
Хмыкаю.

— Да, забирай. Я и сам не знаю, как отвязаться от нее.

— Тогда ты ей как-нибудь подоходчивей намекни, что ловить нечего. А тут я, принц на черном кружаке, подкачу свои причиндалы, успокою, утешу, и все такое.

Закатываю глаза.

— Ага, только ты после траха приготовься к дрочке мозгов. У нее фишка — поболтать о совместном будущем — удивленно кошусь на друга. — Семьч, а че ты раньше то молчал? Мог бы и сразу про свою симпатию сказать.

Дергано пожимает плечами и откидывает со лба смоляную челку.

— Да, не знаю. Думал, что просто так. А когда увидел, как Лиска у Дэва на хате на твоей шее повисла, так еле сдержался, чтобы тебе физио не намылить.

И до самого универа мне пришлось выслушивать о том, какая Лиска классная, красивая, юморная. И какой я идиот, раз променял охрененную телку на такую обычную девчонку. Пришлось подзатыльник отвесить, чтобы Сема лишнего про Польку не болтал.

Нет в ней ничего обычного. Может, по сравнению с нашими разодетыми куклами, наштигованными филлерами, как курица антибиотиками, Полька и теряется.

Но стоит зацепиться взглядом, и уже невозможно отлипнуть. Ни от худых острых плечей, ни от веснушек на носу, ни от тонкой шеи и уж тем более от широко-распахнутых глаз олененка.

К тому же Сема не знает, как она умеет танцевать. И мне становится интересно, Полька еще танцует или все же закопала свою мечту? Наверное, по настоянию мамыши поступила на экономический.

На парах сижу с кислой миной, а потом на тренировке сливаю игру всухую. Никак не отпускает. В кафешку к ней снова не потащусь. Не выйдет, гиблое дело. Нужно что-то другое придумать. Может, перерыть все экономические факультеты столичных вузов?

После душа плюхаюсь на лавку в одном полотенце и судорожно прикидываю, сколько в Москве таких вузов. Дохрена.

Рядом садится Тим Девлегаров. Мы с ним с самого первого дня задружились. Дэв очень отличается от остальных парней из нашей компании. Не похож ни на дерганого Семина, ни на борзого Соколова. Спокойный, как удав. И в отличие от меня свою Таньку добился, хотя она его динамила еще со школьной поры, потому что была влюблена в какого-то левого мудака.

— Братан, ты чего-то совсем раскис. Всю игру завалил.

Взьерошиваю мокрую челку и откидываюсь на дверь шкафчика, прислоняясь к ней головой.

— Да, пофиг — устало прикрываю глаза.

Вообще сейчас не до этого.

— Слушай, я тут кое-что узнал про ту девчонку из кафе.

О, вот это уже интересно. Дэв, косвенно, в курсе моих дел с Полькой, потому что именно его я просил проследить и сфотать ее в кафе, чтобы узнать она это или просто похожая девчонка, которую я случайно заметил у входа, когда искал заправку.

— И? — вопросительно вскидываю брови и кошусь на друга.

— Сначала расскажи мне, что у тебя с этой Полиной. Кто она?

Не хочу вдаваться в подробности, и уж тем более вещать о своих чувствах. Поэтому сухо отвечаю:

— Ее мама была нашей домработницей, они жили вместе с нами. Предки по доброте душевной или просто, чтобы карму почистить, устроили Полину в частную гимназию, которую я посещал. В мой класс. Она ходила все время и таращила на меня свои оленьи глаза, раздражала жутко, короче. Какое бы дерьмо я ни совершил, всему находила оправдания. В итоге как-то по пьяни у меня башню сорвало, был секс. А потом Полька выставила все так, будто я насильно ее трахнул. Отец меня чуть в военное училище не запихал. Потом, правда, поутих и после экзаменов сослал в трудовой лагерь на остаток лета. А Чижик со своей мамашей свалили в неизвестном направлении.

— И что ты собираешься с ней делать? — допытывается Тим.

— Просто поговорить. Пусть, твою мать, объяснит, зачем так поступила. Но ей стыдно. Чижик прячется от меня, как мышь. Как только в кафешке своей заприметила, тут же свалила в подсобку и пряталась там. Я решил подождать окончания смены, так Полька вышла с толстозадой поварихой под руку, пока та материла меня, на чем свет стоит, Чижик вжала голову в шею и семенила к ее машине.

Дэв шумно вздыхает, хлопая ладонями по коленям.

— Короче, она учится вместе с моей Таней. У них совместные репетиции.

Округляю глаза глаза. Вот это поворот.

— Серьезно? Значит, все-таки подалась танцевать? А я то думал, просто заливала, чтобы тумана напустить — улыбаюсь. — Спасибо, бро. Ты же просветишь своего друга, когда у них эти самые репетиции?

Тим поднимается с лавки и направляется к шкафчику за своим барахлом.

— Ладно, только беспредел не устраивай, а то от Тани огребу потом.

— О, братан, да ты под каблуком! Поздравляю! — подскакиваю к нему со спины и треплю черные лохмы.

— Отвали — Дэв бурчит в ответ.

Школа, выпускной класс

Полина

Мы с Лили собирали пазлы, устроившись в шалаше, что расположен у девочки в комнате.

— Вот смотри, видишь еще две детали с фрагментами шляпки? А эта от туловища.

— Ага — Лили ловко управилась с недостающими частями, пожеывая верхнюю губу.

— А теперь давай дом собирать — я принялась укладывать в стопку пазлы с изображением сказочного теремка принцессы.

Лили тоже стала копаться, подыскивая нужные элементы, а потом заголосила.

— Ян, мы тут, иди к нам.

Я подняла голову и увидела в дверях Марека. Он отлип от косяка и подошел к нам.

— Потеснитесь немного, я тоже хочу пазлы собирать — отодвинул в сторону разноцветные фонарики, развешанные у купола палатки, и нырнул к нам.

Сразу же стало душно. У меня пульс зачастился. Он сел так невыносимо близко. Наши колени касались друг друга, и это, как взрыв всех ощущений сразу. От него пахло гелем для душа с ароматом морского бриза, а влажные волосы падали на лицо. На руке лангетка прямо на голое тело и серые спортивные брюки.

— Ты все уроки сделал? — учительским тоном спросила младшая сестренка, на что Ян мило улыбнулся и пощекотал указательным пальцем кончик ее носа.

Его рука взметнулась прямо перед моими глазами, я даже дышать перестала, сдерживая вдох.

— Все, принцесса моя. И теперь мне скучно.

Ян сидел на больничном после своей неудачной выходки и маялся. Конечно, к нему заглядывали друзья, и каждый день навещала Никольская. А в остальное время он слонялся по дому в поисках, чем бы себя занять.

— Ну, тогда помоги собрать карету — Лили протянула ему крышку от коробки с пазлами и указала на изображение. — Вот такую.

Я притихла. Из меня и слова теперь не достанешь, когда он так опасно близко. Можно протянуть руку и дотронуться до его лица, до его губ, таких насмешливых и мягких.

— Опять к тебе этот демон приходил — Лили недовольно сморщилась. — Не водись с ним, у него глаза злые.

Демоном Лили называла нашего одноклассника, Рыльского. Он и, правда, на него похож. Волосы черные, длинные, почти до плеч, и глаза, как смородина. Наглый и мерзкий. Девчонки ему прохода не давали, будто не замечали, какая у него душа темная. А он играл с ними, как с куклами безвольными, а потом выбрасывал, потому что, поговаривали, девчонками не особо то и интересовался.

— Зато Кир в танчики лучше всех рубится — Ян попытался свести все в шутку.

— Научи меня, я сама буду с тобой в танчики рубиться, или лучше Владика позови. Он — хороший.

Влад Сухов, еще один наш одноклассник и друг Яна. Наверное, ближайший из его шайки. Хотя мне всегда казалось, что Ян никому из них по-настоящему не доверял. До конца не открывался. Разве что своей Еве.

— Как скажешь, принцесса. В следующий раз Влада позову.

Та одобрительно кивнула и принялась снова выбирать нужные детали.

Так мы и прособирали пазлы до самого ужина.

Уж не знаю, как мне сил хватило это выдержать. Его присутствие, его хрипловатый, вибрирующий в моих барабанных перепонках, голос и его с ума сводящий запах. Я украдкой, как воришка, поглядывала в сторону Марека, который, как ни в чем не бывало, восседал без футболки. И кожа у него гладкая, ровная с мелкой россыпью родинок на плечах и руках.

Уже когда Лили промчалась вперед нас в столовую, Ян остановил меня.

— Чижик, погоди — дотронулся до моего плеча, вызывая толпу мурашек. — С химией поможешь после ужина?

— А почему Еву не попросил?

Уголки его губ поползли вверх. Нагло и вызывающе.

— Да, нам не до химии было как-то.

Хотелось одернуть его руку, выпалить какую-нибудь гадость, но я лишь судорожно сглотнула слюну и кивнула головой.

— Хорошо, я зайду с тетрадкой.

— Спасибо — всего лишь на одну секунду Ян коснулся внешней стороной ладони моей вмиг порозовевшей щеки и ушел вслед за сестрой.

Надо ли говорить, как я нервничала. Тянула время, помогая маме на кухне. Сама загрузила в посудомойку грязные тарелки со столовыми приборами. Потом зашла к себе, прихватив тетрадь с уже выполненным домашним заданием, и направилась в сторону его комнаты.

Ян расположился за столом ко мне спиной. Свет от настольной лампы освещал пространство вокруг. На нем уже была черная футболка, поверх которой закреплена лангетка.

— Можно? — робко спросила, не решаясь зайти в комнату.

Ян бегло оглянулся.

— Пришла? А я уж думал, продинамила — он встал с офисного кресла, сгреб учебник с тетрадкой и бросил все на кровать, забираясь на нее с ногами. — Иди сюда, так удобнее. Сейчас светильник врублю.

Я коротко кивнула, взяла себя в руки и расположилась на кровати по другую от него сторону.

Даже думать не хотела, чем они совсем недавно на этой кровати с Никольской занимались. Но мозг упрямо рисовал мне самые пошлые картинки.

— Открывай на восемьдесят седьмой странице, задание пять. Вот мое решение, можешь переписать.

Ян резко поднял голову, удивленно меня рассматривая, как диковинную зверушку.

— Даже объяснять не будешь? — его правая бровь уползла вверх.

— Ты никогда не просил.

— А сейчас прошу — открыл нужную страницу и принялся зачитывать условие. — Органическое вещество X используют в качестве растворителя. Его можно получить гидратацией непредельного углеводорода...

Я смотрела только на его губы. Залипла на том, как Ян наморщил нос, как почесал переносицу, перечисляя задачи.

— Кхм — откашлялась, когда поймала на себе вопросительный взгляд. — Давай

сначала определим молекулярную формулу вещества X.

Марек справился довольно быстро. Мог бы и сам все решить. Такое ощущение, что он водил меня за нос.

— Так — проверяю написанное. — Хорошо. А теперь нужно установить его структуру.

Вот здесь Ян допустил одну ошибку. Хотя, может, и нарочно.

Уравнение реакции мы написали уже вместе. Я и не заметила, как наши головы почти соприкоснулись лбами. Ян застыл. Он дышал мне в губы. Все мысли, все формулы разом испарились из моей головы. Мятное дыхание, искрящиеся голубые глаза напротив.

Мне казалось, что я умерла и попала куда-то в другое измерение, где Марек не был таким надменным козлом, а я тощей оборванкой.

Ян коснулся моих волос и убрал выбившиеся из косы пряди за ухо. Я прикрыла глаза, наслаждаясь этой непрошенной лаской. Но разум не дал мне улететь в нирвану, разум бухнул меня на грешную землю.

— Зачем ты играешь со мной? — спросила робко, но все же нашла в себе силы заглянуть в голубые океаны, которые сейчас почти скрылись за расширившимися зрачками.

— Почему ты думаешь, что играю? — голос, как у мурчащего кота.

— Потому что ты и без меня хорошо разбираешься в химии.

— Ты просто умеешь объяснять, чтобы было понятно.

Устало прикрываю глаза.

— Что тебе нужно, Ян?

Тот молча сверит меня взглядом, облизывает пересохшие губы и склоняется ближе.

— Знаешь, мне в последнее время совсем дерьмово. Ева спит и видит, как бы замутить со своим сводным братом. И думает, что я не замечаю. За дурака держит. Друзья пригласили этого ублюдка на мое место в команду, чтобы не просрать игру. Такое ощущение, что меня все вокруг предали. Но ты же не такая?

Электрический заряд от самой макушки простреливает мое тело, тянет истомой в животе в тот момент, когда его влажные губы касаются моих. Одно мгновение я позволяю себе расслабиться и насладиться. Позволяю себе воспарить, потому что так долго об этом мечтала. Я могла остаться, и вполне невинное касание переросло бы в настоящий горячий поцелуй. Но нужно быть реалисткой.

Я резко отстранилась, схватила трясущимися руками свою тетрадь и понеслась на выход. Марек следом. Перехватил меня у двери и прижал к ней спиной.

— Почему ты убегаешь? — его рваное дыхание возле моего виска.

Так тяжело в животе. Так странно.

Я смотрела в бок, не на него. Поднять голову не хватило смелости.

— Ты сам знаешь, почему.

Было совершенно ясно, если Марек поцелует меня по-настоящему, я пропаду. Погибну. Потому что не смогу забыть, а для него это все лишь игра, забава от скуки.

— Ян, отпусти — молю его. — Пожалуйста. Прошу, отпусти.

Он тяжело дыша отступил на шаг, и я с грохочущим сердцем нырнула за дверь.

Университет, второй курс

Полина

Выходим после репетиции вместе с Таней. На улице мелкий, морозящий дождь. Натягиваю капюшон, оглядываясь по сторонам.

— За мной Тим приехал, давай, подбросим до общаги? — обращается ко мне Таня, завязывая пояс на стеганом пальто.

В нашу сторону уже торопливой походкой семенит этот темноволосый парень. Красивый. Ничего не скажешь. Да, и смотрит он на подругу так, что даже неудобно стоять с ними рядом. Притягивает ее одной рукой за талию, коротко целует в губы и утыкается в район виска.

— Привет.

— Привет — Таня отклоняется и поправляет его шапку. — Тим, надо Полину до общаги подбросить. Дождик моросит.

— Эм — парень косится в мою сторону, пока я стою, как истукан, а потом задумчиво оглядывается на парковку. — Слушай, нам в одно место нужно успеть. Никак не получится.

Боже, хочется провалиться сквозь землю, потому что Таня так на него зыркнула, точно молнии сверкнули.

— Блин, это недалеко — заглядывает Тимуру в лицо. — Ты чего?

— Ничего, пойдем — утягивает ее за руку и бросает мне. — Прости, мы спешим.

— Да, все нормально — глупо улыбаюсь и устремляюсь в сторону автобусной остановки, стараясь не вслушиваться в раздраженный бубнеж Тани за моей спиной.

Отчитывает его.

Как только добираюсь к остановке, разглядываю скучившихся людей, ожидающих нужный транспорт, сразу же становится ясно, почему Тим меня не подвез.

Недалеко от кармана для автобусов черная ауди мигает аварийными огнями, а рядом с ней, облокотившись о пассажирскую дверь, стоит Ян. На голове капюшон от толстовки, а поверх расстегнутая дулая куртка болотного цвета. Марек прячет руки в карманах и смотрит прямо на меня. Хотя, чему тут удивляться, раз они с этим Тимуром, вроде как, друзья.

Не реагирую на него, подхожу к остановке и укрываюсь от противного дождя под козырьком у самого края. Понимаю, что сбегать уже глупо. Раз Мареку приспичило, все равно достанет.

Открываю приложение на смартфоне, чтобы выяснить, скоро ли подъедет нужный мне автобус и краем глаза подмечаю, что Ян сам шагает в мою сторону. Встает прямо за моей спиной. Мои руки предательски дрожат. Ничего с собой поделать не могу. Сколько бы времени ни прошло, а реакция на этого парня все та же.

От него пахнет дождем, влагой и морской свежестью.

— Давай, подвезу. Холодно и дождь — голос обволакивает, укутывает обманчивым теплом.

Я теперь все знаю. Знаю, какой Ян — притворщик, как может запудрить мозги, поэтому на хрипловатый тон с нотами беспокойства не реагирую.

— Я с тобой не поеду — спокойно отвечаю и мысленно даже хвалю себя за хладнокровие, в который раз пересматривая карту на телефоне.

— Не дури. Я просто доведу и все.

Нет уж, дудки! Цокаю языком и бросаю взгляд через плечо.

— Зачем ты выслеживаешь меня?

Ян придвигается вплотную и шумно выдыхает мне в лицо мятным паром. У него зрачки на всю радужку и румяные от холода и ветра щеки.

— Потому что ты убегаешь.

Кидаю взгляд на остальных топчущихся и ожидающих транспорт и невольно подмечаю, как в нашу сторону с интересом пялятся пару девчонок — студенток и пожилая женщина с сумкой на колесиках. Ну, вот везде Ян к себе внимание привлекает. Только мне это не нужно.

— Ладно, поехали, здесь недалеко — подрываюсь с места в сторону дорожкой тачки, не дожидаясь его реакции.

Сигналка пиликает, я сама открываю дверь и усаживаюсь в салон.

Внутри сухо, тепло и играет техно. Ян откидывает капюшон с головы, пристегивается, убавляет звук и трогается с места.

— Даже не спросишь, куда? — усмехаюсь, когда он поворачивает в нужную сторону.

— Я знаю, что ты живешь в университетской общаге.

— Даже так? — удивленно приподнимаю брови.

— Даже так — ровным тоном отвечает и смотрит прямо перед собой на дорогу.

Невольно начинаю залипать на его тонких красивых пальцах, держащихся за кожаный руль, изучаю профиль, хотя помню каждую черточку до мельчайших подробностей. Помню, на какой щеке у него родимое пятно величиной с копеечную монету.

— Кстати, поздравляю. Ты поступила, куда мечтала. Сложно было? — ловит мой взгляд, и я тут же перевожу внимание на лобовое стекло, а пульс уже в ушах трещит.

— Спасибо. Да, конкурс большой.

— Я и не сомневался, что у тебя получится. Только вот удивлен, что ты пошла против воли матери.

— Не шла я против ее воли. В Волгограде, куда мы переехали, мне попалась очень хорошая преподавательница по хореографии. Она и убедила маму, что у меня есть способности.

Ян отвлекается от дороги, удивленно меня рассматривая.

— Значит, когда ты... Вы переехали в Волгоград?

Когда ты...

Грустно хмыкаю. Он даже не закончил эту фразу. Почему?

— Да, маме предложили там работу.

Останавливаемся на светофоре.

Краем глаза улавливаю, как Ян напрягается, постукивая пальцами по рулю. Желваки напрягаются, а взгляд слишком сосредоточен.

— А ты не хочешь узнать, что было со мной, когда вы свалили в этот свой Волгоград?

— Нет — коротко бросаю и снова утыкаюсь в окно.

Разговор неминуемо скатывается к бессмысленному выяснению отношений.

— Зачем ты ворошишь все это? Уже прошло столько времени, Ян — спрашиваю, и меня тут же вжимает головой в автомобильное кресло, потому что он трогается с места и разгоняется слишком резко.

— Потому что, черт возьми, мне нужно знать! — рычит Марек.

— Зачем? — тоже повышаю голос. — Ты же сам говорил, что меня не искал. Почему сейчас, а не тогда?

— Потому что я пытался тебя забыть. И мне даже казалось, что у меня получилось, но, когда снова увидел, меня заклинило. Понял, что ничего не забыто — вбивает слова, как стрелы, как пули, как удары ножом по живому.

— Останови, я выйду — не выдерживаю.

— Нет, я довезу.

— Боже — закатываю глаза и отворачиваюсь. За окном кружит снег с дождем. За окном холод, как и у меня внутри.

Ян паркуется возле главного входа в общагу и тут же блокирует двери.

— Блин, выпусти! — дергаю за ручку.

Но он меня не слушает. Сердце пропускает удар, когда теплые пальцы фиксируют мой подбородок и разворачивают к себе. Встречаюсь с чистой синевой его глаз.

— Ты была у меня первой. Черт, я так волновался. Хотел, чтобы тебе понравилось. И несмотря на то, что напился, помню все до мельчайших подробностей. Я тебя не принуждал. Не знаю, зачем ты выставила меня насильником, зачем разыграла невинную жертву. Но я помню, как ты стонала подо мной. Ты кончила.

— Замолчи — вскрикиваю на весь салон и затыкаю уши.

Одергивает мои руки.

— Что, не нравится слушать правду? Я не врал, когда после концерта признался, что влюбился. Но переспать с тобой после той вечеринки не планировал. Не было никакого спора. Парни пытались меня развести, но я не спорил на тебя.

— А разговор? Разве ты не хвастался о том, что если захочешь, уложишь меня в койку?

Смотрю на реакцию и горько усмехаюсь, потому что он молчит.

— Что, не нравится слушать правду? — язвлю в ответ его же словами. — Выпусти меня — произношу холодно и резко.

— Да, катись — щелкает замком, и я тут же дергаю за ручку.

Но не успеваю, потому что Ян хватает меня за затылок и резко притягивает к себе. Прижимается губами, но я больше не та безвольная девчонка, что растекалась перед ним лужицей. Не даю себе возможности даже почувствовать его поцелуй. Залепляю по щеке, и когда Ян замирает, прикрыв глаза с наглой ухмылкой, открываю дверь. Бегу к общаге, а дождь смывает мои слезы.

Меня больше не сломать. Все и так поломано.

Школа, выпускной класс

Ян

В школу я вернулся раньше на неделю. Плечо уже не болело, хотя бандаж еще поносить придется. Да, и дома я уже откровенно заманался сидеть. И самое стремное, что я последнее время все чаще следил за Полькой. Терся на кухне, когда она помогала нарезать овощи, зависал в саду, наблюдая, как та обстригала розы. А еще ей разрешили заниматься в зале для йоги, который специально соорудили для мамы на цокольном этаже рядом со спортивным залом и бассейном. Тогда она запиралась, и оттуда доносилась музыка. Иногда быстрая, но чаще всего классическая муть.

Встретили меня бурно. Все расспрашивали, где я плечо повредил. Ну, не рассказывать же мне каждому встречному, что просто спрыгнул неудачно на карниз, когда под кайфом выбирался из комнаты. Поэтому я просто наплел какую-то муть, чтобы все отвалили.

На игре наших с командой физико-математического лицея я был взвинчен до чертиков. А все из-за этого новенького гандона, которого поставили мне на замену. Играл он охренеть, как круто, поэтому меня и распирало. Вот если бы Филатов, наоборот, проштрафился, было бы другое дело. И даже не важно, какой стал бы при этом счет. Я мог удовлетворенно вздохнуть и выдать что-то в духе "Ну, я же говорил".

Но этот мудак не оставлял соперникам и шанса, ловко перехватывая мяч. Такие винты откручивал, что девчонки визжали, как ненормальные.

И самое обидное — это реакция Евы, что сидела возле меня. Она просто текла и глаз с него не сводила. Между ними чертова химия искрила даже на расстоянии.

— Чертов мудак — рычу себе под нос.

— Брось, ты же видишь, как он играет — снисходительным тоном пролепетала Ева.

— И ты туда же? — вылупился на нее во все глаза.

При всех бы хоть так не палилась.

— Марек, реально, Филатов сегодня крут — восхищенным тоном добавила Инга Клименко, которая, судя по выражению ее лица, уже не один раз представила, как будет стонать под ним.

— Ага, смотри, трусы не промочи.

— Это уже не твоя забота — фыркнула в ответ, взмахивая своим конским хвостом с голубой лентой.

Конечно, не моя. И никогда моей не была. А сама то и дело на меня томно своими чернущими зенками глазела, когда Ева не видела.

Наши выигрывают. На трубинах визг — писк. Парни, обступили Филатова, похлопывая его по плечу. Предатели гребаные.

И тут я заметил, как этот Стас выцепил из толпы взглядом Еву. Мою Еву. Сжал свои полные губы и отвел взгляд на подошедшего к нему тренера. А у Никольской щеки вспыхнули, и я окончательно взбесился.

— Марек, может, позовете его на вечеринку? Все-таки это и его победа — заблеяла рядом Инга, хлопая ресницами.

Я ехидно улыбнулся.

— Может, и позовем.

Вспомнил, как Рыльский предлагал позвать Филатова на вечеринку, чтобы, как следует над ним поугорать. Игры у Рыльского грязные. Он как-то запал на одного пацана, зажимал его по коридорам, а потом это бедный очкарик смылся из нашей школы.

Кир лишь рассказал, как помацал его в туалетной кабинке. Но мы то знали, что не только помацал, раз пацан из обычной семьи, который попал к нам по какой-то квоте вдруг забрал документы.

Что ему от Филатова нужно, я никак не всекал. Хотя и другие парни заметили, как он на него в раздевалке пялился, когда Стас сбросил свои шмотки и потопал в душ, щеголяя задницей и сверкая татухой на бедре.

Это тебе не щуплый очкастый ботан и даже не Левитин Марк из "бэшек", которому Кир последнее время дышать нормально не давал.

Филатов врежет, мама не горюй.

— Гребаный ты извращенец, рыло.

— А как ты по-другому хочешь его проучить? Филатов на твою Еву слюни пускает. Хрен знает, чем они там дома занимаются, а ты и дальше дрони молча.

— Завались лучше, пока в табло не прилетело — я сверкнул на него глазами, сжимая кулаки.

— Для тебя же стараюсь. Отметелить его вряд ли выйдет, он тебя и сам приложит. А так, споим на пати, а дальше уж я сам справлюсь.

— Нет, я сказал. По-другому решу.

— Как знаешь — вздохнул Рыльский.

Короче, мечты Рыльского я присек, потому что Ева мне этого не простит никогда. Ведь, в первую очередь, он ее сводный брат. И, если что, от отца ей попадет однозначно. Да, и мне тоже.

Но все же по пути в раздевалку, она поймала меня в коридоре.

— Ян, что ты задумал?

— Ничего — пожимаю здоровым плечом и заправляю прядь блондинистых волос ей за ухо. — Рыльский тут кое-что предлагал. Не знаю, может и стоит.

— Нет, только не Кир — ее зрачки расширяются, скрывая ледяной блеск. — Ты не пойдешь на такое. Это слишком.

Слишком, твою мать. А ведь совсем недавно она плакалась на моем плече и грозилась устроить Филатову настоящую травлю. Говорила, что ненавидит его. А теперь "Это слишком", бл*дь.

— За братика испугалась? Не волнуйся, пара фоток, и все.

Я откровенно блефовал, потому что такое дерьмо не по мне совсем. Одно дело навалить Филатову, а другое дело — опустить, как последнюю шалаву.

В конце концов, пообещал, что ничего с ее братиком делать не станем. Да, он и смотал куда-то после игры со своей спортивной сумкой наперевес.

На вечеринке было откровенно тухло. Все, как обычно. Бухло, танцы. Мы с ребятами отчалили поиграть в бильярд.

Тут меня и нашла Ева.

— Ян, я домой хочу.

Конечно, хочет. Ведь Филатова здесь не было.

— Уже? — приобнял ее за талию. — Еще только одиннадцать.

— Знаю — склоняется к моему плечу. — Просто голова разболелась.

— Давай, такси вызову — достал из кармана телефон и нашел приложение.

— Если хочешь, оставайся — промычала мне в шею.

Значит, даже так. Ничего со мной уже не нужно. Но я хватался за нее, как последний кретин. Все понимал, но не отпускал. Во-первых, потому что привык. Мы знакомы еще с пеленок. Ева знает меня, как облупленного. Мне хорошо с ней. А, во-вторых, потому что не будь у меня Евы, сорвался бы. Чижик маячила перед носом, сверкая своими длинными ногами и заманущими веснушками на курносом носу. Я бы нахреначил дел.

— Приезжай завтра ко мне — потянулся к Еве в последней попытке спасти что, что между нами еще тлеет. — Родители свалили в загородный клуб. В понедельник вместе в школу поедет. Форму захвати.

Кивает в ответ и целует. Слишком целомудренно целует, точно пятиклассница. Сухо.

Накидался я после ее отъезда нехило и свалил к чертям.

А дома шаркался по пустым комнатам, сожрал остатки шарлотки, намутил шоколадных шариков с молоком и проиграл в соньку. Напоследок решил устроить пьяный заплыв в басике. Прихватил плавки, снял бандаж и спустился на цокольный этаж.

А там из комнаты для йоги доносилась незатейливая розовая попса.

Я тихо подкрался и сосредоточился своим накаченным алкахой мозгом, чтобы как можно незаметнее приоткрыть дверь.

И, аллилуйя, получилось. Не засекла.

А я застыл в коматозе, потому что Полька, обтянутая черными лосинами с юбкой и фиолетовым топом, повторяла комбинацию движений.

Потом остановилась, раздумывая, почесала шею под собранными в пучок волосами и глянула в зеркало. А тут я во всей нетрезвой красе привалился к косяку с отъехавшей челюстью.

Полька округлила свои и без того оленьи глаза.

— Я думала, ты на тусовке.

— Не, там скучно. Свалил — отклеился от косяка и шагнул навстречу. — Да, и пьяные все в говно.

— А ты?

— И я пьяный.

Обняла себя за плечи, пока я медленно подбирался.

— Мне разрешили здесь репетировать. У меня выступление скоро.

— Где? — удивленно выгнул бровь. Я и не знал, что она танцами занималась.

— В танцевальном кружке при школе. У Аллы Борисовны.

— Вот, значит, куда ты сваливаешь после учебы, а я думал в библиотеке торчишь — подошел со спины и с ног до головы ее взглядом окинул в отражении зеркала.

Высокая, очень стройная, даже худощавая. Гибкая, раскрасневшаяся. И, если бы захотел, моя. От последнего крышу срывало конкретно.

— Потанцуешь со мной? Научи — приблизился так, что мой подбородок касался ее волос.

Полька задрожала и часто задышала. Кожа на ее руках мурашками покрылась. И это просто охренеть. Неужели всего лишь от моего присутствия?

Она что-то выискивала взглядом в моих расширенных зрачках, а потом молча подошла к колонке, сменила композицию. Заиграла "Dance to this" Troye Sivan feat. Ariana Grande. Полька медленно вернулась и взяла мою руку в свою хрупкую и такую теплую

ладонь. Повела в середину зала. Плавно задвигала бедрами, не разъединяя зрительного контакта. Я за ней. Потом крутанул ее на триста шестьдесят и к себе спиной прижал. Вместе в одном ритме. Взял ее руки, прошелся от кисти до подмышек и закинул к себе за голову, вспоминая этот финт в «Грязных танцах», а свои сцепил на оголенной талии. Ее кожа жгла мои ладони. Я даже протрезвел от долбящего адреналина, от стаи мурашек, гуляющих, по позвоночнику.

Мне до покалываний в пальцах и не только захотелось полапать Польку, забраться под топик, погладить нежную кожу, дотронуться до нее языком, чтобы узнать, какая она на вкус.

Понял, что сейчас не сдержусь, поцелую в район шеи или дотянусь до губ, а это совсем хреново. Поэтому я перехватил ее за руку, открутил от себя, а затем к себе, но уже лицом. Отстранился, удерживая Польку за пальцы, двигаясь в ритме попсовой мелодии. Сам от себя офигел, учитывая, что был пьян.

И тут она облизала свои губы. Почти незаметно. Наспех. Но я, как в замедленной съемке, все до скрывшегося кончика языка узрел. Нервно сглотнул.

Сейчас точно поцелую — вертелось в голове. А смогу ли остановиться после поцелуя? Вот это вопрос.

Не стал испытывать судьбу, отпрянул назад, отпуская ее пальцы и принялся валять дурака. Пусть лучше думает, что я пьяный кретин.

Но Полька тоже начала кривляться.

Мы сменили музыку на "*Smells Like Teen Spirit*" от Nirvana и запрыгали вдвоем, напевая во все горло припев.

И это было охрененно. Смотреть на ее пылающие щеки, на искрящиеся весельем глаза, растрепанные волосы и улыбку, задорную, с еле заметными ямочками на щеках.

Намного веселее, чем на очередной угашенной в хлам вечеринке.

Университет, второй курс

Ян

Время шло, а я никак не мог успокоиться и выкинуть ее из головы. Раньше получалось, раньше было проще. Полька где-то жила, существовала, чем-то занималась. Меня все это не колыхало никак. Ушла и ушла. Смешала с дерьмом. Ну, так, и я был не подарок.

Но сейчас... Я знаю, что она, возможно, гуляет по тем же улицам. Бывает в местах, где, может, и я бывал. Общается с людьми, которых я знаю, с которыми тоже общаюсь. Она перестала быть тенью, быть воспоминанием. Она стала реальностью, и поэтому мне никак не удастся успокоиться.

Меня колошматило от неконтролируемой тяги, смешанной с обидой и ненавистью. Взрывоопасный клубок. Меня ломало.

Несколько раз я просил Таню, девушку Тима, позвать Полину на наши тусовки, но та лишь отнекивалась. Объясняла, если Полька не хочет, то она помогать мне не станет. Я умазывал Тима как-то повлиять на свою подружку, но Дэв лишь разводил руками, типа, "Прости братан, ничего поделать не могу".

А я украдкой смотрел на Тима и завидовал, когда он зажимал свою розоволосую и горячую Таню. Когда она так прижималась к нему, как-будто никого роднее у нее нет. И тоже так хотел. Безумно хотел, чтобы и ко мне так же прижимались. И не кто-то. А именно она. Полина.

От этих мыслей бросало в ледяной пот.

И вот сегодня я опять сижу напротив на широких диванах ночного клуба и наблюдаю, как Таня забралась к Тиму на колени и что-то нашептывает ему на ухо, после чего коротко целует друга в губы и утыкается ему в шею, пока Дэв сидит с блаженной и глупой улыбкой.

Неужели влюбленные всегда выглядят, как идиоты?

Неужели я тоже так выглядел в одиннадцатом, когда понял, что влюбился? Настолько влип, что дышать не мог.

Опрокинув пару стаканов с неразбавленным вискарем я снова решил вызвать Таню на разговор. Но в это раз дожать до конца.

Поднимаюсь с дивана и присаживаюсь рядом с парочкой твикс. Тим недовольно на меня косится, а я показываю ему глазами, что мне Таня нужна. Тормошу ее за плечо.

Она недовольно оглядывается и закатывает глаза.

— Нет, Ян, нет. Я все тебе уже сказала. Закрыли тему.

— Тань, я все равно не отстану.

Фыркает, встряхивая пепельно-розовыми волосами и переводит внимание на Тима.

— Ну, блин, как еще твоему другу объяснить?

Но Дэв, мой любимый засранец, строит щенячьи глазки, при этом сминая ее задницу ладонями.

— Ладно — сдастся Таня и нехотя поднимается с колен своего парня.

Хватаю ее за ладонь и веду за собой мимо танцпола по коридору. Спускаемся на первый этаж, где расположен уютный бар с ланж зоной и музыкой, которая не долбит по ушам, и располагаемся за крайним столиком.

Себе заказываю еще виски, а Тане коктейль, который она весь вечер цедила.

— Слушай — выдыхает та, откладывая в сторону меню. — Полина и так меня на птичьих правах в свою труппу взяла. Я совсем не хочу портить с ней отношения. Да, и сдружились мы в последнее время. Поэтому против нее не пойду — вываливает на меня потоком, а потом мешкается, раздумывая о чем-то своем, говорить или нет. — К тому же появился один парень... — следит за моей реакцией.

А реакция уже в висках долбила. Меня задело.

— Какой парень? — сжимаю ладони в кулаки и ерзаю на кресле.

Таня отвлекается на официанта, который ставит перед нами напитки, забирает бокал и цедит через трубочку.

— Сначала расскажи, что у тебя к ней?

Полька поселилась у меня в сознании и ни на минуту не отпускает, вот что.

— Я ее любил.

— Знаешь — хмыкает. — У вас разные точки зрения на прошлое — снова прикладывается к бокалу, а я отпиваю виски для храбрости. — Мне знакомы ее чувства. У меня тоже до Тима был парень... И я думала, что влюблена, а потом поняла, что это даже рядом с любовью не стояло.

— У нас не так — обрываю Таню.

Та сканирует меня своими чернущими глазами, в которых не разберешь, где зрачок, а где радужка.

— Может быть — задумчиво произносит. — Короче, как-то после репетиций мы зашли по старой памяти в Мак. Нам вообще то нельзя, но мы так устали, что решили оторваться. Сидим, едим, и тут к нашему столику подрулил парень. Высокий, русоволосый, очень симпатичный. Вы раньше учились в одной школе. Марк, кажется.

Усиленно напрягаю извилины. Левитин что ли? Вот, хрен с горы. И откуда только нарисовался?

— Сказал, что вернулся из Америки — продолжает Таня. — Учился там, теперь в Москве. Они с другом организовали танцевальную студию. Позвал Полину к себе. Полька же уволилась из кафе, теперь у этого Марка девчонок обучает. Преподает хореографию. Он пару раз ее после универа забирал на тачке. Не знаю, мутят они или нет, но... Она про тебя спрашивает. Незатейливо так. Вскольз. Словно, ей пофиг на самом деле, но при этом такое выражение лица и глаза... Ей не все равно.

Меня на части расхреначивает. Трясет всего, несмотря на добрую порцию виски, которую я уже успел в себя залить.

— Тань, дай ее номер — беру ее ладонь в свою руку и слегка сжимаю. — Тебя не заложу, скажу Тим копирнул с твоего телефона, пока ты не видела. Девлегарову то все равно пофиг.

Допивает коктейль и оставляет бокал.

— Знаешь, Ян, у меня вот в голове никак не складывается. Полина про тебя такое рассказывала... А потом мы познакомились, и я не понимаю.

Хмыкаю и устало потираю лицо ладонью.

— Поверь, в школе я был еще тем мудаком, много дерьма натворил. И ей тоже доставалось.

— Ладно, вам, ребята, точно нужно поговорить. Дам я тебе ее номер — а потом хитро щурится. — И еще у меня созрел один план...

Школа, выпускной класс

Полина

В тот вечер, когда мы с Яном танцевали, мне показалось, что между нами появилось что-то неуловимо новое, зыбкое, но такое волнующее. Касания его рук, его тела под незатейливую музыку, и я уже рассыпалась на части. Не видела ничего прекрасней, чем небесные глаза напротив, подернутые поволокой.

Его губы, к которым до отчаяния захотелось дотронуться. Прижаться, зажмурившись, а дальше, хоть вселенский потоп. Глупое сердце грохотало в грудной клетке, когда чувствовала дыхание у своего виска.

Его насмешливые глаза вмиг превратились в раскаленные омуты. Ян кусал свои красивые губы и часто дышал.

Случилась химия. Безумная и такая долгожданная. Моя персональная пропасть.

Но эйфория длилась недолго.

Розовые очки слетели. Стекла еще были живы, но уже покрылись мелкой россыпью трещин, отчего стали совершенно непригодны в использовании. В тот день треснули не только очки, но и моя душа.

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Неужели Ян смог докатиться до такого? Неужели он не понимал, что унижает этим в первую очередь себя.

И снова все из-за Никольской.

Уже после этой публичной ссоры я узнала, что Ян взбесился, когда увидел, как Стас Филатов зажал Еву в коридоре и потребовал, чтобы та поехала с ним в больницу и извинилась перед его матерью, за то, что оскорбила ее, после чего мать Филатова попала в больницу с угрозой выкидыша.

Разборки между Стасом, Яном и Евой застучала физичка и отправила парней к директору.

А после уроков Ян созвал своих парней. Они отловили Филатова и потащили того за школу, в укромное место за трансформаторной подстанцией. Эдакая слепая зона, куда не достают камеры наблюдения.

Никольская, и ее терки со своим сводным братом были лишь ширмой той ненависти и злобы, что питал Ян к Стасу. Но я никогда не думала, что он может организовать нечто подобное. Нечто, настолько омерзительное и подлое.

Я стояла и смотрела, как Марек бил и унижал Филатова, скрученного за руки и поставленного перед ним на колени. Как по его губам текла кровь, а Ян ехидно скалился, точно звереныш. Как полыхали черным огнем его небесные глаза и гулко вздымалась грудь под расстегнутой курткой и выправленной из-под форменных брюк белой рубашкой, окропленной брызгами чужой крови.

Он мстил Филатову за свою терпящую крушение репутацию и за свои зыбкие отношения с Никольской, которая, и дураку понятно, сквозь ненависть питала к Стасу далеко не сестринские чувства.

Он мстил, а я испепелялась изнутри, потому что чувствовала, как медленно тлеет самое сокровенное мое чувство — любовь к нему.

Потом сквозь пелену, застилающую глаза, я видела, как Никольская сама не выдержала

этого публичного избиения, когда толпа на одного, и куча зевак по сторонам. Стаса отпустили, и как только он почувствовал свободу, сам кинулся на Марека. Схватил за горлышко, откуда-то появившуюся в его руках бутылку, которую разбил о железные края урны.

Подкатила тошнота. Я с ужасом понимала, что после всего пережитого Стас мог полоснуть острыми сколами на бутылке Яну по шее. Мог даже убить его.

— Ян! — закричала я в ужасе.

Тот обернулся, и в этот самый момент Филатов повалил его на землю и уселся верхом. Острые сколы бутылки прижались к коже у Яна на шее.

— Бл*дь, у него стекло — услышала, сквозь туман.

— Отошли — Стас зарычал на Рыльского и Сухова и Толика Кобру, когда те подорвались с места. — А то всю рожу вашему принцу исполосую.

У Филатова рассечена губа. Алая капля скатилась и упала Яну на подбородок.

Стас склоняется и что-то шипит Мареку в лицо. Что именно — не разобрать. Но Ян удивительно спокоен, не рыпается, не кричит, не пытается скинуть с себя противника. Просто скалится в ответ.

Холодный, прошибающий пот скатился по позвоночнику.

Я не выдержала.

— Стас, пожалуйста — распахнула локтями зевак по сторонам и подбежала к лежащему в грязи Яну и сидящему на нем Филатову.

Он оглянулся из-за плеча. Уже потом я заметила, как Ян одной рукой ухватился за лежащий рядом камень. И когда Стас отвернулся, нанес удар по голове в район виска.

Стас покачнулся, со спины подлетел Толик Кобра и всадил полкой тому по спине.

Филатов повалился на землю. Толпа застыла, и только сквозь омертвевшую тишину раздался крик Никольской:

— Мамочки, Стас — Ева плюхнулась перед ним на колени взяла его голову в руки. Крупные капли скатывались по ее щекам. Ян попытался ее увести, но та отшвырнула от себя руки и все шептала, шептала, шептала.

Ян кое-как уговорил ее уйти, пока кто-то из ребят вызывал скорую.

Наблюдатели вмиг рассосались. Никто больше не хотел быть повязанным в этой мерзкой потасовке.

Пока ждали неотложку, Филатова привели в чувство. Тот сам вышел за пределы школы и сел на бордюр дожидаясь скорой. Ему диагностировали сотрясение, трещину в ребрах, но ничего угрожающего жизни.

А потом Ян увез Еву.

Весь вечер я не находила себе места и ждала появления Марека. Его родители уже были в курсе, что Стаса избили. Но тот, очнувшись, никого не сдал.

— Ян — крикнул из кабинета Филип Марек, как только он снова изрядно навеселе заявился домой.

Они заперлись за тяжелыми дверями и долго беседовали. А я поджидала у дверей его комнаты.

Марек появился через полчаса. Устало проехался по мне хмельным взглядом и молча зашел к себе. Сразу же бухнулся животом поперек кровати и подмял под себя подушку.

— Чижик, шлепай к себе, я устал.

— Нет — я подошла к кровати с той стороны и где находилась его голова. — Зачем ты

это сделал? Так же подло — толпой на одного.

— Вообще не твое дело — промычал в подушку.

— Это Никольская тебя подговорила?

— Нет, я давно хотел его проучить. Просто случай представился.

— Я не верю, что ты можешь быть таким.

Ян хмыкнул, а затем перевернулся на спину и заржал. Я смотрела на его буйные глаза и не узнавала того парня, что так бережно относился к своей сестре, который так нежно касался меня, когда мы танцевали.

— Каким таким? — спросил, когда успокоился. — Да, я всегда был куском дерьма, а ты просто напридумывала себе сказочного принца, бл*дь — приподнялся на локтях. Взгляд мутный, пшеничные волосы взъерошены, мятая рубашка навывпуск. — Может, теперь отвалишь от меня? — прорычал сквозь зубы. — Шла отсюда!

Я попятилась назад, пока не споткнулась о валяющийся на полу джойстик от приставки и выбежала из комнаты.

Университет, второй курс

Полина

Просыпаюсь от дикой головной боли. Никогда еще не чувствовала себя настолько плохо. В меня, будто свай вколачивают. И ужасная сухость в горле.

Открываю еще сонные глаза и резко сажусь на кровати. Внутренности скручивает спазмом. Оглядываюсь по сторонам и впадаю в панику. Потому что я не знаю, где нахожусь. Потому что, я ничего не помню.

Растираю виски в надежде хоть немного успокоить головную боль и замечаю на прикроватной тумбочке стакан воды и белую маленькую таблетку.

Выпутываюсь из кокона, в которое превратилось белоснежное одеяло, тянусь до стакана. Выпиваю залпом и спрыгиваю с кровати на мягкий ворсистый ковер.

Последнее, что отложилось в моей памяти, так это веселые лица девчонок и разноцветные блики по стенам клуба, куда меня вчера затащила Таня после сдачи отчетника.

Что же произошло потом? И где я?

Судорожно себя оглядываю, чтобы исключить самое ужасное. Слава богу, на мне вчерашняя одежда — джинсы и малиновый топ. Я прямо чувствую, как слиплись покрашенные ресницы. Волосы же превратились в всклокоченную швабру.

Осматриваю комнату. Просторная, светлая с двумя узкими окнами до самого пола. Широкая кровать с тумбочками по обеим сторонам, встроенный шкаф, письменный стол, компьютерное синее кресло и все. Очень минималистично, но, явно, дорого. Не нахожу ни своего телефона, ни сумочки.

Господи, куда я влипла!

Медленно подбираюсь к закрытой двери и прислушиваюсь к звукам за пределами комнаты. Слышу звуки музыки и меня ледяным холодом по пояснице проносит. Конечно, это всего лишь совпадение, но по ту сторону доносится песня известной мне группы *Mouse In Da Chaos*, которую раньше очень часто слушал Марек.

Осторожно нажимаю на ручку, открываю дверь и оказываюсь в узком коридоре. Сразу же в нос ударяет запахом кофе и выпечки. Проверяю — напротив ванная и туалет. Шагаю дальше, и в глаза солнечным светом ослепляет.

Помещение просто огромное. Хотя, может, так кажется, потому что оно совсем не обжитое. Здесь гостиная с двумя диванами и огромной плазмой, вдоль стены стеллажи и такие же, как в спальне, узкие окна в пол. Целых пять. А еще широкий стол с креслами и кухонная зона.

И... Не может этого быть.

Ян стоит ко мне спиной возле плиты, орудуя лопаткой. На нем черные пижамные штаны в мелкий рисунок и белая футболка.

Он, будто, почуяв мое присутствие, оборачивается.

— Ого, ну, и вид у тебя, Полька — ухмыляется, осматривая меня с головы до ног. — Таблетку то приняла?

Рефлекторно обнимаю себя руками.

— Где мои вещи, и как я тут оказалась? — спрашиваю в лоб, опуская его вопрос.

— Я пеку капкейки, как Зульфия делала у нас дома. Будешь?

Погодите, что он делает? Это уже слишком. Начинаю выходить из себя.

— Нет, не буду. Как я попала к тебе?

Ян откладывает лопатку, выключает комфорку и обтирает руки полотенцем.

— Тогда сходи в душ. Полотенце на полке. И прими таблетку, сразу полегчает.

По телу расплзается нервная дрожь.

— Не пойду я ни в какой душ. Ты ответишь на мой вопрос или нет?

Ян невозмутимо берет рядом стоящую на столешнице кружку с кофе и делает глоток.

— Ну, ты основательно переборщила с алкоголем и отключилась прямо в клубе. Я приехал туда за компанию с Тимом. Меня попросили тебя отвезти. По пути в общагу ты снова отрубилась, а перед этим все ныла, что тебя комендантша, тетя Ида, прибьет. Не любит она пьяных студентов, шарахающихся посреди ночи. Вот и пришлось везти к себе.

Боже мой! Тру перенощицу.

— Где моя сумка с телефоном?

— Вон там — Ян кивает на диван.

Семеню туда и достаю телефон. Выуживаю из кармана жвачку и закидываю в рот. Там и так Сахара, а теперь еще и со вкусом арбуза.

— Скажи адрес, я такси вызову.

Ян отставляет кружку с кофе, забирает тарелку с капкейками и относит на стол.

— Не кипишуй, Поль. Ничего же не было, о чем ты могла подумать. Давай, сейчас позавтракаем, и я сам тебя в общагу подброшу.

У меня все внутри ноет, оттого, как я хочу выпить литров пять воды или хотя бы кофе. И еще провалиться сквозь землю от всей этой ситуации.

— Я не буду с тобой завтракать! — взвизгиваю, как припадочная. Даже самой стыдно, как истерично получилось. — И Таньку прибью. Это она мне что-то в бокал все время подливала.

Ян подходит к холодильнику и достает банку с джемом.

— Но ведь тебя никто пить не заставлял — как бы между делом подмечает Марек.

И, ведь, это правда. Только от этой правды еще мерзопакостнее на душе. Хотя, куда уж хуже.

— Ладно, я сама справлюсь.

Отслеживаю по навигатору адрес, где нахожусь, и успеваю забить его в строку "Откуда", прежде, чем Ян оказывается совсем рядом.

От него пахнет морем и летом. Волосы взъерошены и мокрые на кончиках. Он красивый до рези в сердце и такой домашний. Прямо, как раньше, когда мы еще учились в школе, и Ян щеголял по дому в спортивках.

— Слушай, Чижик — пытается схватить меня за подбородок, но я успеваю увернуться. — Я тоже так не хотел, честно. Когда Тимур предложил поехать с ним в клуб за Таней, я знал, что ты тоже там. Но рассчитывал совсем на другое. Хотел поговорить, провести время рядом. И я ничего с тобой не делал, клянусь. Спал здесь, на диване.

Его глаза, как чистое небо, всегда меня пьянили, и сейчас мне тоже дурно.

— Я поеду — забираю сумку и направляюсь к выходу.

— Я отвезу тебя — обгоняет и заслоняет собой проход. Стоит так близко, я даже вижу темно-синий ободок на его зрачках и еле заметное родимое пятно на щеке.

— Нет, не отвезешь — обрубая его порыв и обхожу. Поспешно обуваюсь и хватаю с вешалки свою куртку.

Ян пристраивается сзади, дышит мне в затылок и блокирует дверь вытянутой рукой. Даже не смею обернуться. Потому что там он. Меня трясет от перенапряжения и его близости.

Сколько может это продолжаться, в конце концов! Злюсь на себя. Когда я переболею им? Почему не получается?

— Чего ты добиваешься?

— Давай встретимся — раздается хрипловатый голос у моего виска. — Поговорим. Ты же видишь, меня не отпускает, меня душит. И чувствую, что тебя тоже. Нужно решить эту чертову проблему. Клянусь, я потом отстану. Не буду тебя преследовать.

Зачем он цепляется за прошлое? Уже ничего не вернуть и не исправить. Но с другой стороны, может, Ян и прав. Нужно поговорить и поставить, наконец, точку. И потом каждому идти своей дорогой.

— Ладно, подъезжай сегодня к семи в студию, где я подрабатываю. Адрес пришлю сообщением.

Не дожидаясь ответа и каких-либо слов.

— Открой.

Ян отщелкивает замок, и я дергаю за ручку.

Школа, выпускной класс

Ян

Филатов никого не заложил. Гребаный рыцарь в доспехах. А вот разговоров о нем теперь стало еще больше. Среди парней моего авторитета еще хватило, чтобы замять все сплетни. После сходки я дал понять, чтобы про этого мудака между собой не трепались. Нужно было вообще сделать вид, будто этого Филатова и не существовало вовсе.

Но вот девчонок не заткнешь. Поклонниц у него, явно, прибавилось. Но меня волновало лишь одно. Вернее, одна.

Полька.

Неужели она тоже могла переметнуться на его сторону?

Конечно, я сам дурак. Виноват во всем. Сам прогнал. Сам сморозил какую-то хрень. А что я мог бы ей ответить? Да, такое вот я завистливое говно. Тут уж против правды не попрешь. Какой есть.

Только вот ей это правда совсем не понравилась. Оттолкнула. Полька стала избегать меня, старалась лишней раз не пересекаться кроме школы, где это было невозможно.

А меня наоборот переключило. До ломки нужно было ее видеть, наблюдать за ней, поболтать. Понял, что просто хочу. Но когда ловил ее взгляд, становилось только хуже. Никакого обожания, как раньше, только одно сплошное разочарование. Оно душило меня, выкачивая воздух из легких.

Вскоре вечером, когда настроение было хреновей некуда, потому что мы в очередной раз поцапались с Евой, я таки набрался смелости, чтобы извиниться перед Полькой.

Нашел ее в маминой оранжерее, где она пересаживала цветы. Тихо открыл дверь, вошел и притаился у нее за спиной.

Девчонка, будто почувствовала мое присутствие. Обернулась из-за плеча. Застыла с горшком в руке, будто, обдумывая что-то, а потом снова принялась за свое дело.

Я подкрался совсем близко и присел рядом на маленькую табуретку.

— Полька, прости меня — с виноватым видом смотрел, как она утрамбовывала землю. — Прости, что выгнал тебя. Понимаешь, я выпил и был так зол, потому что ты ходила туда, ты все видела.

Полина как-то невесело хмыкнула, отставила горшок и взглянула на меня.

— Ян, за что ты так с ним? Это из-за Никольской? Ты ревнуешь?

Вот он момент, когда я мог все исправить. Чтобы все то зыбкое, что возникло между нами не развалилось на части. Но я снова облажался. Меня понесло.

— Это из-за всего. Филатов притаился из какой-то дыры, и все, как с ума посходили. Что вообще в нем такого, может, ты мне расскажешь, а?

— Он хороший человек, Ян. И совсем не виноват в том, что понравился твоей Еве. Он не виноват в том, что привлекает внимание. Жизнь в чужой семье для него тоже не сахар. Уж поверь, я то знаю.

Руки так и чесались обнять ее, прижать к себе. Она была такой ослепительно прекрасной со своими веснушками на курносом носу и детским румянцем на щеках. Какого черта я раньше не замечал ее красоты? Не как отполированная кукла, а... Я не знаю... Точно я сидел в какой-то темной яме без просвета и без воздуха, а потом появилась она с веревкой

в руке и фонариком.

— А твое внимание он тоже привлекает?

Полька поджала губы и мотнула головой.

— С ним интересно общаться. И я благодарна, что Стас не отсел от меня, не попытался завоевать ваш авторитет, унижая тех, кто слабее. Но, как парень, он меня не привлекает.

Вот это просто бульжник в мой огород.

Она смело смотрела мне в глаза. Никакой робости и смущения, как раньше. Я не понимал, что со мной происходит. Почему мнение этой девчонки, которая так раздражала своим вниманием, своими оленьими глазами, стало для меня таким важным.

— А я? — сам охренел от того, как тяжело дались мне эти слова. — Все еще привлекаю тебя, как парень?

Полька не стала юлить. Она лишь пожала плечами.

— Я не знаю, Ян. Наверное, ты прав, я напридумывала себе лишнего.

Нет, нет, нет.

Ее слова, как удар поддых. Я по всем фронтам проеб*лся, но не хотел принимать такую правду и не знал, как все исправить.

Бешеное отчаяние завладело мной. Я бы мог силой подмять ее под себя прямо на полу этого гребаной оранжереи, прямо посреди цветов, и никто бы нас не услышал. Мог бы воплотить в жизнь, сжирающие мое нутро фантазии с ее участием.

И она бы точно меня возненавидела. Я бы и сам себя возненавидел. Но Полька была так прекрасна.

Я резко вскочил с табуретки, схватил ее за руку и дернул наверх. А потом одним рывком прижал к себе вплотную, оплетая ее тонкую талию руками.

— Я вот несколько тебе не верю.

Хватался за соломинку, мне нужно было понять, тянет ли ее ко мне. Откинул волосы назад, оголяя шею и провел по ней носом. Потом мазнул по щеке, потираясь кожей о кожу, и застыл напротив губ.

Маршрут: глаза — губы — глаза.

Полька рвано выдохнула.

— Зачем ты это делаешь? Ты хоть сам-то себя понимаешь?

Если б я понимал, то не вел бы себя, как последнее мудло.

Она увильнула от поцелуя и покинула оранжерею.

А я завис там еще минут на десять, чтобы отдышаться, потому что до зубного скрежета захотелось разнести там все к чертям собачьим.

Полька, Полька... Может, это карма?

Мне нужно было выпустить пар, и я отправился на цокольный в тренажерку. Мутозил грушу, пока не появился отец.

— Ян — он положил полотенце на ближайшую скамейку и включил беговую дорожку. — Оставь в покое эту девочку.

Искоса взглянул на него и состроил удивленное табло.

— Не делай из себя идиота. Я все прекрасно видел.

— И что ты видел? — нагло задираю подбородок.

— Ян, ты же после выпуска уедешь — папа проигнорировал мой выпад. — И не хуже меня знаешь, что ничего у вас не получится. Поэтому не пудри девчонке мозги, отстань от нее.

Его приказной тон меня окончательно вывел из себя. Я отбросил перчатки и буркнув, что сам во всем разберусь и не нужно ко мне лезть, ушел принять горячий душ.

На следующий день Польша так рано свалила в школу, что я даже не успел ее перехватить. Пришлось зажать девчонку в коридоре по пути на урок.

— Так и будешь теперь бегать о меня? — загнал Польшу в угол и уперся руками в стену по обеим сторонам от ее лица.

— Я не бегаю, дай пройти — Чижик зарычала, как дикая зверушка.

— Вчера свалила — шиплю ей прямо в губы.

А потом краем глаза замечаю идущих по коридору Еву с подругами и отстраняюсь.

Польша пользуется моим замешательством и выскальзывает из-под руки и уносится в кабинет физики.

— Привет — Ева натужно улыбнулась, хотя какие уж тут к херам улыбки. — Давай поговорим?

Девчонки молча переглянулись и оставили нас одних.

— Что это было? — Никольская сразу взбрыкнула.

— А что это было? — я разворошил волосы и соорудил невинную мину.

— Не делай из меня идиотку — Ева повысила голос, оглядываясь по сторонам. — Ты после той стычки сам не свой. Следишь за Чижиком, изводишь. Ты забыл про меня. Мы чужие. Разве ты не чувствуешь? Я думала, мы, наоборот, сплотимся. Вроде общей тайны, и все такое. Но ты...

Я подошел к ней вплотную и бегло осмотрел.

— А ты? Разве ты не отдалилась? Я чувствую от тебя тоже самое.

— Не переводи стрелки. Она нравится тебе? Я уже давно заметила это за тобой.

— То же самое могу спросить тебя про новоиспеченного братца — я, блин, на взводе. Поддел пальцами Еву за подбородок, заставляя смотреть только на меня. — Зачем ты тогда влезла? Закричала, как ненормальная. Отталкивать меня начала. Все поняли, что тебе не все равно.

— Конечно, мне не все равно. Стас — сын новой жены моего отца. Как мне может быть все равно? Думаешь, на мне не отразилось ничего? Отец прохода не дает, все выпытывает, а я молчу. И он молчит.

— Нет, Ева — решил ткнуть ее носом в правду. Неужели она думала, что никто ничего не замечал? — Тебе не все равно, потому что этот ублюдок тебе нравится.

— Как красиво ты соскочил с темы, Ян... Между нами все кончено?

— Ева...

Мотнула волосами.

— Понятно — собралась уходить, но я перехватил ее за плечо.

— Что тебе понятно? Может, нам стоит сделать перерыв? Мы так долго были вместе.

— Ты сам знаешь, чем заканчиваются такие перерывы, Ян — Ева скинула мои пальцы и утопала в класс.

Университет, второй курс

Ян

— Твою мать, хорош ерзать — шипит Тим. — Я из-за тебя сбиваюсь постоянно.

— Да, нахрен эту лекцию — шепчу в ответ, постукивая ручкой о раскрытую тетрадь. —

Все равно даже не отмечают. Зачем только поперлись.

Тим что-то невнятное бурчит в ответ и продолжает писать.

Мой мобильник оживает. Входящее сообщение. Полина скинула адрес студии. Дергаюсь на жесткой скамье. Задница уже затекла.

— Бл*ть — Дэв бряцает ручкой по столу. — Че там у тебя?

Перечитываю сообщение и не скрывая улыбки кошусь на друга.

— Полька встретиться согласилась — киваю на телефон. — Адрес скинула. Сегодня в семь.

— О, чувак — задевает своим плечом мое. — Поздравляю. Только не облажайся.

— Постараюсь — склоняюсь пониже над тетрадью и лыблюсь, как идиот.

— Марек, Девлегаров! — окликает нас препод. — Что у вас там за светская дискуссия? Может, вы вместо меня продолжите лекцию? Расскажите нам об основах техники безопасности при эксплуатации систем водоснабжения и водоотведения?

— Нет, что вы, Дмитрий Петрович! — отвечаю с места, не теряясь. Мне сейчас море по колено. — Лучше вас никто не справится!

Петрович заметно теплеет, поправляя свои лупоглазые очки.

— Тогда будьте любезны, сидите тихо и записывайте, раз почтили нас своим присутствием.

— Тыщу извинений, Дмитрий Петрович! — задабриваю старикана.

После лекции спускаемся с Девлегаровым на второй этаж к торговому автомату, чтобы зацепить газировки. Достаяю из автомата Колу, отвинчиваю крышку и, облокотившись о стенку, делаю три больших глотка.

У противоположного окна стоит Никита Соколов и лапает какую-то смазливую первокурсницу. Да, телок клеить он умеет. Дэв тоже его заметил. Раньше мы хорошо общались, дружили, пока Сокол не начал подбивать клинья к его Таньке. При этом сам Девлегаров тогда встречался с Таниной соседкой по квартире, Лилей. Короче, Таню он не поделили и сцепились. Там вообще голову сломать можно, разбираясь в их мутках.

Теперь с этой самой Лилей время от времени трахается Сокол, а мне приходится метаться между Соколом и Дэвом, потому что вместе больше никак.

— Смотри — кивает в его сторону Тим. — Снова девчонку клеит.

— Слушай, ты с ним помириться не собираешься? — подготавливаю почву.

Дэв удивленно лупится на меня.

— Нахрена мне?

— Да, брось ты, Дэв. Он никогда против тебя ничего не имел. Все же разрешилось. Просто твоя Таня на его бывшую похожа. Эту, как ее... Маринку Котову, которая с каким-то старпером в Европу укатила.

— А если бы он к твоей Полине так же подкатывал, как к Тане, ты бы тоже забил?

— Я б его убил — отвечаю с ходу.

— Вот видишь? — хмыкает Дэв. — Значит, я еще добродушный. Кстати, как там насчет твоего свидания? Весь на нервяке?

— Пфф, это не свидание. Просто поговорим. Ладно, хоть на это согласилась.

— Таня говорила, к ней какой-то перец клеится. Ничего такой.

— Да, знаю я его. Это Левитин из нашей школы. В параллельном учился, они вместе на танцульки свои ходили. Он еще в школе на Польку слюни распускал, а на него дружок мой бывший, Рыльский. Сейчас в Европе где-то тусит. Говорят, снаркоманился совсем.

— И че? Не подгорает у тебя?

Жму плечами, отпивая Колу.

— Подгорает, конечно. Но думаю, там несерьезно. Маменькин сынок. Хрен его разберет... Мутный слишком.

После пар мчусь домой. Долго торчу в одних боксерах перед переполненным шмотками шкафом, выбирая, что натянуть. В итоге хватаю обычную белую футболку и черные узкие джинсы. Заезжаю за ее любимыми ирисами и к половине седьмого подкатываю к студии.

В окнах на первом этаже горит свет, а на улице тусят, судя по всему, родители Полькиных подопечных.

Минут через десять, распаивается дверь, и выгребают девчонки лет десяти. Осталось совсем недолго, сжимаю руль вспотевшими ладонями и глаз с двери не свожу, чтобы Польку не пропустить.

Наконец, появляется и она в короткой шубке из плюша и широких голубых джинсах. Волосы собраны в высокий хвост, оголяя тонкую шею. Улыбается. Глаза горят. Видимо, ее прет от того, чем она сейчас занималась.

Но Полька не одна. С парнем. Он высокий и на вид крепкий. Короткие русые волосы и серьги в виде крестов в ушах. Присматриваюсь и понимаю, что это тот самый Марк Левитин. Только патлы свои больше не обесцвечивает. Теперь у меня еще сильнее подгорает. Ничего от маменькиного сынка не осталось.

Руки так и чешутся. Это ведь он тогда Польку против меня настроил. Про спор наплел и про пьяный треп с парнями.

Левитин о чем-то хохмит, и Полька взрывается смехом. Распахиваю дверь и вылетаю из тачки.

Иду им навстречу.

Марк, заметив меня, сначала вглядывается, а когда узнает сразу же тушует, сжимается весь. Но берет себя в руки и расправляет плечи. Типа, орел степной.

Полька же хмурит брови, остановившись на тротуаре.

— Ну, привет — нагло лыблюсь этому придурку. — Давно не виделись.

У него щеки сразу вспыхивают. Левитин игнорирует меня и смотрит на Польку во все свои глазищи.

— Полин, ты чего? Тебе мало что ли? Ты уже забыла про ту запись?

Она комкает лямку спортивной сумки тонкими пальцами.

— Не забыла. Мы просто поговорим.

— Ты перед ним оправдываешься что ли? — не выдерживаю. — И какая, нахрен, запись?

— Он не знает? — обращается к Чижику.

Бл*ть, делаю вид, что меня вообще здесь нет.

— Слушай, ты отвали от нее лучше — подхожу к этому гандону впритык. — А то я за

себя не ручаюсь.

— Марк, мы пойдем — Польша хватает меня за руку и утаскивает к машине.

Школа, выпускной класс

Полина

У меня появилась подруга. Раньше Инга Клименко дружила с Евой Никольской. Они всюду были вместе, просто не разлей вода. Пожалуй, именно к Инге Ева прислушивалась чаще, чем к остальным. Ее мнение считала важным. И так длилось до тех пор, пока интересы лучших подружек не пересеклись. Пока Инга не положила глаз на ее сводного брата, Стаса Филатова. Тогда и пробежала черная кошка. Никольская и здесь повела себя, как собака на сене. Ни себе, ни людям.

А Инге он нравился. Очень сильно нравился. Я знала, что у нее было много парней во всех смыслах, но в этот раз, она призналась, к Стасу у нее нечто более серьезное, чем просто интрижка.

— Знаешь — Инга, мечтательно вздохнула, пока мы топали от остановки до школы. — Меня колотит рядом с ним. Дышу через раз. У Филатова такие глаза... Я не знаю, это, как лететь с обрыва. И татушки... Особенно та, что на бедре. Хорошо, что сегодня опять два первых урока в бассейне...

После ее слов о бассейне, я замерла посреди тротуара. Инга на ходу обернулась.

— Ты чего?

— Блин, купальник забыла. На сушилке оставила.

Клименко махнула рукой и задвигала дальше.

— Идем уже, я тебе запасной дам.

Я в неверии потопталась на месте и, опомнившись, рванула за подругой. Так странно вновь произносить это слово — подруга.

— А вчера я Стасу написала. Мы же уже вместе гуляли с ним. Знаешь, Поль, с ним так интересно, он не похож на наших парней. Сильный, резкий, но в то же время может быть нежным, милым.

— Ты смелая — удрученно вздохнула. — Я бы никогда не решилась сделать первый шаг.

— А зря — хмыкнула Инга. — С Марекком как раз, так и нужно. Только не в плане навязываться, а заинтересовать. Ева так его и зацепила. Все сделала сама. Сначала соблазнила, а потом, хлопая большими глазками, призналась, что Ян нравится ей не просто, как друг. Так у них и закрутилось.

И пока Инга тараторила, я чувствовала, как мои щеки заливались краской. Я вела себя так очевидно, даже не пыталась скрыть свои чувства, но, когда про них вот так явно намекнули, мне сразу же сделалось неловко.

— Ой, только не отрицай — отмахнулась Инга. — Ты так на него смотришь, все давно уже в курсе. Даже раньше, чем тебя Никольская спалила.

В раздевалку мы зашли раньше остальных. Инга успела мне вручить свой черный монокини со вставкой на животе, но при этом оголяющий бока и ложбинку между грудей в глубоком треугольном вырезе. Уж очень, как по мне, откровенный. Но выхода не было. Разве что с занятия отпроситься.

На что Инга не преминула отметить.

— Самое то. Он тебе идет очень. У Яна челюсть отвиснет, вот увидишь.

Ева с подругами появились как раз в тот момент, когда я уже успела переодеться и

заплетала у зоны с зеркалами волосы в косу, чтобы было удобнее заправить их под шапочку для плавания.

Лерка Андропова, теперь уже главная подпевала у Никольской громко присвистнула Еве.

— Зацени у Чижика новый прикид.

— Это она перед Яном выделяться будет, да, Чижик? — прыснула Лиза Колпакова, вторая подпевала по значимости в иерархии Евиной своры.

— Что-то она к Мареку нашему приостыла, может, перед соседом своим, Филатовым сиськами щеголять будет — поддакнула Маша Строкина, убирая выбившиеся пряди у лица под шапочку для плавания.

— Не — вновь встряла Лерка. — Такие, как Полечка, не дружат с подобными им же голяками. Таким богатеньких подавай. Наверное, все же перед Марекком. Вот так вот, Ева. Стоило тебе его бросить.

Я изо всех сил старалась не обращать внимания на их бестолковый треп, ровно до последних слов. Неужели Никольская и, правда, с Яном рассталась?

И пока я размышляла над этим, Ева подошла ко мне со спины и остановилась чуть сбоку. Взглядом хищницы, диким, презрительным пробежалась по моей фигуре и взмахнула рукой по позвоночнику.

— Зачетный прикид, Чижик. Прямо невинная нимфа. Правда, что ли перед Марекком буферами решила посветить? Так, ты не стесняйся, заявись к нему в комнату голой, он оценит.

Нельзя перед ней показывать слабость, нельзя ее бояться, иначе сожрет, не подавится.

Я гордо задрала подбородок.

— По себе не суди. Мне твой Ян не нужен — солгала, не содрогнувшись.

Евы ухмыльнулась, кривя красивые, полные губы.

— Давно ли?

— С недавних пор — ответила без заминки, чтобы она не догадалась, как я волновалась вот так стоять перед ней, когда Никольская просто давила на меня своим превосходством, буквально, во всем.

— Отстань от нее, чего докопалась? — вступилась Инга, и я немного выдохнула.

Бало приятно, что Инга не боялась выступить вот так открыто против бывшей лучшей подруги.

— Ой, защитница нашлась — лениво обернулась на нее Ева, как на маленькую собачку, твякающую под ногами. — Или мой братик из вас гарем сколотил? Вы теперь друг за дружку?

— Сама по своему же сводному брату слюни пускаешь — ответила Инга.

— Я не ты, всякий сброд не коллекционирую — Никольская оборвала спор, гордо прошествовав к шкафчику.

Перед выходом из раздевалки Инга сжала мое плечо и прошептала в ухо:

— Не бери в голову, она завидует. Видит же, как на тебе бомбически сидит этот купальник.

Я молча кивнула, слегка улыбнувшись подруге уголками губ.

Нас построили в шеренгу. Среди парней Марек в самом начале. Когда я мельком глянула в его сторону тут же поймала на себе ответный. Бушующий и затуманенный. И, Болей мой, как он был прекрасен в этих своих черных плавках и со сжавшимися в кулаки

ладонями, прижатыми к прокаченным бедрам. Встрепанный и шальной.

— Так, сегодня сдаем брасом — усталым голосом объявил физрук.

Нас с Клименко поставили в первую четверку. Позади засвистели и заулюлюкали парни.

— Это че, Чижик? Полин, классная задница — выкрикнул с места Сухов и заржал в голос. Остальные парни следом.

— И спереди зачет, че раньше так не ходила? — подхватил друга Толик Кобра.

Перед тем, как занять позицию на тумбе, я заметила, что Ян стоял рядом с ними. И на все грязные подколы своей свиты никак не реагировал, не вступился, не заткнул их. В груди все сжалось и заморозилось.

После команды я нырнула в прохладную воду, но так и не смогла сосредоточиться. Почему он не вступился?

После заплыва мы с Ингой расположились на дальние лежаках, дожидаясь окончания занятия.

— Поль — успокаивала подруга. — Ты же заметила, как Марек пялился? Да, он чуть в собственных слюнях не утонул.

Я подняла голову, заглядывая на нее.

— Почему Ян их не заткнул, ведь мог!

Инга фыркнула и мотнула выпущенными из-под шапочки смоляными волосами.

— Да, потому что они по его указке вякали. Он же специально тебя задевает. Ты же его отшила, вот он и добивается твоего внимания. Просто по-другому не умеет.

А уже дома, когда я возвращалась из кухни, где по обычаю помогала маме с Зульфией приготовить ужин, в коридоре меня подкараулил Ян. Позади лестница, впереди он, а по бокам стены.

— Чего тебе? — спросила, сложив руки на груди, закрываясь от него. От его темнеющего, пронизательного взгляда и надвигающейся, точно в прыжке, фигуры.

Ян просканировал меня с ног до головы и остановился на лице. Выудил из-за спины руку с зажатым в руке мой купальником, оставленном сегодня в сушилке, и нагло оскалился.

— И почему ты была сегодня не в нем? Что за микроскопическую тряпку нацепила?

— Тебе какое дело?

Его глаза сверкнули в свете диодных ламп. Ян быстро сократил расстояние между нами и уперся свободной ладонью в стену рядом с моей головой.

— А тебе нравится привлекать внимание. Нравится, когда на тебя парни смотрят. Не такая уж ты и серая моль.

Решила, что ничего отвечать не стану, не буду разбавлять своими репликами этот бессмысленный монолог. Но Ян заводился. Склонился к моему уху.

— Чтобы больше его на занятия не пялила, ясно? Ты хоть представляешь, как парней завела?

— А что же ты их не заткнул? — осмелилась встретить его взгляд.

Ян перевел внимание на мои губы, затем поднялся к глазам и слотнул слюну, дергая кадыком по горлу.

— Чтобы тебя смутить. Может, тогда выбросишь эту тряпку — его рокошущий, хриловатый голос прошибал по моему телу зарядами.

— Это не тряпка, а монокини. Твоя Никольская еще и не такое носила — специально про Никольскую напомнила.

— Серьезно, Полька, не заводи меня лучше — Ян сунул мне мой старый купальник в ладонь. — В школу носи этот. А в той тряпке лучше здесь плавай. Ты в нем горячо смотрелась.

Университет, второй курс

Полина

— Да, бл*дь!

Ян психует и, заметив, что Марк так никуда и не ушел, тащится обратно к нему.

— Левитин! — подзывает его с ходу. — Что за запись, поясни?

Я знаю, она у Марка осталась. Да, и у меня лежит в памяти телефона. Насмешливый тон

Яна на той записи раскрошили меня тогда на части. Я ее не удалила, но больше не прослушивала. Оставила, чтобы помнить его слова.

Парни стоят друг напротив друга, набывшись друг на друга. И я, невольно, подмечаю, что Левитин догнал Марка в росте. Совсем не о том мысли.

— Поль, ты же сказала тогда, что сама дашь ему прослушать? — обращается ко мне Марк.

Ян оглядывается на меня, и смотрит с застывшим вопросом. А я лишь мотаю в ответ головой, типа, "нет", и отвожу взгляд на ботинки.

Именно сегодня я хотела дать ее прослушать Марку, чтобы понял и отстал, наконец.

— Окей, тогда я сам — Марк достает телефон и водит по экрану большим пальцем, а потом прибавляет звук и передает смартфон Яну. Я в ужасе застываю. Меня, как будто, здесь нет.

Остается лишь наблюдать, как меняются эмоции у Яна на лице.

Когда запись обрывается, Марк все еще смотрит на черный экран, прислушиваясь к тишине.

— Это ответ на твой вопрос, почему я так с тобой поступила.

Ян медленно поднимает на меня глаза, взмахивая пушистыми темными ресницами.

— Голимый монтаж — усмехается и возвращает телефон Марку. — Кто тебе дал эту гребаную запись?

Марк наигранно равнодушно дергает плечом.

— Какая теперь разница.

— Да, огромная — взрывается Ян и толкает его в грудь, наступая. — Потому что я такого не говорил. Вернее, это мой голос, и мои слова, но здесь все склеено-переклеено. И ты выдал эту херню за правду? Перед ней? — еще раз толкает. — И ведь ни словом не обмолвился, когда я тебя тогда на разговор вызвал, что есть запись

А потом Ян, сверкая потемневшими зрачками, оборачивается на меня.

— И почему не дала послушать? Почему решила просто сбежать?

Сглатываю слюну, но в горле сухо и противно. Там саднит. И везде саднит.

— Не хотела увидеть в твоих глазах подтверждение всему этому. Я бы не вынесла.

— Поль — Ян отлипает от Левитина и подлетает ко мне. Чуть склоняется, чтобы видеть мои глаза. — Эта запись сделана на вечеринке у Сомова. Ты пришла и была такой... Черт, такой охренительно прекрасной. Парни вдруг зацепились за тему, кто бы с тобой замутил, вот и пришлось их остудить. Там сплошная нарезка из моих слов. Подделка. Подстава. А ты поверила... Не поговорила со мной. Поверила и сбежала.

Теряюсь, не знаю, что ответить. Мне хочется верить. До боли в сердце хочется. Но я с ужасом понимаю, что ничего не поменяется. Моих последующих действий не отмотать

обратно, да, и его тоже.

Ян грустно ухмыляется.

— Это Рыльского проделки. У его дяди есть своя студия звукозаписи. Бл*ть, ты же меня чуть под статью не подвела.

Он нервно ерошит волосы на затылке и уходит прочь. Без меня. Забирается в авто, двигатель рокочет. А у меня к ногам, точно гири привязали. Нужно остановить, но не могу двинуться. Машина трогается и проезжает мимо, обдавая нас брызгами весенней лужи.

— Мудила, еще и обрызгал — взбесился Марк, разглядывая на своих дорогущих джинсах темно-коричневые капли. — Ты только не впадай в истерику, Поль. И не верь ему. Вообще, какая разница, что он там на самом деле имел ввиду, ведь не отрицает же, что это его слова.

Да, не отрицает.

Прощаемся с Марком. Обещаю, что не буду плакать, а обдумаю все на светлую голову. Но на душе липко и едко.

Возвращаюсь в общежитие, по дороге покупаю продукты в ближайшей "Пятерочке". До десяти дописываю доклад, а потом бесцельно смотрю в окно, усевшись на широком подоконнике общажной комнаты и попивая из бутылки кефир. Но все же слова Яна не дают мне покоя. А вдруг, и правда, монтаж, а я даже проверить не стала. В итоге ничего не выяснила до конца. Все решила на эмоциях.

Дотягиваюсь до стола, где лежит мой телефон. Ладони потеют. Никогда бы не подумала, что решусь написать ему сама.

22:31 Polya_chizh: Ты сбежал, и мы не договорили

Десять минут листаю новости, чтобы отвлечься в ожидании ответа.

22:42 JanMaracas: Беру с тебя пример. И причину твоего побега я узнал.

22:43 Polya_chizh: Зато я не знаю правды.

22:45 JanMaracas: Смысл? Ты все равно мне не поверишь, как и два года назад(

22:47 Polya_chizh: Я хочу разобраться. Расскажешь, как все было на самом деле?

Снова минут десять тишины. Сворачиваю диалоговое окно, чтобы не гипнотизировать экран, как вдруг раздается характерный звук, информирующий о новом сообщении.

22:59 JanMaracas: Ты в общаге?

Тут же набираю

23:00 Polya_chizh: Да

23:02 JanMaracas: Сможешь выйти?

По спине озноб, и виски колотит. Я волнуюсь так, что пальцы дрожат.

23:05 Polya_chizh: Смогу.

А сама в мозгах прокручиваю. что же скажу вахтерше, чтобы пустили обратно.

23:06 JanMaracas: Тогда выходи через полчаса.

Чуть не подпрыгиваю. Ладно хоть Маши нет, а то бы точно разбудила. Выуживаю из шкафа синие джинсы и темно-фиолетовый пуловер. Собираю волосы в хвост и присаживаюсь на край кровати в ожидании нужного времени. Коленки подрагивают и трясутся, как и руки.

Когда Марек сообщает о приезде, выхожу с опозданием минут на семь. Молча сажусь в машину, а Ян молча трогается с места. Вскоре понимаю, что направляемся мы в сторону его квартиры, но я не ничего не говорю, не останавливаю его в нервном припадке, потому что хочу выслушать его правду, какой бы она не была.

Но мы не доезжаем. Ян резко сворачивает на обочину и выходит из салона автомобиля,

хлопнув напоследок дверь. Я вглядываюсь в его силуэт, маячивший перед включенными фарами и не знаю, как себя повести.

Школа, выпускной класс

Ян

Сегодня ночью Поля приснилась мне. Первый раз приснилась. И сразу же прицельным в паховую область, потому что была в этом самом купальнике, больше напоминающим изрезанную в хлам тряпку с веревочками.

Пришлось тащиться в душ, хотя за окном маячила суббота, и можно было поваляться подольше. Но меня не отпускало. Сон казался таким реалистичным, я даже ее запах ощущал, и долбящее о ребра сердце никак не собиралось успокаиваться и оставить меня, нахрен, в покое.

Перед глазами плясали картинки, как я развязываю узкие веревочки на ее хрупкой шее, как касаюсь губами бледной кожи по спине вдоль позвонков, как прижимаю к себе и заставляю выгнуться навстречу...

Все, нужно перестать об этом думать. Мне вообще нужно перестать о ней думать, а то в последнее время что-то я зачастил.

Когда она появилась в бассейне, мне показалось, что мои конечности онемели. Такой откровенно красивой я Польку еще не видел. Такой... После чего срочно необходимо передернуть или подумать о чем-то очень паршивом, чтобы сбить стояк. Но я оказался таким не один. Парни тоже окосели, но замолкли. Слова вякнуть не смели, пока я первым не пробубнил, ухмыляясь:

— Девочка то созрела.

И их прорвало. А я стоял и наблюдал, как ее щеки заливались румянцем. Польке стало стыдно и неловко. И правильно. Этого я и добивался, чтобы больше не вздумала тащиться на занятия в таком виде.

И вот с тех пор я все никак не мог забыть ее в этом купальнике, хотя Полька так и не осмелилась нацепить его еще хотя бы раз. Даже у нас в бассейне. Тем более у нас в бассейне.

На зарядке проснулся телефон. Олег Сомов из параллельного. Мудила еще тот. И трус редкостный.

Сомов: Ты в теме?

Мне что-то совсем не перло катить на его тусу. Но, пока я решал, что ответить, в телеге меня уже уговорили Кобра с Суховым.

Я: Привет, да

Сомов: Ок)))

С ним-то особо никто не дружил, потому что Олег, сука, завистливый очень и мстительный. Все знакомые у него через третьих лиц. Говорю же, мерзкий типок. И я ему на этой вечеринке был нужен, чтобы собрать побольше народа. Если будут знать, что придет Ян Марек, значит тема — норм, и тоже подвалят.

К обеду я все же выплыл из своей комнаты и спустился на кухню. Зульфия уже топталась, раскладывая тарелки в столовой. А ведь этим всегда в выходные занималась Поля.

— Добрый утро, Бельчонок — ласково мне улыбнулась, натирая ножи.

И это прозвище... Короче, Зульфия с нами живет уже давно и видела меня еще двухлетнего, писающего посреди гостиной на ковер, так что... У нас с ней, вроде как, тесная связь. Меня еще с тех самых времен прозвала Бельчонком. Я уже привык и смирился. А Лили

Зульфия ласково называла Беляночкой.

— Ой, Поля на репетицию к школьному концерту уехала, а вечером отпросилась куда-то. Уж, не знаю — заговорщески понизила тон Зульфия. — С этой своей новой подружкой куда-то собрались. Не нравится она мне, Бельчонок.

— И мне — пробормотал в ответ и пошел чего-нибудь пожевать перед тусой.

Туда мы с Коброй, Суховым и Рыльским заявили ближе к самому разгару пати. Рыльский, опрокинув пару стопок сразу же куда-то затерялся, а я, лениво обшарив глазами гостей, заметил на диване Никольскую. Мы так с ней толком и не поговорили после ссоры в коридоре школы, и на душе неприятно скребло. Все-таки мы не только встречались, до этого еще и дружили.

Я подошел к девчонке со спины и положил руки на покатые плечи.

— Привет — склонился к уху. — Поговорим?

Ева тут же обернулась и удивленно вскинула левую бровь.

— О чем?

Она смотрела на меня, как на врага, как на совсем чужого.

— Брось Ева, мы так давно знаем друг друга, но после расставания... Короче, это не значит, что теперь мы должны перестать общаться.

Ева пробежалась взглядом по моему лицу, задумавшись и прикидывая, стоит ли, а потом молча кивнула.

Я увел Никольскую на кухню. Внутри пахло специями и хлоркой. Ева сразу же подошла к небольшому холодильнику с витриной и достала оттуда бутылку минералки. Открыла и сделала пару глотков, пока я молча наблюдал за ее движениями.

— Ну, говори — как бы между делом обратилась ко мне.

И вот все, что я хотел у нее спросить, все, что хотел сказать, вылетело из головы, потому что напротив стояла совсем чужая девчонка. Не моя Ева, с которой мы катались наперегонки на великах, с которой строили шалаш в парке возле пруда, с которой читали под одеялом с фонариком Гарри Поттера. И уж точно не та Ева, что разрешала себя касаться и целовать.

— Ты хоть вспоминаешь нас? Или все стерла? Как тебе это удалось, поделись.

Выражение на лице надломилось, на лбу образовались мелкие складочки.

— Ничего я не стерла... И не думала.

— А ты бы хотела все вернуть?

Не знаю, зачем спросил об этом, потому что я сам бы точно не хотел. Нам с Евой вообще навсегда нужно было остаться друзьями и не переходить эту черту.

Никольская кротко улыбнулась.

— Нет, не хотела. И ты тоже не хочешь, потому что никогда не любил меня по-настоящему, признайся же! И я не любила. А мне без любви не нужно.

И это правда, какой бы она не была. Но внутри все равно что-то жгло и надрывалось.

— Но я скучаю по тебе — я оторвался от стены и подошел ближе. — По нашему общению, как мы угорали вместе, как валялись в моей комнате и смотрели фильмы, как учил тебя играть в Доту.

— Это привязанность, Ян. Мы долго были вместе.

— Да, похрен, пусть так. Но я скучаю, Ева... Мы же можем дружить?

Ева разомкнула руки, и я, приняв знак за согласие, тут же нырнул в ее объятия, уткнувшись в ее вкусно пахнущие волосы.

— Только скажи честно, как подруге, ты тогда порвал со мной из-за Чижук? Полина

нравится тебе?

— Я предложил сделать перерыв — поправил ее.

— Это, по сути, одно и то же. И не съезжай с вопроса. Она нравится тебе?

— Я не знаю... Она была рядом, бегала за мной, как собачонка. А потом, после той драки, делает вид, что меня вообще не существует. Избегает. Это бесит. Дико. И я не могу себя понять.

— Конечно, принц на белом коне, который спасет бедную золушку, и тут раз, такая ситуевина. Оказывается, ты не принц вовсе.

— Это она еще не все про меня знает.

Ева прыснула.

— Да, уж.

Я отстранился и заглянул в ее ледяные глаза, в которых сейчас плескался теплый свет.

— Ну, так что, мир?

— Мир — улыбнулась и потрепала меня за волосы, как и раньше делала. — Я тоже скучала.

И на душе отлегло. Но ненадолго, потому что, когда мы вернулись в гостиную я увидел Клименко Ингу с Полькой за компанию.

Малиновый топ с шнуровкой на груди, узкие джинсы, забранные на затылке в хвост волосы и яркая помада под цвет топа, отчего губы казались пухлыми и офигительно манкими.

У меня, наверное, произошло короткое замыкание, потому что Ева похлопала меня по плечу и бросила в самое ухо:

— Отомри.

Ян растерянно дернулся, прибывая снова в этот мир.

— Ты тоже это видела?

— И не только я. Посмотри на своих — Ева кивнула в сторону Сухова, Рыльского и Кобры. — Они, походу, тоже заценили.

И то, что они тоже заценили, я понял уже скоро, когда утащил парней замутировать кальян, потому что мне, бл*дь, не хватало воздуха в одном помещении с ТАКОЙ Полиной.

Первым прикопался Влад Сухов.

— Я хочу к ней сегодня подкатить. Ян ты не против?

Против? Да, ни хрена, только вот чувствовал, что могу морду своему другу расквасить в эту же секунду.

— Мне пофиг, но ты все равно к ней не полезешь, усек?

Влад обиженно ухмыляется.

— Раз самому пофиг, че для друзей жмешь, Ян? Она ниче так, теперь уж все рассмотрели, что там за формой пряталось.

— Я бы тоже замутил с ней, раз Клименко все равно динамит, стерва — вклинился Толик Кобра, потягивая кальян.

— Да, тебя и Чижик продинамит — вставил свои пять копеек Рыльский. — Член отрастил, а ума не прибавилось, чтобы телку склеить.

— Зато ты, бл*ть, научился, и не только телок — отфутболил ему Кобра.

— Да, я крут — самодовольно выдал Рыльский.

— Ян, ты, как хочешь — снова запел Влад. — Она — девчонка сладкая, как оказалось, так что я в деле.

Надо уже разруливать. пока все не пошло на самотек. Ведь никто из парней не знал, что я чувствовал к этой девчонке на самом деле. Я и сам не мог до конца понять и осознать.

— Да, не поведется она — я откинулся головой на спинку кожаного кресла, и лениво выпустил ароматный дым к потолку. — Вам все равно ничего не обломится, потому что этот спектакль для меня.

— С чего так решил? — спросил Кобра. — Она тебя последнее время не замечает даже, как на пустое место смотрит. Уж не знаю, что там у вас дома творится, но в школе Полинка скорее к Филатову клеится, чем к тебе, Марек.

— Ну, так и завали, раз не знаешь, что у нас с ней дома творится — рыкнул в ответ. — Если захочу, уломаю. Она же, типа, любит, сама признавалась, так что и дать не откажется.

— Спорим, до нового года не справишься? — Сухов славил азарт, вскочил с кресла и подкатил ко мне, протягивая руку для спора.

Но я не идиот. Никогда бы не стал спорить на человека, хотя знаю, что эти укурки не раз такое проделывали. Особенно на девчонок.

— Я не буду спорить.

— Ян, так не пойдет — вмешался какой-то хрен из класса Сомова. — Девку застолбил, а сам сливаешься.

— Нахрен иди — взглянул на него, как на таракана. — И она тебе не девка.

Тут дверь приоткрылась и показалась Ева. Попросила вызвать с мобильного такси, потому что свой разрядился.

Я проводил ее до ворот.

— Ян, ты не спорь на нее. Такие, как Чижик, не переживут подобное. Такие потом с крыши кидаются и вены вскрывают.

Опа! Неужели Ева слышала наш разговор?

— И не собирался.

Вдали замелькали фары.

— Я сейчас спрошу, а ты ответь только честно, и не нужно меня жалеть. Раз уж мы больше не вместе скажи правду — Ева развернулась ко мне и задрала голову, чтобы видеть мое лицо и мои глаза. Взгляд при этом у нее был, точно, она сейчас с обрыва прыгать собиралась. — Ты изменял мне?

— Ни разу — выдал сразу, потому что это правда.

Сколько бы вокруг меня девчонок не вилось, я не изменял Еве, пока мы встречались. Да, хотелось. Да, зудело все со страшной силой. И несколько раз чуть не сорвался, но все же не сорвался.

— Значит... — Никольская не решилась закончить предложение, и я сделал это за нее.

— У меня еще ни с кем не было.

Такси остановилось напротив. Ева с силой сожмурилась.

— Прости — смазанно чмокнула меня в щеку и забралась в салон.

А я вернулся к парням, которые без меня все еще обсуждали Польку.

— Слушай, Сухов, если ты к ней подкатишь, то я раздроблю твою физиономию ломом. И остальных это тоже касается — оглядываюсь на застывших в культурном шоке укурков. — Только, бл*дь, попробуйте! Эта девчонка живет в моем доме. Она, черт вас дери, моя. И я сам решу буду с ней мутить или нет, и когда буду ее трахать и буду ли вообще, андэстэнд ми?

Университет, второй курс

Ян

Меня просто бесит этот ее покорный вид. Сама невинность. Сидит и молчит. Видит, куда везу, все понимает и молчит.

Не могу больше сдерживаться. Меня злость за горло ухватила. Съезжаю на обочину и вылетаю из салона. Вечерний ледяной ветер забирается под футболку, остужая кожу и мозги.

Сжимаю кулаки и считаю, считаю, считаю, но ни хрена не помогает.

Дверь тачки хлопает, и Полина крадущимися шажками подходит ближе.

— Знаешь, Ян — тихий спокойный голос разрывает тишину. — Я не хотела тогда с тобой говорить, потому что в любом случае, даже если бы ты соврал, я бы нашла оправдание каждому твоему слову и поступку. Переиначила все в своих мозгах, лишь бы остаться с тобой. Но я понимала, что так нельзя.

Что она несет, черт дери? У меня черные точки перед глазами пляшут. Я даже не чувствую, насколько мне холодно.

Подхожу к ней, чтобы видеть глаза.

— А так, как поступила ты, значит можно? Я хотел отдать тебе все, что мог. Ты была у меня первой! Я влюбился, понимаешь ты это? Я помешался. А ты... Меня даже не пустили к тебе поговорить. Я орал, как припадочный, но ты не вышла. Струсила.

— Я не могла на тебя даже смотреть тогда! — срывается Полина.

— Если бы мы поговорили, все вышло бы по-другому — рычу ей в лицо, уже не сдерживаясь.

Меня штормит и трясет.

— Как по-другому? Мы бы не смогли быть вместе. Ты бы уехал в Англию, как и мечтал, а я осталась. Что у нас могло получиться, Ян?

— Да, я бы не уехал! — уже ору.

Полька смаргивает слезы, и мне так хреново. От ее слез, от нашего разговора и всей этой дерьмовой ситуации.

— Как все было на самом деле? — спрашивает уже тихо, ежась в своей тоненькой куртке.

А я смотрю на ее подрагивающие плечи и хочется обнять, прижать, чтобы унять пульсирующую в висках боль. Но в то же время меня разрывает от злости. Как мы умудрились все так просто похерить? А теперь уже и, правда, ничего не вернуть.

— Тогда на вечеринке у Сомова ты привлекла к себе много внимания. Мы курили кальян, и Сухов стал впрягаться, как бы с тобой замутить, а потом и остальные подключились. Я ответил, чтобы они не надеялись, типа, это ты для меня постаралась, но парни никак не унимались. Тогда я сказал, что ты влюблена в меня, и если я захочу, то смогу затащить тебя в койку.

Полька зажмурилась и потеряла виски.

— Разве я признавалась тебе в любви?

— Нет, здесь я блефовал, но лишь для того, чтобы они отстали от своих хреновых идей. И разве ты не была в меня влюблена?

Полька отворачивается, и ее подрагивающие на ветру плечи из меня весь воздух

вышибают. Какое же я дерьмо.

— Тогда парни решили развести на спор — продолжаю говорить ей в спину. — Типа, я тебя до Нового года должен в койку уложить, но я не согласился. А потом нас прервала Ева. Попросила вызвать ей такси. А когда я вернулся парни так и не съехали с темы. Тогда я сказала Сухову, который все это и разжигал, что ты моя, и я сам решу, мутить с тобой или нет... Блин, как это хреново сейчас звучит. Но все эти отрывки фраз из записи... Они склеены из моих слов. Прости, я в самом деле все это говорил, но с другим посылом, не так, как представлено в записи.

— Это — всхлипывает. — Очень мерзко.

— Знаю. Прости.

Нет оправдания моим словам. Но и ее поступок не из лучших.

— Ян, отвези меня обратно.

Слова стрелой на вылет. Меня разрывает изнутри.

— Поль — сжимаю ее подрагивающие плечи. — Поля, прости. Я не знал, как остановить этот беспредел. Не мог даже думать, что кто-из них посмеет дотронуться до тебя. Но и свои чувства к тебе тогда признавать не хотел. Боялся. Струсил. Потому что в первый раз по-настоящему.

— Холодно — прерывает меня Полька ледяным тоном.

На меня не смотрит. Не оборачивается. Возвращается в тачку. И мне хочется разбить себе голову. И вообще не существовать.

Я не останавливаю, мы больше не разговариваем. До общаги едем также молча, разбавляя тишину музыкой с радио.

Уже возле корпуса, куда я подъезжаю к главным воротам, Полька тяжело вздыхает и поворачивается ко мне. Глаза огромные, блестящие, и я тону там. В этой бездне. Мне тоже больно. И тоже плохо. И злит все.

— Все уже в прошлом, Ян. Мне стыдно из-за своего поступка, но я бы ничего не поменяла. Просто не судьба. Так бывает.

Из меня дикий ор наружу рвется, но я сильнее сжимаю руль до побелевших костяшек.

— Тебя пустят?

— Да, договорюсь — выдает еле слышно, цепляясь за ручку дверцы.

— Я подожду. Напиши, как до комнаты доберешься.

— Волнуешься? — смотрит на меня опять своими оленьими глазами, как два года назад. Такими же наивными и открытыми.

С подвохом. Типа, чего это я?

— Волнуюсь — не кривлю душой, говорю, как есть. Доскрывался уже.

— Мы могли бы нормально общаться, раз уж я дружу с Таней, а ты с Тимом?

Вскидываю головой к потолку и нервно ухмыляюсь.

— Сама то в это веришь?

— Думаю, мы можем попробовать — неуверенно отвечает.

А я думаю, не можем. Но раз уж мне светит только это, могу постараться.

— Значит, я у тебя теперь во фрэнд-зоне?

Полька зависает с открытым ртом, но так и не находит, что ответить.

— Ладно, попробуем — нехотя соглашаюсь, а самому хочется себе всю башку о кирпичную стену разхреначить.

— Тогда, пока — кривит губы в подобии улыбки и выходит из машины.

Я, как и обещал, жду, пока не получаю сообщение, что она уже в комнате, и срываюсь с места. Гоню, как ненормальный, долблю по рулю и ору, что есть мочи, перекрикивая музыку в салоне.

Школа, выпускной класс

Полина

Я чувствовала на себе все эти взгляды парней на вечеринке у Олега Сомова. Инга обещала, что я произведу фурор в подобранном ею прикиде и при макияже, который Клименко тщательно рисовала на моем лице.

Так и случилось.

Но мнение всех парней меня не очень то интересовало, лишь одного. Инга твердила, что Ян заметил и был очень удивлен. Но я сидела спиной и не видела его реакции. А потом он и вовсе куда-то исчез.

И вот, когда Инга ушла в поисках туалета, а я осталась поболтать с девчонкой из параллельного класса, с которой мы участвовали в предновогоднем концерте. Пока она рассказывала про прошедшую репетицию, я рыскала взглядом по толпе веселых подростков, чтобы выцепить Марека.

Как только я засобиралась выйти на террасу, вернулась Инга.

Глаза у нее горели недобрым огнем, как бывает в момент предвкушения чего-либо.

— Смотри ка сюда — тычет мне в лицо смартфоном.

Я сначала и понять не смогла, но потом перехватила телефон и увидела на фото двоих: Марека и Никольскую.

Ян обнимал ее, а она вытянулась вся, в то время, как он, наоборот, склонил голову. Они целовались.

Целовались!

А я просто дура.

Разоделась, накрасилась. Хотела показать, какая я гордая, независимая. Мол, смотри кого не разглядел и потерял. А в итоге сама все потеряла.

Неужели они снова вместе?

Судя по фото, да.

В глазах расплылось и от макияжа неприятно щипало.

— Это я сейчас их видела — поделилась подруга. — Он ее к такси провожал у ворот. Стоят, милуются, как и не расставались.

Я поежилась, хотя в помещении стояла безумная духота от разгоряченных молодых тел, но меня бросало в озноб. До зубного скрежета.

— Инга, я домой хочу.

— Не расстраивайся, Поль — Клименко погладила меня по плечу. — Ну, вот такая Никольская. Ни себе, ни людям, называется.

Но я больше не слушала. Не хотела никого видеть, а тем более его. Забила в приложение адрес и, обняв напоследок подругу, ушла искать свое пальто.

А дома мама не спала. Как только я прокралась в нашу комнату, сразу же привстала на локте и придирчиво меня осмотрела.

— Что это на тебе?

Я и забыла, что не переоделась в свою одежду.

— Это Инги — забрала пижаму и полотенце со спинки кровати — Она для вечеринки мне одолжила.

— Зачем взяла? — фыркнула мама. — Мы не попрашайки, и у тебя есть своя одежда, ясно? Чтобы я больше такого не видела — отчитала мама.

И не объяснишь ей, что на такие вечеринки, где крутятся богатые детки, не носят ту одежду, что лежала в моем шкафу. И она сама запихнула меня в такую школу.

— Хорошо, мама, прости — согласилась, лишь бы не злить ее.

— И вообще, Инга мне твоя совсем не нравится.

Тут уж я не выдержала.

— Мам, она хорошая. Помогает мне.

— Ага, вижу, как помогает — пробурчала мама и присела на кровати. — Поля, ты пойми... Такая жизнь, как у них, не для нас с тобой... Ты для этой Инги — забава, зверушка, с которой ей сейчас интересно играть, а когда надоест, выкинет тебя. Эти богачи — все такие.

Вот уж не верилось, что она такого мнения.

— А как же Филип Марек, мам? Тоже такой?

Мама грустно усмехнулась.

— Конечно, такой, а мы всего лишь проект по благотворительности.

Мне неприятно было это слушать, я думала, мама их полюбила, а она... Во избежании дальнейшего разговора я скрылась в ванной.

В воскресенье, чтобы не пересекаться с Яном, уехала к Левитину на репетицию, а потом мы с ним гуляли по торговым центрам в поисках подарков к Новому году.

Но в понедельник встречи избежать не удалось.

И что меня только дернуло. В электричке по пути в школу я подкрасила глаза, как учила Инга, и распустила волосы, убирая их с лица ободком.

Перед уроком поболтали с Ингой, и мне даже удалось ни разу не посмотреть в ту сторону, где сидел Ян, хоть боковым зрением я его все же заметила.

Но как только в класс зашел Стас Филатов, Инга тут же ретировалась на свое место, облокотилась пятой точкой о парту и сложила на груди руки.

— Ян! — громко позвала она, точно хотела привлечь к ним внимание всего класса. — О чем же вы так мило болтали с Никольской на вечеринке у Сомова? Или не только болтали. Даже уединились — и так ехидно скривила губы, что даже мне стало не по себе.

Сначала я наблюдала за Стасом, который невозмутимо подошел к нашей парте, кивнул мне в знак приветствия, и уселся на стул, принимаясь рыться в рюкзаке.

А потом на Яна, который в противовес Филатову напрягся от слов подруги.

— Не твое дело — твердо прочеканил в ответ Марек, даже не повернувшись в сторону Инги, зависнув в телефоне.

— Так вы расстались или нет? — продолжила допытываться Инга.

И я никак не понимала, зачем она при всех это делала, неужели не могла спросить лично, а не устраивать спектакль, который, судя по всему, предназначался для Стаса, чтобы уличить Еву. О моих чувствах она не подумала. Неужели мамины слова — правда? Я для нее всего лишь новая игрушка?

— Клименко, отвали — надменно-уставшим тоном произнес Марек, только что не зевнул.

— Просто вы так мило ворковали, голубки. Даже целовались возле такси — как бы между прочим подметила Инга.

— Мы не целовались, идиотка! Чего ты несешь? — Никольская аж вцепилась в парту,

чтобы не дернуться с места и не выцарапать бывшей лучшей подруге глаза.

И чем бы все закончилось — непонятно, если бы не вошедшая в класс учитель по математике.

На большой перемене Инга позвала меня, в туалет, а я решила поговорить с ней о произошедшем утром.

Но почти сразу после нас появилась Никольская. Ворвалась, как фурия. Раскраснелась.

— Я поговорить — встала у Инги за спиной, пока та подводила губы. — Вышли все! — рывкнула на мельтешивших перед зеркалом десятиклассниц.

Те быстро смылись.

— Тебя это тоже касается, Чижик — обратилась ко мне, надменно вздернув подбородок. — Наш разговор тебе явно не понравится, уж поверь.

Но я покосилась на Ингу, безмолвно спрашивая уйти или все же остаться. Клименко же равнодушно дернула плечом, будто ей совершенно все равно, поэтому я решила остаться. Демонстративно прошуршала к окну и забралась на подоконник.

— Нет, я останусь.

Ева совсем не ожидала от меня такой реакции и удивленно приподняла идеально очерченную бровь.

— Как хочешь — подошла и щелкнула замком на входной двери. Инга, казалось, даже не обратила внимания на ее действия. А вот мне стало не по себе. Первый раз пришлось принимать хоть и косвенное, но участие в подобного рода разборках между двумя некогда закадычными подругами.

— И какого хрена ты несла в классе? Еще и фотку ему скинула — начала предъявлять Ева.

— А ты думала — Инга потерябила в руках подводку и уставилась в отражении зеркала на Еву. — Я вот так просто отступлюсь? Помнишь поговорку? На войне все средства хороши.

— Я с тобой не воюю.

— А я с тобой воюю — в сердцах воскликнула Инга. И сколько там боли, обиды и ревности. — Лучше расскажи, Никольская, нравится спать с братиком? Как он трахается? Сладко, наверное. У него такое тело, будто для этого и создано.

Мне хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать ее слов. Чтобы не чувствовать, как ей плохо.

— Не носи бред. И, кстати, Стас мне не брат. То, что наши родители поженились, не делает его моим братом — холодно ответила Ева, продолжая держать себя в руках.

— А ты не прикидывайся, актриса из тебя никакая. Приходишь на уроки с такой рожей, будто стонала под ним всю ночь. Думаешь незаметно, как вы смотрите друг на друга?

Хочется увести отсюда Ингу и успокоить. Неужели она на самом деле влюбилась в Стаса или это все лишь спортивный интерес?

— Не завидуй, Клименко.

Инга рыкнула, как раненая львица, кинула карандаш для подводки раковину и развернулась к Никольской лицом.

— Он мне нравился, до сих пор нравится. И ты знала об этом, но все равно замутила с ним. Конечно, живете в одном доме. Сложно ли? Только вот не пойму, Марека морозила столько времени, а Стасу сразу дала... — Инга, задумавшись, склонила голову на бок — Чем ты берешь парней? Ян, Стас... Лучших парней. Кукла холодная.

— Я просто не трахаюсь направо и налево, не создаю себе репутацию грязной шлюхи —

брезгливо выплюнула в ответ Ева.

Мы застыли в паузе, как в мультиках, где останавливали время.

— Как я могла с тобой дружить? — задохнулась Инга.

И я поняла, что подруга на пределе, и сейчас рванет. Подлетела к ней и обхватила за плечи, пока эта холодная королева, Никольская, с кривой ухмылкой пялилась на нас.

— Инга, пойдём, не нужно. Она все равно ничего не поймет.

Школа, выпускной класс

Ян

Есть такой мультик советский, мне его логопед включала, когда звуки перед школой ставила, называется "Апельсин". Короче, там волк стырил у лесных зверей апельсин, чтобы слопать все в одну глотку. Но звери сами не промах, и из-под носа утащили каждый по дольке. В итоге у волка осталась лишь кожа.

Я это к тому, что в последнее время мне казалось, я и есть тот самый волк, что сидел с апельсином.

У меня была популярность в школе, куча верных, как мне раньше казалось друзей, беззаботное будущее, девушка и влюбленная в меня Чижик с оленьими глазами.

А осталась лишь кожа.

И добила меня инфа, которую я подслушал в разговоре между Полькой и Ингой о том, что, якобы, Филатов и Ева втайне ото всех встречались.

Девчонки шептались, стоя в закоулке между входом на главную лестницу и коридором, а я по ту сторону двери. Так и застыл на месте, вслушиваясь, как из себя выходила Клименко, потому что Ева замутила с Филатовым.

А меня чернотой накрыло. Помню, как развернулся и унесся в раздевалку, дожидаться этого уroda. А там прижал, чтобы выяснить, правда ли это все.

Конечно, я догадывался. Но думал, что Еве он чисто внешне зашел. В конце концов, Филатов многим девчонкам понравился. Но ни за что бы не мог предположить, что Никольская сможет с ним настолько далеко зайти.

Филатов отпираться не стал. Типа, это не мое дело.

И опять нас физрук разнимал.

И почему то меня злил не сам факт, что они встречались. Все мои мысли все равно о другой теперь.

Меня до трясучки взбесило, что этому козлу она доверилась. Она пошла с ним до конца, ничего о нем толком не зная.

Задетое самолюбие — вот, что меня мучило.

Я же два года хороводы вокруг Никольской хороводил, все только по ее воле. Но Ева так до конца мне и не открылась, хотя мы с ней знали друг друга очень давно.

В этот же день Никольская примчалась ко мне домой, чтобы поговорить.

Я к ней не вышел.

Ее объяснения или, хуже, извинения подробности, еще хуже, чем просто молчание. Что она хотела объяснить? Как влюблялась в другого, пока еще была со мной? Как другой парень смог ее заинтересовать настолько, что она послала на хер все свои принципы, все свои громкие речи о том, что жизни этому парню не даст, мать которого разрушила ее семью.

Тут и объяснять нечего. И слушать это овечьё бляение я не хотел.

Одно радуется, после нашей со Стасом разборки его решили перевести в параллельный класс. Теперь хоть глаза мозолить перестанет.

Но плохая новость состояла в том, что нас вдвоем заставили отрабатывать повинность, подготавливая библиотеку к ремонту.

Это, типа, у них эксперимент — сможем ли мы подружиться, выполняя вместе рутинную

работу.

Меня выловили первым. И я уже изрядно замудохался, когда этот гондон ввалился в читальный зал.

— Вам нужно вон с тех рядов все книги в коробки уложить. Завтра начнется ремонт, и стеллажи разберут. Присоединяйся к Яну, а я пока в архив схожу — протараторила довольная библиотечарша и свалила, оставляя нас одних.

Я молча сгреб очередную порцию книг, бухнулся на стул и, бегло пролистав, складывал их в коробку, пока Филатов так и мялся на одном месте о чем-то размышляя. Наверное, о том же, о чем и я — как бы побыстрее разделаться со всеми этими дерьмом.

Наконец, Стас отморозился и подошел к стеллажу с книгами. Захватил сразу целую стопку книг и уселся с ними на соседний стул.

И тут вообще капец! Этот гондон принялся запихивать их в мною собранную чертову коробку.

Тут уж у меня заметно подгорело. Я вытянул ногу и отодвинул несчастную коробку подальше от Филатова.

— Харе, в мою складывать, свою собери. Они у окна лежат. Скотч и ножницы тоже там.

— Че бычишь, не выспался? — приборзел мудак.

— Иди на хер — я поднялся со стула, чтобы зацепить еще книг.

И пока он скурпулезно собирал коробку при помощи скотча, меня бабахнуло. Не могло не бабахнуть, потому что я долго копил в себе.

— Вот в толк никак не возьму — я закинул книги и уставился на Филатова. До ломоты в кулаках захотелось до него доеб*ться. — Как только Ева на тебя повелась. Ты же все специально подстроил?

— Что подстроил? — Филатов невозмутимо подхватил коробку и подошел к своей куче книг.

— Да все, бл*дь! — у меня тормоза снесло. — Такие нищebroды всегда ищут девчонку побогаче. Уж не знаю, чем ты ее так так привлек. Только я думал, Ева умнее. Не поведется на такую шваль, как ты. Инга то ладно, просто трахаться любит. Но Ева... Не думал, что она такая же. Если б знал, давно уже тра...

Договорить он мне не дал.

Выбил из-под меня стул одним ударом, так, что я повалился пятой точкой на пол.

— Долбо*б! — я прорычал в ответ и втащил ему в живот с разворота.

Филатов сложился пополам, но сразу же очухался. И я бросился на него, придавливая к полу.

— Ах, ты сука — он схватил меня за шею и куда-то так надавил, у меня ад искры из глаз посыпались.

Я зашипел от боли, а Филатов, воспользовавшись моментом, перекатил меня на спину и уселся верхом на бедра.

— Лучше заткнись, и никогда так больше о ней не говори.

— Да, пошел ты — я выплюнул ему мне в лицо. — Что у тебя за игра? Ведь вы живете в одной семье, мать вашу! Ева влюбилась, а ты такой мутный, что даже тошно. Какое у вас будущее? Никакого. Вы из разных социальных слоев, очнись! — дернул головой, пытаюсь ослабить мою хватку Филатова. — Она не сможет жить, как ты привык в своих трущобах. А ты не сможешь ей дать то, к чему Ева привыкла. Или на деньжата отчима рассчитываешь? Ты же ее сломаешь. При любом раскладе. А у нее и так все херово из-за матери — кукушки.

Она на таблах торчит. Просто, бл*дь, пораскинь мозгами. Не будь эгоистом.

Мудак такие zenки вытаращил на меня. Понял все. Понял, что я чертовски прав. Просто признавать не хотел.

Продышался и отпихнул меня, поднимаясь на ноги. И я следом, отряхивая пыльные брюки.

— Ты что ли, умник, лучше? Сам же ее бросил.

Вот бы врезать ему, да, снова получить наказание из-за этого гондона вообще не улыбалось.

— Я ее не бросал. Ева не так меня поняла — я плюхнулся на стул и устало запрокинул голову, прикрывая глаза. — И зачем ты только появился? Все же было хорошо до вас. Ты не замечал, как она на тебя смотрела с самых первых дней? Нет? — выглянул на него. — А я заметил. Сразу просек — дело плохо. Хоть Ева и говорила, что ты ей нафиг не уперся.

— Да, брось ты драму ломать, Марек. У вас и до меня все было не очень — произнес Филатов с кривой ухмылочкой.

Козел хренов.

Надо было сваливать, пока новая потасовка не завязалась. Сил сдерживаться не осталось.

— Ты нихрена не знаешь о нас — и пнул стул и подобрал с пола рюкзак. — Я сваливаю.

И, как назло, в дверях столкнулся с библиотекаршей.

— Марек, ты куда собрался?

— Домой.

— А как же ваше наказание? Я директору пожалуюсь — посеменила за мной в коридор.

— Валяйте, а я спать.

Домой я заявился взбешенным хуже некуда. И чтобы немного усмирить нервы схватил мяч, переделся в баскетбольные шорты и черную толстовку. Подхватил мяч и потопал на площадку во дворе.

Сколько я там проторчал, не помню. Отца дома, как всегда не было, да, и маман укатила с Лили на развивашки, а потом в спорт-клуб. Так что за меня переживать было некому.

Незаметно на площадке загорелся уличный прожектор, освещая очищенное покрытие и сетку.

Я чувствовал, как на морозе замерзли икры, и как полыхали огнем щеки, но снова и снова забрасывал мяч.

Никому, совершенно никому не было до меня дела.

— Ян, замерзнешь — послышалось за моей спиной.

И моя грудная клетка начала набирать ход, разгоняясь все сильнее и сильнее. Может, все не так уж плохо?

— Я горячий чай заварила с мелиссой — мелкие шаги за моей спиной приближались все ближе. — Ты же любишь с мелиссой?

Я зажмурился до точек перед глазами. Неужели Полька запомнила даже такую мелочь?

С силой отбросил мяч к ограждению и сорвался с места. Стреб девчонку в объятия, прижал плотнее, чтобы ощутить тепло и согреться. Вдохнуть с ума сводящие и присущий только ей аромат. Полька часто задышала. И меня повело от ее реакции на меня.

Тонкие пальчики зарылись в мои волосы, и я млел. Растекался, перед этой хрупкой девчонкой.

Школа, выпускной класс

Полина

Его толстовка, как и волосы, вымокла под снегопадом, а шея была горячей. И я с ума сходила, когда Ян вот так обнимал меня. Хотелось вжаться еще сильнее, чтобы унять его дрожь, успокоить бешено бьющееся сердце, хотя и мое колотилось в такт.

Я мечтала остаться в это моменте, как можно дольше, вдыхая его запах. Его родной запах, смешанный с ароматом кондиционера для белья.

Но Ян мог заболеть, и нужно было заманить его домой.

— Все хорошо, слышишь? — шептала в разгоряченную кожу, унимая собственные мурашки, расползающиеся по рукам и спине из-за такой сладкой близости, из-за него самого. — Пойдем домой, а то простудишься.

Я нехотя отстранилась, взяла его за руку и повела за собой. Ян шел молча.

В холле он стянул толстовку, и я заметила, что футболка под ней была тоже взмокшей на груди и треугольником на спине.

— Ян, тебе бы переодеться не мешало — заметила я перед входом на кухню.

На что тот замотал головой.

— Нет, сначала чай — он обогнал меня и водрузился на барный стул, складывая руки перед собой на столешнице.

— Хорошо — я налила в чашку ранее приготовленный чай и поставила перед ним.

У меня не получалось не смотреть на него. Это было сильнее, чем моя обида, чем мое разочарование в нем. Я была так бессильна.

Эти порозовевшие от мороза щеки и яркие, искусанные губы примагнитили меня. Он был таким... Как будто все маски вмиг слетели. Ни надменности, ни нагой ухмылки и язвительных фраз.

Растерянный и очень печальный. Глубоко одинокий мальчик.

— Ты злишься, потому что любишь ее, да? — вопрос сам слетел с губ.

— Что? — Ян поднял голову и взглянул так, словно я вырвала его из раздумий. — Еву? Нет. Я вообще... Не знаю — потер переносицу, устало наморщившись. — Я, наверное, никогда ее по-настоящему не любил, и Ева тоже. Мы просто дружили, а потом как-то само собой все началось. Но я зол не из-за нашего разрыва.

— А почему? Зачем ты снова полез к Стасу?

Ян склонился над кружкой, пряча взгляд, и отпил горячий напиток.

— Считай, это мужским самолюбием. Не люблю проигрывать. Да, и вообще, у меня в последнее время идет все как-то по пи*де.

— Любовь — это не игра, Ян. Они не виноваты из-за того, что влюбились.

Ян зло оскалился.

— Ты сейчас серьезно ее защищаешь? Еву, которая столько дерьма тебе сделала. Ты же не Мать Тереза, в конце концов.

Я сжала кулаки. Мне совсем не нравилось возвращение такого Яна.

— Не ее. Его.

— Конечно, он же такой благородный рыцарь. Не то, что я, дерьма кусок.

Мне было больно видеть его таким надломленным.

— Ты просто запутался. Все же можно исправить.

Ян поднял голову.

— А как мне исправить твоё отношение ко мне? Можно ли это тоже исправить?

Его взгляд метался по моему лицу. А мне? Что было делать мне?

— Зачем тебе это? — язык присох к горлу, слова еле дались.

— Ты мне нравишься.

Вот так просто и коротко. И совершенно непонятно, правду ли он говорил, или снова играл со мной. А если играл, так за что же опять? В потемневших зрачках ничего не разобрать. Но эти слова выбили из меня дух.

— Не надо, хватит — захотелось зажать уши, ничего не слышать.

И уйти.

Я отступила, собираясь покинуть кухню, но Ян опередил меня. Соскочил со стула и ухватился за локоть. Его частое дыхание со вкусом мелиссы проникало в меня, околдовывая.

— Это правда — он приложил ладонь к моей скуле. — И с Евой... На вечеринке у Сомова мы с ней не целовались, а, наоборот, расстались. Я просто чмокнул её на прощание, когда провожал до такси, а Клименко нас засняла и выставила все совсем в другом свете. Я уже давно не думаю о Еве... Я думаю о тебе. Все время думаю.

Он склонился совсем близко, даже темно-синий ободок радужки различить можно. И губы тоже так невыносимо близко. Могла ли я раньше мечтать об этих словах? И можно ли им было верить?

— Поль, не отталкивай меня. Только не ты — он шептал, а у меня ноги подкашивались, плавилась, подгибались.

Его рука уже зарылась в мои волосы, а другая переместилась на подбородок.

Глаза прикрылись сами собой, опьяненные моментом и его тихим, хрипловатым голосом.

Мне всегда будет его мало. Я никогда не смогу с этим наваждением справиться. И хотелось стонать от бессилия, но я лишь приподняла голову ему навстречу, ощутив на своих губах чужие губы. Мягкие, сладкие. Руки сами примостились на его плечи, чтобы удержаться на плаву.

Но тут шарахнула входная дверь и я отскочила от него, как ужаленная, прижимая к распаленным губам ладонь.

— Ян! — кричала, бегущая к нам Лили. — Пойдем в пр-р-р-риставку доигр-р-рывать — девчушка бросилась к нему с размаху, и он сразу подхватил её, усаживая к себе на талию.

— Лили, какая приставка? У тебя урок английского через полчаса — в проеме показалась хозяйка, Елизавета Александровна, недовольно сдирающая с шеи шелковый платок.

— Мам, ну, дай ты ей побыть ребенком — вступился за сестру Ян, кружа девчонку, пока та в восторге повизгивала, повиснув на старшем брате.

— Ага, тебе вот уже дали побыть ребенком — с укором заметила она. — Ничего хорошего не вышло.

Меня укололи её слова. Задели. Такое ощущение, что на Яна в этой семье просто забили и дали плыть по течению.

— Поль — переметнула на меня внимание Лили. — А с тобой нам еще один танец р-р-р-разучить надо. Мне Даша из гр-р-р-рупы скинула.

— Обязательно разучим — улыбнулась я девочке, и пока та слезла с рук Яна и смиренно

потопала за матерью, я тоже поспешно ретировалась из кухни к себе, чтобы не привлекать лишнего внимания.

А вечером Ян не вышел к ужину, и я, разогрев куриный бульон с клецками, сама пошла его проведать. Неужели все-таки заболел? И никому дела нет.

Ян распахнул дверь сонный, взлохмаченный и в одних белых боксерах. Я чуть не задохнулась от увиденной картины. Мои глаза невольно пробежались по ключицам, груди, рельефу на животе и взметнулись к лицу, чтобы не покраснеть, как спелый помидор. Хотя, наверное, я все же покраснелась, потому что чувствовала, как горят кончики ушей.

— Я просто подумала, вдруг ты заболел, и принесла бульон — поднос у меня в руках ходуном ходил.

— Спасибо — он принял поднос из моих рук. — Не заболел. Это все твой чай — и соблазнительно улыбнулся. — Я проспал — выглянул в коридор. — Зайдешь?

— Нет — замотала головой, вытирая вспотевшие ладони о домашние штаны — Мне еще маме помочь нужно.

Я попятилась назад, пока не ринулась к лестнице.

А в прачечной меня поджидала мама. Она перекладывала белье из стиральной машину в сушильную.

— Ты к нему ходила? — бросила из-за плеча, оглядывая меня с ног до головы.

— Ян не вышел на ужин, я просто принесла ему поесть.

Мама хлопнула крышкой от сушилки.

— И зачем? Какое тебе дело?

Я замешкалась.

— Никакого, просто...

— Просто — перебила меня мама. — Перестань за ним таскаться, ясно? У вас что-то было?

— Нет — замотала я головой.

— Дочка, он не для тебя. Они — чужаки нам. Ян поматросит тебя и бросит. Так, ради развлечения. И потом себе ровню найдет. А тебе об учебе надо думать, о будущем.

— Я понимаю.

— Раз понимаешь, перестань бегать к нему. Я запрещаю тебе! — мама повысила голос. — Не веди себя, как шлюха малолетняя.

Школа, выпускной класс

Ян

Я специально встал пораньше, чтобы не проморгать Польку. Обычно она уматывала на электричку в то время, как я еще только торчал в душе, а, может, даже валялся в кровати. Во всяком случае, когда спускался в столовую, ее там уже не было.

Со мной Полина никогда не ездила. Типа, гордая. Сразу всем заявила, что до школы будет добираться самостоятельно.

Первое время я еще дико злился на нее за такой дебилизм. Тащиться на электричке, потом на метро или автобусе с пересадкой... Ну, такое себе удовольствие.

Но злился не потому, что до смерти хотел с ней кататься в одной тачке каждое утро, а потому что Полька сама отказалась. Что я ей рожей не вышел что ли, думал про себя. А потом понял, она просто стеснялась даже рядом со мной стоять, не то, что в одной машине находиться.

Но наступившим утром я все же решил предложить ей поехать вместе. Мне казалось, что вчерашний разговор на кухне, мое признание в том, что она мне нравится, и ее бульон сблизил нас.

Для этого пришлось наспех сбегать в душ и успеть спуститься в столовую до нее.

И мне, блин, удалось. В холле столкнулся с уже убегающим на работу отцом и протопал в столовую. Мама с Лили так рано никогда не поднимались, а Полина обычно кушала вместе с матерью и другими работниками на кухне, так что я восседал в полном одиночестве, то и дело поглядывая в холл, чтобы не пропустить девчонку.

Она появилась минут через десять, дожевывая на ходу бутерброд и волоча на плече тяжеленный рюкзак, набитый, кажется, не только учебниками.

У меня сразу внутри по венам тепло растеклось, потому что всю ночь вспоминал о ее мягких губах и представлял, как бы я мог утянуть ее совсем в другой поцелуй. Более откровенный и горячий. Как бы мог коснуться руками тонкой талии, а языком шеи, пробуя кожу на вкус. Как бы мог...

Я отбросил салфетку и вскочил на ноги.

— Поль! — крикнул из столовой и поспешил за ней.

Девчонка растерянно оглянулась, и вся напряглась, вжимая голову в плечи. Меня это несколько удивило, ведь вчера она вела себя совершенно по-другому.

— Доброе утро — пролепетала, когда я подобрался ближе.

— Ага, привет. Слушай, может, поедем в школу вместе?

Поля округлила свои и без того огромные глаза.

— Вместе?

Я пожал плечами.

— Ну, да. Смысл тебе на электричке кататься? Еще и деньги платить.

Полька посмотрела мне за спину и мотнула головой.

— Нет, мой проезд у нас в бюджете заложен, так что все нормально. И на электричке мне привычней — натянута улыбнулась и наспех дернула за ручку дверь, ведущую в тамбур.

— Ладно тебе, Поль — я поперся за ней. — Заодно перескажешь мне, че там на истории сегодня спрашивать будут.

— Нет, Ян — выпалила на повышенных тонах, выглядывая на меня из-под пушистых не тронутых макияжем ресниц, укутываясь в объемный пуховик. — Сказала же, нет.

Я не догонял, где кроются причины такой отстраненности, в памяти перебирая вчерашние события.

Поля нырнула в ярко-рыжие угги и потянулась рукой на верхнюю полку за своей вязаной шапкой, но я успел перехватить вещьцу быстрее.

Спрятал у себя за спиной.

— Ян, отдай, пожалуйста — девчонка заметно занервничала. — Я могу на электричку опоздать, она четко по времени ходит.

— Да, и пофиг — высвободил одну руку и обнял ее за талию, притягивая к себе поближе.

— Ян, не смешно — Полька не делала попыток отнять вещь, а просто стояла, выжидая, когда я сам созрею.

И ее глаза внешне сохраняли спокойствие. Напускное равнодушие. Но внутри огнем горели. И это завело меня.

— Даже не думал смеяться — я залез рукой под ее куртку и прошелся вдоль позвоночника, замирая в районе поясницы, отчего девчонка заметно дрогнула. — Почему ты сегодня такая? — провел носом по кромке волос у виска.

— Я такая, какой и должна быть рядом с тобой, Ян — от ее холодного тона меня полоснуло, как лезвием по венам.

— Должна? А какой ты хочешь быть рядом со мной?

— В том то и дело, что никакой. Я вчера много думала и решила, что с тобой больше ничего не хочу. Понятно, теперь? — вперилась в меня своими огромными глазами.

И пока я приходил в себя от услышанного, Полька вырвала из моего зажатого кулака свою шапку и выбежала на крыльцо.

Как же меня в очередной раз накрыло! Потому что и она туда же. Как все остальные.

Я, блин, ушел в отрыв. Стас пропускать учебу, тусить с отбитыми друзьями Рыльского, подзабыв на остальных. Забросил баскетбол. Стал таскаться домой пьяным, особенно в дни, когда Полька пропадала вместе с этим Левитиным на репетициях к Новогоднему концерту.

Даже пару раз таскался в актовый зал, чтобы подсмотреть, чего они там такого репетировали. Но в первую попытку вообще их не застал. А во вторую еще у двери заметил, как они вдвоем сидели на стульях рядом со сценой. Этот полупокер прижался плечом к Польке и что-то показывал ей на своем телефоне, в то время как она забавно морщила нос и хихикала.

Хихикала рядом с этим недоумком. Танцор хренов. Мне даже думать не хотелось, как его лапы могли касаться ее тела, пока они разучивали свой гребаный танец, который я даже ни разу не видел.

И ведь сделать Левитину ничего не мог. Потому что, если бы приложил его хорошенько, Полька пролетела бы с номером и Новогодним концертом, а она всегда принимала в них участие. Только я раньше как-то не особо ходил. Да, и в этот раз тоже не собирался.

Как-то раз собрались мы с Владом Суховым и Толиком Коброй у меня, что порубиться в приставку. Расположились в игровой.

— Ты бы прекратил с Рылом по клубам таскаться — получал жизни Сухов — А то подсадит еще на наркоту какую.

— Сам разберусь — буркнул в ответ, выбирая амуницию для перса.

— Я вот вообще не всеку никак, ты че, Марек, последнее время совсем потек? Из-за Никольской что ли? — спросил Кобра.

— А тебе бы зашло, если б тебя так продинамили? — я спросил в ответ.

— Не, стремно, конечно — задумался Толик.

Не хотелось им истинных причин своего дерьмового настроения выдавать. Потом еще сильнее докопаются.

Только мы загрузили своих персов, как в щели приоткрытой двери в игровую, мелькнула стройная фигура Полины.

— Эй, Чижик! — присвистнул Толян.

Она остановилась и с недоверием покосилась на нас.

— Слушай — Кобра щелкнул пузырем от жвачки — Сгоняй ка нам за колой холодной и чипсов еще захвати — по-хозяйски распорядился друг.

Раньше он пару раз уже подваливал к Поле с подобной просьбой, и мне даже нравилось, с какой покорностью она эти просьбы выполняла. Раньше я им и на кухне по шкафчикам рыться позволял в поисках жвачки.

— Тебе надо, ты и сгоняй — фыркнула в ответ Полька, чего никто от нее не ожидал.

— Че ты там вякнула, овца? А ну, сверкнула свой тощей задницей до кухни!

Раньше я им позволял подкалывать ее. Раньше я и сам так делал.

Но не в этот раз.

Я, как на пружине подорвался с кресла и подскочил к Толику. Схватил ее за грудки и поднял вверх с дивана.

— Извинись — прошипел другу в лицо.

— Мар, ты че? — непонимающе моргнул Кобра.

— Извинись перед ней. Ты глухой? — встряхнул парня.

Секунды растянулись на вечность, пока мы метали друг в друга молнии. Но потом Кобра отвис, и обернулся к Полине.

— Чижук, короче, прости.

Я разжал кулаки и пихнул его обратно в кресло.

— Сам за сэками схожу — буркнул я и направился в коридор, где так и стояла Полина, ошарашенно на меня пялясь своими оленьими глазами. Как Бэмби, ей Богу.

— А ты иди, че застыла, как статуя?

Полька сорвалась с места, а Кобра цыкнул в ответ.

Девчонка снова стала меня избегать. И я бесился. Злость расплзалась по венам.

Мне бы нужно было тоже забить на нее в ответку. Ну, что, в конце концов, девчонок мало что ли? Чего в ней такого особенного? Но у меня никак не выходило.

И однажды просто не выдержал.

После очередной попойки с компанией Рыльского подкараулил ее на цокольном этаже, когда Полина выходила из маминого зала для йоги.

Школа, выпускной класс

Полина

Конечно, мама права. Есть ли у нас с Яном будущее? Нет его.

А распробовав полностью, каково это быть с ним, быть его, я бы уже не смогла собрать себя. Я бы рассыпалась, превратилась в пыль.

Как русалочка в пену морскую.

Я твердила себе, как мантру — мама права, права, права.

Но...

Ты мне нравишься.

И я уже больше не могла спать по ночам. Я не могла нормально репетировать, не могла выучить и одного абзаца по истории.

Ты мне нравишься.

Исполнившаяся мечта.

Сладкое томление внутри каждый раз, когда Ян совсем близко. Изнуряющая тело дрожь.

Он больше не язвил, не пытался уколоть, не унижал и вообще ко мне никак не обращался. Оставил в покое, как я и просила.

Но еле уловимые касания, будто бы случайные в те редкие дни, когда Марек посещал класс, или дома, когда забегал переодеться, поспать, перекусить перед очередным загулом, именно эти невинные касания лишали меня силы.

Сопротивляться ему совершенно противоречило моей природе.

Но я старалась, уговаривая себя потерпеть всего-то несколько месяцев. А потом у меня институт, у Яна Англия, и все. Новая жизнь. Без него. Без мучительной тяги. Без болезненной любви к тому, кто никогда не станет твоим.

Я старалась на пятерку с плюсом. Но всему был предел. И моим силам тоже.

Бороться со своей душой — худшее из испытаний.

Ян подловил меня вечером после репетиции в зале для йоги Елизаветы Александровны.

Прямо в коридоре цокального этажа. И рядом никого.

Он, определено, выпил и, судя по странному блеску в глазах, был взвинчен.

В узких черных джинсах и таком же черном свободном вязаном свитере в мелкую дырочку и с широкой горловиной, Ян казался бледным и изможденным своими пьянками, недосыпом и вечеринками.

В школе болтали, что он сорвался из-за разрыва с Никольской. Но я никак не хотела это признавать, ведь Ян признался мне, что никогда ее не любил.

А Ева, в свою очередь, совсем неумело скрывала свое далеко не сестринское отношение к Филатову Стасу.

Я наблюдала, как Ян разрушал себя, как портил отношения со своими родными, как тосковала по нему Лили, и не знала, чем ему помочь.

— Не успел — Ян привалился плечом к стене. — Хотел подсмотреть.

— Уже пора спать — я на автомате обхватила себя руками, закрываясь от него, до боли красивого, встрепанного и усталого. — И тебе тоже. Ты очень пьян.

— О, Мать Тереза подъехала! — едко ухмыльнулся парень. — Жалко меня?

Вальяжная поза, коронная наглая ухмылка, взгляд с поволокой.

Ян сказал с долей ехидства, но сквозь пелену четко ощущалось отчаяние.

Я расправила руки, больше не закрываясь от него и подошла сама. Подошла близко, игнорируя запах алкоголя.

— Зачем ты себя топишь, Ян? Зачем связался с Кириллом Рыльским и его компанией? Родители переживают. Елизавета Александровна места себе не находит.

— Да, ладно — Ян в неверии усмехнулся, оголив верхний ряд зубов. — Если б маман с папан было не плевать, перекрыли бы мне доступ к бабкам. Знаем, проходили. Но им плевать. Отец на работе живет, а мама все время с Лили.

Со стороны из отношение к своему сыну так и выглядело. Но в реале дела обстояли по другому. Они за него беспокоились, но не хотели наседать. Думали, ему не понравится, если они будут постоянно читать нотации и упрекать. Хотели, чтобы Ян сам разобрался. Молча наблюдали, выжидая переломный момент, когда уже нужно будет вмешаться.

Но, наверное, опоздали. Просмотрели. Просчитались.

— А Лили? — я всадила по больному. — Она так ждет тебя вечерами, но ты не приходишь.

Его взгляд резко стал стеклянным, непроницаемым, а скулы острыми, потому что Ян с силой сжал челюсти.

— У Лили есть ты. Вы отлично ладите.

— Ян, я — мне пришлось сжать кулаки, чтобы унять дрожь в руках. Сказать ему правду, это, как подставить незащитное горло. — Я волнуюсь за тебя. Мне не все равно.

— Ага, заливай — Ян прыснул, вскинув голову к потолку. — Ты же говорила, что ничего со мной больше не хочешь?

— Ничего и не поменялось. Но ты человек, и мне больно смотреть, как ты сам себя гробишь.

Он рыкнул, в момент ухватил меня за пояс лосин и притянул к себе, перехватывая руками мою спину.

— Это же все не правда — Ян нырнул ладонью под спортивный топ, и я задохнулась от нахлынувших вмиг эмоций. — Ты любишь меня, любишь, я чувствую — Ян одной рукой ухватил меня за затылок, зарываясь пальцами во влажные у корней волосы. — И не могу больше.

Он прижался губами к шее, хаотично покрывая ее поцелуями и укусами. От паха к животу поднялась волна. Тело захватила мелкая дрожь.

— Не могу видеть тебя и не иметь никаких прав даже коснуться.

Поцелуи спустились к плечу. Ян рванул с плеча бретель топа вниз, и тут, я, как будто, из воды вынырнула.

— Все, прекрати, Ян — я попыталась его отодвинуть, упираясь ладонями. — Ты с ума сошел?

Парень спустил руки на мои бедра и рухнул передо на колени. Уткнулся лицом в голый живот.

— Ты нужна мне — он провел носом возле пупка, обдавая горячим дыханием кожу, вызывая тягучий озноб по спине. — Хочу быть с тобой.

Мне отчаянно захотелось броситься тоже на колени, заключить его голову в ладони и целовать, целовать, целовать.

И пусть это больше походило на пьяный бред, пусть он об этом даже не вспомнит, я все

равно уволокла бесценный момент в закрома своей памяти.

— Ян, тебе нужно поспать — перевела тему, не решаясь ответить ему хоть что-то.

Он мотнул головой, поцеловал рядом с пупком, коснувшись языком кожи, и спустил руки на ягодицы, вжимая меня в свое тело.

— Ты все равно моя — твердил он, зацеловывая. — Полька... Прости за все.

У меня заслезились глаза, сердце грохотало в ушах. Эмоции душили. Я почти сдалась, я почти потянулась к его волосам, я почти разрешила себе это счастье, но дверь на цокольный этаж хлопнула.

— Поля! — раздался сверху голос матери.

— Я иду! — крикнула в ответ. — Пусти же меня — прошептала Яну, высвобождаясь из крепкой хватки.

Бросилась наверх.

— Что так долго? — присмотрелась ко мне мама. — И чего ты дрожишь?

— Ничего, там форточка верхняя была открыта — придумала сходу.

— Ой, дура — мама мотнула головой. — Он там что ли?

— Мам... — я остановилась и повернулась к ней в попытке оправдаться.

— Нет! — рявкнула мама, озираясь по сторонам, и поволокла меня в нашу комнату.

Как только хлопнула дверь, тут же перехватила мое лицо горячими ладонями.

— Смотри сюда и слушай. Ты не будешь с ним больше общаться. Иначе мы уедем, поняла меня? Этот мальчишка сломает тебя. Я брошу здесь все, и мы уедем. Ты не станешь рушить свою жизнь в такой ответственный момент. Будущее — это все, о чем тебе нужно думать. Поняла?

Я закивала головой, прогоняя слезы. Она права. Права.

Школа, выпускной класс

Ян

Первый раз я завалился на такое мероприятие. Из-за нее. Новогодние висюльки украшали актовый зал, свисали с потолка, придавливая меня атмосферой приближающегося праздника. Одна радость — скоро каникулы. Свалить бы куда-нибудь в горы, да, родители опять в теплые края наострились.

Я притащил с собой Сухова за компашку, чтобы было не так стремно. Мы с ним уже успели заранее подзакинуться. Влад больше для веселухи, а я чтобы не впасть в состояние коматоза в ожидании Полькиного танца.

Сначала, как обычно. Вступительная речь. Бла, бла, бла про предстоящие экзамены. Потом началось награждение особо активных представителей нашей школы. А затем и сам концерт.

Танцульки, песни. Я уже откровенно скучая полез в телефон листать соцсети, а рядом сопел Сухов.

— Слушай — боднул меня плечом. — Может, свалим уже? Я сейчас сдохну от этих перфомансов.

— Да, подожди ты — рыкнул на него в ответ.

— Чего ждать то? — Влад обиженно пробубнил и вставил наушники.

На сцену тем временем выползли наши местные "звезды". Группа *Dreamers* во главе с задавалой Песковым из параллельного. В зале поднялся такой визг, хоть уши ватой затыкай. Я даже позавидовал Сухову с его наушниками. Сам то не догадался прихватить.

Осталось только ерзать в неудобном кресле, потому что достало все, а Польки так и не было.

Но вот случилось чудо. Эти разрисованные под рокеров павлины, наконец, свалили, и Машка из драмкружка, которая была ведущей всего этого балагана, объявила номер Полины Чижук и Марка Левитина.

Заиграла тихая мелодия, разбавляемая женским довольно низким голосом. И на сцене появились они. Левитин весь в черном, но как-то даже на пацана похож, а не на нечто в приталенном пиджаке.

И Полька.

Невесомое, почти прозрачное бордовое платье и помада такая же яркая. Ее губы даже с моего девятого ряда притягивали взгляд. Я весь подобрался и вцепился пальцами в подлокотники, пока, как одурманенный, смотрел за их телодвижениями.

Она порхала, как бабочка, как нимфа неземная. Яркие губы и глаза. Томные, сверкающие на контрасте со светлой кожей.

И почему я раньше никогда не ходил на эти концерты, ведь знал, что она перед каждым праздником бегала на репетиции. Но раньше меня не волновала ее жизнь. В то время как Полина была единственной, кого по-настоящему волновал я.

Этот парень с обесцвеченными патлами трогал ее тело, и она так доверительно падала в его руки, так отдавалась, что меня чуть не скрутило всего.

Ослепило яркой вспышкой в мозгу, прострелило мыслью о том, что я до физической боли не мог вынести чужих прикосновений к ее телу. К ней самой. Такой трогательной и

беззащитной. До глупости доверчивой. Открытой. Красивой. И моей.

Моей — как выстрел в упор.

Я еле досидел до конца и сразу ринулся за кулисы.

Нужно было ее найти. Не тянуть больше ни минуты. Не упустить своего шанса. Рассказать ей все, что творилось у меня внутри. Просто вывалить на нее свои эмоции, пусть делает с ними, что хочет.

По пути выцепил Машку — ведущую, чтобы узнать, где Польшка.

— Она в четырехста семнадцатом переодевается. У них там вроде временной гримерки. Только постучись.

— Понял — и быстро чмокнул Машку в нарумяненную щеку. — Спасибо.

— Дурачок — фыркнула девчонка, а сама вспыхнула еще более ярким румянцем.

Я несся, как ошалелый. Перед кабинетом отдышался и постучал.

— Кто? — дверь приоткрылась и в щелку выглянула недовольная физиономия с залаченным пучком на голове и блестками на щеках. Вроде бы из десятого. — Чего надо? — девчонка оценивающе пробежалась по мне и игриво прикусила край губы.

— Привет, красавица — я тоже хитро оскалился в ответ. — Чижук Полину можешь позвать?

Девчонка еще раз пробежалась по мне уже более любопытным взглядом и обернулась за спину.

— Подожди — захлопнула дверь прямо перед моим носом.

По ту стороны послышались голоса и похихикивания, а потом щелчок. И Польшка выпорхнула прямо ко мне, быстро прикрыв за собой дверь.

На ней все еще было то самое бордовое сердцедробительное платье, разрывающее мою волю в хлам. Но помаду она уже успела стереть.

— Привет — тихо пролепетала, как будто мы не виделись сегодня утром в доме.

— Отойдем — я взял ее за хрупкие длинные пальцы и повел в конец коридора ближе к тупику. Туда, где ночным небом горели окна-витрины.

Увел ее чуть за угол, чтобы из коридора никто не пялился. И в этом пустом помещении, где были только мы с ней, мне казалось, что я услышал, как грохочет мое собственное сердце где-то в районе горла.

Встал у окна и развернул девчонку к себе, не выпуская из захвата хрупкие пальца. Наоборот, схватился и за вторую руку, чтобы уж точно не убежала.

А Польшка так смотрела, что меня конкретно затрясло, как сопливого первоклашку, отвечающего в первый раз у доски перед всем классом.

— Это было... — не нашелся, как объяснить. — Ты очень красиво танцевала. Типа, как в шоу "Танцы".

— Эм, спасибо — Польшка опустила глаза, и кончики ее ушей окрасились в алый. А потом вновь вскинула на меня глаза, стреляющие без промаха прямо по сердцу. — Ян, мне идти нужно, переодеться, а то кабинет закроют.

— погоди — крепче сжал ее пальцы. — Не перебивай только, а то не решусь, ладно?

Девчонка лишь растерянно моргнула в ответ, плотнее сжимая побледневшие губы.

— Поль... — я приблизился плотнее, хотя, куда уж больше. — Я люблю тебя.

Полина резко зажмурилась и мотнула головой, точно морок прогоняя. А потом стала выдергивать свои пальцы.

— Стой, стой — я перехватил ее за плечи. — Я и сам не знаю. Первый раз такое,

понимаешь? Мне дышать нечем, как подумаю, что ты можешь кого-то другого... Как наваждение, слышишь? — мои слова утопали в ее шелковистых волосах у виска.

— Это больно — простонала девчонка. — Зачем ты так со мной, Ян?

Зарядила кулаком в грудь и дернулась с места.

Я за ней.

Нагнал и прижал спиной к себе, обхватывая поперек живота, который она тут же втянула и рвано выдохнула.

— Поверь, я не играю — стал беспорядочно целовать ее волосы, придвигаясь к щеке. — Сдаюсь тебе. Делай, что хочешь — добрался до скулы и спустился губами к шее. — Хочешь, принимай, хочешь — пошли. Только верь мне, Поля. Люблю тебя.

Развернул ее к себе лицом и накрыл губы, запуская руку в волосы, а другой оглаживая тонкую талию. К себе плотнее. Чтобы ни одного сантиметра. Чтобы чувствовать ее дрожь от своих прикосновений. Ведь она тоже. Я знал, что она тоже.

Лизнул нижнюю губу, призывая приоткрыть рот. Польшка застыла, а потом подалась мне навстречу и ответила на поцелуй. И так надрывно и отчаянно, что у меня башню снесло. Затопило изнутри вязкой субстанцией, приклеивая меня к этой девчонке намертво. Мы ухватились друг за друга, точно балансируя над бездной. Еще шаг, и вместе туда, в черную пасть.

Первой опомнилась Полина. Оторвалась от моих губ, переводя сбившееся дыхание.

— Я не могу — она сразу отступила на несколько шагов, прикрывая ладонью припухшие искусанные губы. — Не выйдет ничего.

— Выйдет — я за ней.

Словил и снова утянул в поцелуй, как дорвавшийся до самого ценного подарка. Как наркоман, поймавший кайф от самой сильной дозы.

— Всем расскажу. Будешь со мной.

Польшка мотнула головой, отчего губы оставили влажный след на ее щеке.

— Мама велела даже не разговаривать с тобой. Иначе увезет.

— Я сам с ней поговорю. И с родителями поговорю. Давай прямо сегодня?

— Нет — она отстранилась снова, и я утонул в темном помутившемся море. И дышать стало нечем. Под толщей воды нет кислорода. — А дальше как? Ты уедешь учиться, а я? С чем останусь я? Ничего не выйдет, Ян. Никто нам не позволит. Ты и сам понимаешь.

— Я не уеду — обхватил ладонями ее лицо. — Ты не бойся. Если не бояться, то все получится. Я не отпущу тебя теперь.

Она на миг зажмурилась, и у края глаз показались слезы.

— Нет, не могу. Это просто мечта глупая. И я глупая

Напоследок она сжала мои ладони на своих щеках, потом оторвала их и поцеловала. Совсем коротко. Почти невесомо. Но я чуть не оглох от кричащего шума в моих ушах.

— Ты струсила? — пошел за ней.

— Да, струсила — призналась честно и развернулась ко мне посреди коридора. — Ты уходи сейчас. Мне одной побыть нужно. Все это слишком.

— Ты придешь сегодня на вечеринку к Рыльскому?

Она возвела глаза к потолку и сжали кулачки.

— Не знаю, может быть. Инга звала с собой.

— Давай вместе? Подожду тебя, и поедем туда вместе?

— Нет, поезжай с друзьями. Я потом сама приеду.

— Точно?

— Да.

— Напишешь? Вызову тебе такси.

— Нет, Ян. Я сама.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я успел подобраться ближе и напоследок поцеловать ее, пока Польша не скрылась за дверью.

Но она так и не появилась. Я звонил, но впустую. На сообщения Польша тоже не отвечала. Не нужно было уезжать. Пасти бы ее у этой долбанной гримреки и схватить, не слушая воплей о том, что нужно побыть одной.

И на что я надеялся?

В разгар вечеринки уже успел изрядно налакаться в бессильной злобе, пока не ощутил на своем плече ее хрупкие пальцы.

Школа, выпускной класс

Полина

Я позволила себе слабость — посмотреть на него еще хотя бы пять минут, продлить эту пытку, смешанную с наслаждением. Ненормальное чувство, болезненное.

Ян спал на животе, сложив руки над головой. Одежда сползла до поясицы. Лицо повернуто к окну. На улице еще темно, и я немного раздвинула плотные шторы, чтобы впустить лунный свет, чтобы запечатлеть в памяти такие до безумия любимые, но уже ненавистные черты, выжечь их на сетчатке глаз навсегда, потому что изо всех других источников я собиралась стереть любое упоминание об этом парне.

Рука потянулась к пересохшим, полуоткрытым во сне губам, к подрагивающим пушистым ресницам, но зависла в воздухе. Я не хотела, чтобы Ян проснулся, пока я еще оставалась здесь, в его комнате. Пока прощалась с ним.

Этот золотой мальчик распотрошил меня изнутри. Ничего не осталось. И души не осталось. Наверное, я больше никогда и никому не смогу поверить и довериться. Я все знала. Я знала, но все же надеялась, наивная идиотка, что он другой. Я видела его другим.

И теперь прощать не входило в мои планы. Пусть я для него останусь мстительной сукой, но Ян выжег меня изнутри, оставил после себя пустыню, и поэтому я не собиралась отступать.

Невольно дотронулась кончиками пальцев до пшеничной челки, упавшей на прямую, немного вздернутую в конце линии роста бровь. Хотелось убрать ее, но я тут же одернула руку. Нельзя касаться. Больше никогда нельзя его касаться.

А ведь это вечер я хотела запомнить совсем другим.

***

Сухов:

— Я хочу к ней сегодня подкатить. Ян ты не против?

Марек:

— Мне пофиг.

Кобра:

— Я бы тоже замутил с ней.

Марек:

— Вам все равно ничего не обломится, потому что этот спектакль для меня. Если захочу, дать не откажется.

Сухов:

— Спорим, до Нового года не справишься?

Марек:

— Уломаю.

Кобра:

— Она тебя последнее время не замечает даже.

Марек:

— Сама, типа, призналась, что любит. И я буду ее трахать, антэстэнд ми?

— Это они на вечеринке у Сомова базарили — забрал из моих вмиг окоченевших пальцев свой телефон Марк Левитин.

После концерта и нашего разговора с Яном я решила заехать домой, чтобы переодеться, и все же поехать на вечеринку к Рыльскому.

Было очень волнительно, и в то же время меня распирало от счастья от одной лишь мысли, что он подойдет ко мне при всех, поцелует и скажет, что я теперь его, а он мой.

Мой.

Разве может быть хоть что-то ценнее?

Это как целый мир, обрушившийся на голову.

Но, видимо, я родилась не под той звездой, что называется счастливой, потому как сразу же у выхода из кабинета — гримерки меня подловил уже переодевшийся Левитин, с которым мы сегодня выступали, вызвал на разговор и предъявил вот эту запись разговора Яна со своими друзьями.

— Не ходи туда сегодня Польша. Даже думать не хочу, что на уме у этого мудака.

— Откуда у тебя запись? — бесцветным тоном спросила у Марка.

— Рыльский скинул.

— А у него? — мне с трудом удавалось шевелить губами.

Такое ощущение, что мое тело медленно погружалось в анабиоз, лишь бы избежать, лишь бы проскользнуть. Как в детстве — "я в домике", и руками изобразить крышу над головой.

— Он сам записывал.

— Зачем? Они же друзья?

В ответ Марк лишь рассеянно пожал плечами. Сложилось ощущение, что он не договаривал, скрывал что-то, но мозги у меня в тот момент совсем отказывались соображать.

В голове лишь крутилось признание Яна на повторе вперемешку с разговором на записи.

Мерзкая смесь.

— Не знаю, Полин.

— Но я не понимаю! — я взорвалась в бессилии и панике. — Почему Рыльский отдал эту запись тебе? Он же достает тебя, не упускает возможности задеть, подколоть. С чего вдруг?

— Наверное, потому что я с тобой общаюсь и точно эту запись дам прослушать.

Конечно, все логично, но все же...

— Не веришь? Потому что слепая. Не видишь, что он за дерьмо на самом деле. Принца себе нафантазировала — повысил голос до этого совершенно спокойный Левитин.

Не хотела верить, что это голос Яна, что это меня обсуждали, что это на самом деле все было.

Как в грязи вывалили. К горлу резко подкатила тошнота.

— Я просто знаю, что он не мог — заглянула на Марка, устроившегося у подоконника и подпирающего его бедром со сложенными на груди руками.

— Он? — Марк нервно провел рукой по затылку и истерично захохотал. — Он? Ты совсем поехавшая, Польша. Вот как раз он и может. И знаешь, что, вали на это сборище отморожков, повеселись там на славу, выставь себя последней душой, а они будут ржать и ставки делать.

Я не могла больше слушать его. Заткнула уши и прикрыла глаза.

— Оставь меня! — крикнула на выдохе.

Я слышала, как он мялся на одном месте, как переступал с одной ноги на другую, а

потом чертыхнулся, послышался шорох вещей.

— Да, ну, нахрен — бросил напоследок и хлопнул дверью соседнего с гримеркой кабинета.

И только тогда я дала волю рыданиям. Задушенным, спрятанным ото всех.

Очень хотелось верить, что все это не правда, а какая-то ошибка, но факты говорили сами за себя.

Неужели Ян мог бы поспорить на живого человека? Неужели его слова, лишь сладкая ловушка?

Мыслей в голове, как пчелиный рой. И некуда спрятаться от этого шума.

Когда я вновь сменила джинсы и серый свитер на бордовое платье, когда забирала свои вещи в гардеробе, когда писала Инге, чтобы ехала к Рыльскому одна, потому что у меня еще дела остались, когда вызывала такси и добиралась по указанному в сообщении от Яна адресу, мое сознание находилось далеко за пределами тела. Будто тело существовало само по себе на автомате, как заведенный робот. А души нет. Внутри пусто.

И по дороге в душном такси, где пахло старой обивкой сидений и химическим ароматизатором, болтающимся на зеркале заднего вида, я поняла, что не смогу больше ходить в эту школу, не смогу больше жить в этом доме, не смогу видеть его.

Каждый день понимать, что никогда ничего для него не значила. Ян просто забавлялся со мной, как с диковинной игрушкой.

Все-таки мама оказалась права, мы для таких, как Ян, никто. Никогда нам не быть на одной ступени.

План созрел еще в такси, но решилась я на него, когда подошла к столу с напитками в шикарном доме Рыльского и опрокинула в себя стопку чего-то очень горячительного на вкус.

Яна я нашла в компании его друзей. и так даже было лучше. Пусть видят. Пусть знают — рыбка уже давно заглотила крючок, рыбка уже барахталась в сетях.

Он сидел за барным стулом. Широкие плечи, обтянутые желтой футболкой с изображением на ссутулившейся спине скрещенных черных стрел, образующих квадрат, дрогнули. когда я прикоснулась пальцами.

Ян обернулся и не сразу словил фокус. Он был пьян. А, может, и не только. Но меня узнал и улыбнулся, уткнувшись носом в мне в шею и перехватив рукой за талию.

— Пришла — коротко пробормотал, и кожу прострелило электрическим разрядом, потому что в конце он дотронулся губами до места, где шея переходила в плечо.

А мне до ломоты захотелось зарядить ему по щеке, а потом еще и еще.

— Ян, поехали домой — начала я сразу без предисловий и ненужных ходов, сгребая себя в кучу.

— Уже? — он промурлыкал, как сытый кот.

И мне стало одновременно и тошно от всего этого цирка с конями, и мучительно приятно, потому что я его любила.

Господи, любила!

Несмотря на то, каким Ян оказался гадом. И ничего не могла с собой поделаться.

— Да, хочу побыть с тобой наедине. Только вдвоем. Не будем время терять, а то потом меня мама хватится.

Он в момент считал мою решимость во взгляде и потянул за собой на выход, коротко попрощавшись с друзьями.

Я даже не стала смотреть на их лица, чтобы не узреть усмешки в искрящихся, пьяных глазах. А то хуже, сочувствия, потому что я, по их мнению, оказалась такой легкодоступной и непроходимой дурой.

Школа, выпускной класс

Ян

Мы не поехали домой. Там бы нам точно помешали.

Поэтому я снял номер по липовым документам, имеющимся у меня на случай покупки алкоголя и проходки в клуб.

Полина попросила меня забрать с собой бутылку с недопитым вискарем, что стояла рядом со мной на столешнице.

Неужели так волновалась?

Когда мы добрались до номера, я врубил светильники, прикрепленные над изголовьем кровати. Приглушенный свет успокаивал.

Я был пьян, но не до такой степени, чтобы нихрена не соображать, поэтому сразу просек, когда Поля робкими шагами подобралась ко мне вплотную.

Просек и чуток струхнул, потому что у меня это тоже впервые. С Евой мы заходили достаточно далеко, но до полноценного секса так и не добрались.

Меня немного потряхивало от мысли, что я могу сделать что-то не так, наладать, причинить ей боль, хотя без этого в первый раз не получится. Переживал, что не смогу доставить ей удовольствие и испорчу такой важный для, наверное, каждой девчонки момент.

А еще я растерялся от неприкрытого вызова в ее взгляде, от отчаянной решимости. И прежде чем поцеловать, все же спросил.

— Ты, правда, хочешь?

Полина нервно сглотнула. В тусклом освещении ее глаза были похожи на две черные пропасти.

— А ты разве нет?

— Если ты не готова, мы можем подождать, не торопиться. Мне нужен не только секс. Я же люблю тебя.

Черт, как же мне пришлось сдерживать себя в руках, чтобы произнести это. Я говорил и сам себя материл. Полный идиот.

Она мотнула головой и приложила к моим губам палец.

— Мы не будем ждать. У нас и так совсем не осталось времени.

Мне нужно было спросить, почему? Куда оно денется от нас, это время? У нас его вагон впереди. Целая жизнь. И, может, тогда бы мы смогли все решить. Смогли бы разобраться в этом клубке из недопонимания и лжи.

Но я промолчал, потому что был пьян. И потому что очень сильно ее хотел. До дрожи. До бешенства.

Поэтому вместо разговоров я притянул одной рукой ее за талию, а другой прихватил за затылок, увлекая в поцелуй.

Сначала нежный и почти невинный, а потом все более горячий со сбившимся дыханием, со вкусом ее сладкого языка, с участвующим до предела пульсом.

Когда уже стало не хватать воздуха в легких, я отстранился и развернул ее к себе спиной. Полина дрожала. Я даже ладонями ощущал ее колкие мурашки на руках.

— Не бойся, я буду нежно — прошептал рядом с четкой линией скулы и провел по ней губами, едва касаясь.

Меня самого колотило от возбуждения, и заводило ее прерывистое дыхание, но я старался делать все неторопливо, чтобы не спугнуть Полину.

Я перекинул волосы вперед на одно плечо, ухватился за верхнюю пуговицу на тонком платье и достал ее из петли. Затем вторую, и так до самой поясицы. До боли невыносимо было смотреть, как оголялась молочная кожа с мелкими родинками, рассыпанными по спине. Внутри меня так и разрывало от желания наброситься на желанную девчонку.

Но я прихватил края платья у плеч и спустил его до талии.

Польку сжала ладони в кулаки, но, когда я развернул ее к себе лицом, сопротивляться не стала.

И стесняться тоже.

Она смотрела на меня с вызовом с гордо задранном подбородком, пока я не мог оторвать взгляд от ее небольшой груди, от хрупких и острых ключиц и впалого живота.

Я побежденно простонал и взял ее лицо с покрасневшими щеками в ладони.

— Безумно красивая.

Наши губы встретились в новом горячем поцелуе, уничтожая страх и стыд.

— Ты точно хочешь? — запыхавшись спросил у нее, спускаясь поцелуями — укусами по тонкой шее. — Потом я уже не смогу остановиться.

Знал, что останутся следы, но ничего не мог с собой поделаться. Хотелось присвоить ее себе, пометить, украсть у всех остальных.

— Хочу.

Я коротко чмокнул в губы и уложил на кровать, а сам взобрался сверху, нависая. Меня отрясло от каждого прикосновения к ее манкой коже. Я плыл от едва уловимого запаха и задушенных всхлипов, когда касался ее тела языком.

Тут она на миг отстранилась.

— Подожди — Полька уперлась влажной ладонью мне в грудь. — Сними тоже. Хочу тоже почувствовать тебя, хочу... потрогать.

Как контрольный по остаткам самообладания.

Я неслышающимися пальцами поддел со спины футболку в районе ворота и стянул через голову, и все это, не разъединя зрительный контакт. Глаза в глаза.

Она дотронулась до мышц пресса, отчего они моментально сжались, пока я возился с болтами на джинсах. Как назло, напялил ту модель, что без молнии.

Потом встал прямо на кровать над Полиной и стянул джинсы вместе с боксерами.

Она задохнулась на выдохе и прикусила опухшую от поцелуев губу. И я набросился. У меня слетели последние тормоза. И если бы она сейчас умоляла меня слезть с нее, я бы уже не смог.

Полинка иногда зажималась, стеснялась. Приходилось ее расслаблять лаской, как умел. Я хотел, чтобы ей тоже было хорошо, несмотря на боль от первого раза.

— Я люблю тебя — шептал ей на ухо, когда она стонала подо мной, подстраиваясь под ритмичные движения. — Слышишь, люблю тебя.

— Запомнишь меня? — шептала она в ответ. — Хочу, чтобы ты меня помнил.

— Зачем запоминать? — я куснул за мочку уха, а затем лизнул. — Мы будем вместе.

На ее щеках пролегли две мокрые дорожки, и я целовывал их, то замедляясь, то ускоряя темп.

Полька улетела первой, а я следом. А потом меня вырубило. Вот так с ней в обнимку на смятой постели, прижимая девчонку к себе спиной.

Как проснулся, сразу же просек, что в кровати кроме меня никого нет. Еще даже не открыл глаза полностью, не осмотрелся, но каким-то левым чутьем понял, что Поли нет и в номере тоже.

От этой мысли резануло по нутру, как лезвием. Я резко открыл глаза и сел в кровати. Догадка оказалась верной. В номере было пусто. В санузле, судя по выключенному свету, тоже.

Я подобрал с пола джинсы и достал из заднего кармана телефон. Набрал ее, но абонент был выключен. Чуть не швырнув телефон в стену, я все же сдержался и заказал такси. На экране высветилось уведомление о пяти неотвеченных вызовах от отца и одно сообщение.

"Срочно домой"

Растерянно огляделся, чтобы понять, все ли захватил, и наткнулся взглядом на пустую бутылку из-под виски, которую вчера забрал с вечеринки. Порылся в мозгах, но так и не смог вспомнить тот момент, когда мы из нее пили.

Добирался, как в тумане, предчувствуя грандиозный звездец. Еще и непонятки с Полиной.

— Сынок, как ты мог? — встретила меня с порога мама с заплаканными глазами. — Сынок, как же так...

— Явился? Сюда иди — раздался бас отца из кабинета.

Мама обреченно взглянула мне во след и закрыла лицо ладонями.

— Что случилось? — спросил, вороша затылок руками.

Отец тут же подлетел ко мне и схватил за ворот футболки, сжимая его в кулаке до побелевших костяшек.

— Последний раз, когда я вынимаю тебя из дерьма, ублюдок ты малолетний. Но за это, ты ответишь. Никакого Лондона, можешь даже не заикаться, понятно?

— Да, что случилось то? — уже выкрикнул, потому что у меня подгорало от этой неразберихи.

Но отец, словно не услышал.

— Отправлю в военную академию. Может, там получится из тебя мужика сделать.

— Какого хрена вообще происходит? — я в итоге не выдержал и смог вырваться из цепкого отцовского захвата, отступая на пару шагов назад.

— Не строй из себя идиота. Полина уже утром все рассказала. Что ты с девчонкой сделал? Я же просил тебя отстать от нее. Им и так досталось по жизни. Неужели тебе девок мало было?

— И что она рассказала? — спросил вмиг онемевшими губами.

— Она рассказала, как ты, щенок, споил ее и отвез в номер отеля, а там принудил к сексу.

Зыбкая волна потоком мурашек проскакала от затылка к пяткам, пронизывая все тело.

— Какого...? Где она?

— Она... — хмыкнул отец. — Ее ты больше не увидишь.

Я тут же сорвался с места и пустился к пристройке, где жила прислуга.

— Куда? — следом бросился отец и даже успел схватить меня за край футболки, но я скинул его.

— Поля! — заорал, дергая за ручку, которая оказалась закрытой изнутри — Выйди! Черт, выйди!

Тут раздался режущий звук щелчка, и показалась ее мама.

— Уходи, ясно тебе? Убирайся и не смей ее искать, а то посажу. Не сдержу свое слово и посажу.

— Поль — умоляюще застонал я, выцепив ее сторбленную спину у окна комнаты. Она закрыла ладонями уши и подрагивала. — Давай поговорим!

— Уходи — рявкнула ее мать.

— Ян — дернул меня за руку отец. — Иди к себе.

— Да, свалите все, дайте нам поговорить, мать вашу! — я попытался протиснуться, но Полькина мать заслонила собой проход в комнату.

— Поль, прошу тебя. Я даже злиться не буду, только выйди ко мне — умолял ее.

Но она даже не повернулась. А у меня внутри закипала ярость вперемешку с такой дичайшей обидой, какую я никогда еще в своей жизни не чувствовал.

— Зачем тебе это все, ответь мне! Зачем ты...

Договорить мне не дали.

Грохот двери разорвал барабанные перепонки.

Мы так и не увиделись.

Я в бешенстве разнес комнату. Я был, как самый последний слабак. Я попытался ее выцепить, пока они еще не съехали. Я думал, сдохну. Было так больно, так хреново, казалось, что дальше уже некуда. Но с каждым прошедшим часом становилось только хуже.

Университет, второй курс

Полина

Сию в квартире Таниного парня, где она теперь проживает, на широком диване, поджав под себя ноги.

— Понимаешь, я видеть Яна не могла. В голове только его слова вертелись. Ничего не понимала. Не соображала. Одна мысль — уговорить маму уехать. И когда вернулась, она не спала. Сразу за волосы схватила и на мою шею уставилась. Поняла все. А меня понесло. Как дубто, с холодной головой. Наврала, что он спойл меня тем самым виски и увез в отель. Принудил. Наврала, что не хотела, хотя сама все и спланировала, чтобы хотя бы раз с ним. Хотя бы раз, понимаешь? — закрываю глаза ладонями. Не могу видеть ее лица, ее осуждающего взгляда. — Господи, какой был скандал. Мама разбудила Филипа с Елизаветой Александровной, кричала, что упечет их сына за решетку за изнасилование. А у меня, как будто, язык онемел и душа тоже. Как кукла безвольная. Куда потянут, туда и пойду.

— Дурочка, ты хоть понимаешь, что могло с ним быть после такого обвинения?

— Понимаю — всхлипываю. — Но раньше думала, и поделом ему. Уроком будет. Не станет больше так с людьми поступать. Я ведь думала, Ян играл со мной, забавлялся вместе со своими дружками. А я любила. Так долго его любила, несмотря ни на что. А теперь... Задушить себя хочу, какая же идиотка! В глаза ему больше смотреть не смогу.

— А это танцор твой каким тут боком всплыл? Почему ему тот урод запись дал?

— Марк Левитин? — кошусь на подругу и вытираю тыльной стороной ладони покрасневшие глаза. — Я догадывалась, что он в меня влюблен был. Но сам мне никогда ничего не говорил. А Рьльский, что запись ему дал, тот по мальчикам. Он давно Левитина пас и бесился от того, что тот в меня влюблен. И перед концертом признался ему, что у него запись есть, где Ян про спор говорил и про меня. Если честно, даже думать не хочу, как Марк у него эту запись выторговал. Я не стала у него выпытывать, а сам он говорить наотрез отказался.

— Ясно как — хмыкает Таня. — Эх, Полька, натворила дел. И мне еще про Марке наговорила. Знаешь, я все думала, когда увидела его в первый раз, у меня никак его образ с твоими словами не вязался.

— Я тоже всегда думала, что он другой внутри. Чего бы он в школе не вытворял, просто верила — все это показное, игра на публику. Ян так заботился о своей сестренке, Лили, такое не сыграешь. И маму перед сном целовал. Я никогда так не делала. А после этого случая, все рухнуло.

— И что тепрь думаешь делать? — Танька вновь разлила по бокалам вино и протянула мне фужер.

— Не знаю. Как он мог вообще меня простить? — отпиваю сразу пол бокала и морщусь от неприятной вязкости во рту.

— Ох, дураки оба. Но надо как-то это разрулить.

— Я предложиа Яну общаться... Как друзья. Все-таки он дружит с твоим Тимуром, а мы с тобой, так что...

— Точно дурочка — закатила глаза Таня. — Сама то в это веришь?

— А как по-другому? После всей этой лжи, что легла между нами. Отношения с такого

не начинают. Они обречены на провал.

— Господи, Полька! — взмолилась подруга. — Я думала, ты умнее.

Щелчок замка заставил меня аж подпрыгнуть на диване, отчего оставшееся в бокале вино расплескалось по кожанной оббивке.

Таня тут же подорвалась к двери.

Тимур, ее парень, слегка пошатываясь зашел внутрь квартиры.

— И что за повод? — спросила у своего парня Таня, помогая стянуть с него кожаную куртку, пока тот разувался.

— Да, так, у Яна завис.

Я напряглась вся.

Наконец, справившись с курткой и кроссовками Тимур направился к кухонной зоне, по пути зацепив меня взглядом.

— О, привет.

— Привет — выдавливаю из себя, расплываясь по щекам красными пятнами. До того неловко.

— И как у него дела? — спрашивает Таня, наливая Тимуру из графина воды.

— Бухает. Сегодня с Соколовым горе заливали. Мы, кстати, помирились с ним.

Смутно вспоминаю эту историю. Таня рассказывала, что Соколов с ней пытался замутить, когда они еще с Тимуром не встречались. Домогался до нее, после чего Соколов и Тимур сильно поругались. А потом этот самый Никита Соколов стал шашни крутить с ее подругой, Лилей, что раньше встречалась с Тимуром. Кстати, именно Лиля сыграла не последнюю роль в том, что Таня теперь вместе с Тимуром.

— Да? — пропевает подруга. — А я все думала, с чего это Сокол мне сообщение прислал, где просит за все прощение. Кстати, а у него то что за горе?

Тимур осушает стакан с водой и принимается щелкать кнопками на кофеварке.

— Лилька кинула.

— Так у них же несерьезно?

— В том то и дело — парень притягивает Таню за край футболки на себя и чмокает в губы. — Лилька хотела, чтобы все было серьезно, а Сокол слился. Теперь у него муки совести.

— Ясно — Таня обвивает парня за шею и трется носом о его скулу.

А у меня аж сердце защемило от того, насколько эти двое мило смотрелись. Любовь, какой она и должна быть. Когда даже оторваться от своего парня не можешь. Когда хочется постоянно касаться, чувствовать рядом.

— Ну, а с этими — кивает на меня подруга. — Что делать? Нужно помочь.

Тимур ловит Танины губы, нежно целует, а потом устремляет взгляд на меня. Пристально, прожигая своими карими глазами.

— А ты хочешь? — спрашивает серьезно, без тени усмешки.

Я лишь киваю, чуть не икнув от выпитого вина.

— Короче тогда так. Соколов пригласил к себе на пати в честь днюхи. Марек тоже там будет. Приходи вместе с Таней. С Соколом я договорюсь. Днюха будет у него в загородном доме на этих выходных. Два дня. С ночевкой. Приедешь?

— А то — ответила за меня Таня. — Если, конечно, ты не решишь снова облажаться и навязать Яну свою дружбу — оглядывается на меня подруга, заключая последнее слово в

КОВЫЧКИ ПАЛЬЦАМИ.

Университет, второй курс

Полина

Сказать, что я нервничаю, это ничего не сказать.

В тысячный раз пересматриваю свой скудный гардероб, пока Маша, соседка по комнате, не выдерживает и с недовольным цоканьем поднимается с кровати, откладывая книгу.

— Что же у тебя все скучное какое? — нудит и открывает дверцу своей половины шкафа.

А потом принимается перебирать вешалки. Пока не останавливается на серебристом топе. Потом еще выуживает из закровов черные обтягивающие брюки.

— То, что надо — крутит топ в руках. — Прямо под цвет твоих глаз. Я его, кстати, еле выкупила, все ждала, пока распродажа начнется. Бери — протягивает мне вешалку, и довольная плюхается на кровать.

И, правда, что надо. Одежда села идеально.

— Спасибо, Маш — склоняюсь к подруге и чмокаю ее в щеку. — А с волосами что делать?

— Ну — оценивающе прищуривается Машка. — Так, наверх их лучше не закалывать, ты и так долговязая. Лучше оставим распущенными. Я тебе их сейчас утюжком выпрямлю.

Поверх мы выбрали кожанку и туфли-лодочки, а в руки клатч под цвет топа.

С каждой приближающейся минутой уверенность тает на глазах. Это и подмечает Маша. Она обхватывает мои плечи руками и разворачивает к себе.

— Слушай, ты классно выглядишь. На миллион долларов, не меньше. Все будет хорошо.

— Я просто не знаю — еле сдерживаюсь, чтобы не разреветься от накопившегося напряжения. — А вдруг он меня не простит? Ничего больше не захочет? А если и простит, то его родители точно нет. Да, и моя мама тоже.

— Главное, чтобы он понял, а остальное дело десятое. И не нагнетай обстановку раньше времени, ок?

Я благодарно киваю и обнимаю Машку. Она права, главное — он, а остальные потом.

Спустя час забираю пакет с подарком и выбираюсь за ворота общаги, туда, где уже поджидает такси с Таней и Тимуром. Мне кажется, я даже позеленела от волнения.

— Бог мой! — присвистывает Таня — Твоя красная помада его с ума сведет. Бедный парень.

— Правда, круто — подмигивает Тимур.

И я сразу немного расслабляюсь.

По дороге эти две щебечут без остановки, мне даже удалось отвлечься от накатывающей истерики.

Потому что я понятия не имею, что мне делать. Как подойти к Яну, о чем начать разговор. Если он вообще согласится со мной разговаривать. Ведь после нашей последней встречи Ян никак не проявился, ни разу не позвонил и не написал мне, хотя я в тайне и ждала. Сама его оттолкнула, наговорила глупостей по мифическое «общаться», сама все испортила, но все же надеялась.

А вдруг у него уже все сломано внутри? Вдруг он больше не чувствует ко мне тех эмоций, что испытывал раньше, когда мы еще учились вместе?

Таня сказала, что я сама должна теперь сделать первый шаг, а там будь, что будет. В любом случае, хуже уже некуда.

Мы подъезжаем к внушительному особняку, чем-то смахивающему на дом Яна. Уже довольно поздно, и вся территория подсвечивается светильниками и гирляндами. Изнутри раздается музыка.

Тимур помогает нам выбраться из такси и нажимает на кнопку вызова на массивной двери. Пока ждем, у меня вся прическа портится от мелко морозящего дождя.

— Какие люди! Заходите — через динамик слышится приятный мужской голос с хрипотцой.

А на подходе к крыльцу дверь распаивается, и показывается высокий парень с шоколадными волосами, небрежно собранными в хвост. Несколько прядей выбились из прически и теперь обрамляют красивое лицо с темными нахальными глазами, но при этом с милыми веснушками на носу. Хоть не у одной меня здесь веснушки.

На нем белая майка, обтягивающая подкаченную фигуру, и черные брюки с ремнем на талии от дорогущего всемирно известного бренда.

— Хэй, Дэв, чувак, я, блин, счастлив, что ты все-таки не продинамил — парень распаивает руки и обнимает Тимура, похлопывая его по плечу.

— Я ж не мог пропустить твою днюху, даже подарок приволок — Тимур отстраняется и протягивает ему пакет. — Держи, это от нас с Таней. Там мотоциклетная куртка, на которую ты слюни пускал.

— Спасибо, бро. Я, блин, скучал по тебе — а потом парень переводит взгляд на Таню и смотрит виновато. — Тань...

— Проехали уже. Не начинай — она подергивает плечами. — С днем рождения, Никит. Да, этого парня я видела пару раз возле института, но только в компании бывшей Таниной подруги, Лили.

— А ты, принцесса, и есть та самая Полина? — это уже ко мне. — Я там твоего принца пасу, кстати, чтобы не надрался раньше времени.

— Спасибо — неловко улыбаюсь в ответ, Никита, похоже, в курсе, зачем я здесь сегодня. — И с праздником тебя — тоже протягиваю ему пакет с моделью самолета. Накануне Таня рассказывала, что Соколов любит собирать руками модели различной техники, прямо тащится от этого.

Никита провожает нас внутрь, и я тут же натываюсь на широко распахнутые глаза Яна. Его друзья, явно, не предупредили, что я буду здесь.

Он настолько привлекательно выглядит в этой свободной черной рубашке с закатанными рукавами, небрежно заправленной под пояс темных джинсов, что у меня, как и у многих, надо отметить, представительниц женского пола на сегодняшнем празднике сбивается дыхание от такой броской красоты.

Я не стала тут же приставать к нему с разговорами. Подождала пока народ захмелеет, отлипнет от стола и рассосется по территории.

Яна выследила, уже когда тот собрался с группой парней и хозяином вечера, на котором уже красовалась подаренная Таней с Тимуром куртка, в гараж. Наскребла остатки смелости в кулак и подошла сама.

— Привет, Ян. Я бы хотела с тобой поговорить.

Но выражение его лица, обращенного уже ко мне, стало настолько холодным и нечитаемым, что я уже пожалела о своей затее.

Он долго так смотрит, а потом говорит ребятам, что подойдет позже.

— Давай, поговорим — наконец, соглашается Ян, и я чуть выдыхаю.

Он сам берет меня за руку и тянет за собой через гостиную, где мы попадаем в небольшую комнату с камином и полными шкапами книг.

Ян сразу же подходит к окну и забирается на низкий подоконник.

— И? — спрашивает, но снова этот холодный безразличный тон.

— Я хочу тебе все объяснить.

Он не комментирует мои слова. Ничего не спрашивает, а продолжает все также молчать, впериваясь в меня нечитаемым взглядом. И между нами такое напряжение, что еще немного, и рванет. Воздух плотный, душный, как перед грозой.

— В тот вечер — начинаю я. — После концерта и нашего с тобой разговора я собиралась домой, чтобы переодеться и уже потом поехать на вечеринку. Но Марк... Он показал мне ту запись. И я... Я, как будто, стала тонуть. Воздуха совсем не хватало. А под толщей воды, когда она давит на тебя, ты перестаешь соображать. Тебя окутывает дикой паникой, ты чудишь, пытаешься спастись, но в большинстве случаев делаешь только хуже. В тот вечер со мной было также. Я просто пыталась себя спасти от всей этой грязи — в горле от волнения пересыхает, пытаюсь сглотнуть, но нечего. — План созрел под действием той самой паники. Я не оправдываюсь сейчас, я все делала намеренно. Но соображала тогда мало. Я уже понимала, что это последний наш с тобой вечер и решила действовать. Я хотела хотя бы раз почувствовать, что твоя. Полностью твоя. Чтобы у меня осталось хотя бы одно такое воспоминание о тебе... О нас... Но, когда мама стала обвинять во всем Филипа, когда принялась кричать на твоих родителей, я уже начала понемногу отходить и пришла в ужас от того, что наделала. Но на попятную идти побоялась. Да, и тебе хотелось отомстить, чтобы ты тоже почувствовал, что значит больно.

— Это было не просто больно, Полин. Я думал, сдохну.

Хочется отвернуться от его взгляда, избежать контакта. Мне стыдно.

— Прости меня.

Тут Ян резко поднимается, сокращает расстояние между нами и хватается за плечи.

— А теперь ты послушай. Я долго думал и понял, что не смогу дружить с тобой, просто общаться. Мне этого мало. Я с ума от такой пытки сойду. Поэтому здесь два варианта. Первый — мы просто игнорим друг друга, когда пересечемся в общей компании. Каждый живет своей жизнью, как раньше, до встречи в клубе. А второй... Мы будем вместе.

У меня уши закладывает от паники. Мне так страшно. Хочется одновременно и сбежать, и обнять Яна так крепко, чтобы никто не смог нас разлучить.

Какое у нас будущее? Что ждет, когда я признаюсь маме и его родителям в обмане? Совместимы ли мы вообще?

Мысли, как табун лошадей, скачут. Не дают сосредоточиться. Но от его взгляда по венам растекается тепло. Приятное, волнующее. Дыхание заходится.

Смогу ли я снова жить без него, и будет ли это жизнью, а не существованием?

Только я собираюсь ему ответить, как в комнату без стука влетает рыжеватый парень. То ли Слава, то ли Сеня, я не запомнила, когда нас познакомили.

— Ян, давай за мной срочняк. Там, походу, Сокол разбился.

Университет, второй курс

Полина

— Ты на тачке? — спрашивает рыжий побледневшего Яна.

Тот кивает.

— Я не пил, поехали.

А дальше ураганом накрывает. Рыжий утягивает за собой оцепеневшего Яна, вцепившегося в мою руку. Я еле успеваю следом. Музыка уже стихла.

Через гостиную мы попадаем в гараж, а оттуда на стоянку, по пути прихватив свои куртки.

Ни Тани, ни Тимура нигде не видно. Ян достает из кармана ключи и передает рыжему, как оказалось, Севе. Я усаживаюсь на заднее сидение, и мы трогаемся.

Спустя пару километров впереди сверкают проблесковые маячки машины скорой помощи, сливающиеся в единое пятно из-за моросящего дождя. Там уже полно народа. На обочине валяется покореженный черный байк с серебристыми элементами, а чуть подальше припаркованы еще два.

Врачи скорой грузят на носилки парня. Тот не подает совершенно никаких признаков жизни. Черные, вываленные в грязи брюки, грубые ботинки и некогда белая майка. Подаренной кожанки на парне уже нет.

Даже не верится, что еще совсем недавно Соколов открыл нам дверь, лукаво улыбаясь. Совсем недавно он стрелял шампанским в девчонок, совсем недавно он смеялся, а сейчас... Его покалеченное тело с залитым кровью лицом едва убирается на носилках.

Происходящее напоминает оживший страшный сон. Мерцающие огни, голоса, крики, паника, плач. Ян велит мне оставаться рядом с машиной, а сам находит Тимура, который о чем-то переговаривается с врачом.

Не хочу оставаться в стороне. Замечаю Таню, обнимающую себя за плечи со стеклянными глазами, и направляюсь к ней.

— Тань, как так случилось то?

Та ежится в свой тоненький тренч и косится на меня. Сначала, словно не узнает, а потом протяжно вздыхает.

— Дураки. Гонки устроили, адреналина им мало. Ладно хоть не задели никого. Парни сказали, что Соколов выбился вперед, а на повороте его занесло. С управлением не справился на скользкой дороге.

Тут врачи забираются в салон, и скорая, врубив проблесковые огни и звук сирены, трогается с места. Те, что на байках, остаются здесь. С ними еще пара парней, а остальные разбегаются по машинам, припаркованным, не доезжая до места аварии.

— Могу вызвать тебе такси — предлагает Ян.

Но я мотаю головой. Мне хочется поддержать, подбодрить и просто быть рядом, пока Ян будет дожидаться вестей о состоянии своего друга. Я просто не могу его сейчас оставить.

— Нет, поеду с тобой, если место есть.

Набиваемся в салон. Рыжий Сева и Тимур впереди, а я, Таня и Ян на заднем сидении. Всю дорогу до клиники я сжимаю горячую ладонь парня, которому совсем недавно хотела сказать, что готова попробовать, но не успела, а теперь и вовсе не до этого.

В клинике целая толпа. Соколова Никиту увезли на операцию. А в это время подъехали его родители с младшим братом и Лиля.

— Боже мой, где наш сын? — кричит мать Никиты, стройная и ухоженная женщина, на распахнувшую огромные карие глаза медсестру.

— Нина, не кричи, сейчас все выясню — успокаивает ее высокий мужчина с такими же каштановыми, как у Никиты, волосами, только более коротко стриженными.

Лилия же находит ошалели от ужаса глазами Тимура и бросается к нему. И пока они разговаривают, я рассматриваю ее.

И внутри такой оглушающий шум. Один вид Лили, всегда такой красивой и безупречной, а сейчас с покрасневшим глазами, в мятой толстовке и с небрежным хвостом на голове, раскрывает все до мельчайших подробностей.

Она по уши влюблена в этого Соколова. Ее колотит. Но Лилия не плачет, лишь с силой сжимает в кулаки тонкие пальцы, впиваясь ногтями в нежную кожу на ладонях.

И меня накрывает от мысли, что я тоже могла вот так потерять Яна, даже не успев все ему рассказать. Даже не объяснившись.

Как же страшно терять любимых. Невыносимо страшно.

Спустя пару часов всеобщего балагана, в котором пребываем и мы с Яном, вернее я сижу рядом с Таней на диване, возле кофейного аппарата, а парни вместе с родителями Никиты и Лилей нарезают круги у дверей в операционную, из блока выходит хирург, оперирующий Соколова.

Он объясняет, что операция прошла успешно, Никиту переводят в реанимацию, но просит остаться на ночь лишь паре — тройке человек, а остальным покинуть клинику, чтобы не мешать работе отделения.

Отец Соколова уходит вместе с врачом, а мать и Лилия остаются.

— Давай к восьми завтра — договаривается Ян с Тимуром.

— Да, родителей сменим — соглашается Тим. — Поспят хоть.

Марек похлопывает друга по спине.

— Если что-то станет известно, позвоню.

Тимур вместе с Таней, кивнувшей мне на прощание, усаживается в салон подъехавшего такси.

— А тебя я сам довезу — Ян разворачивается ко мне. — Не переживай, я уже успел протрезветь.

Соглашаюсь, но стоит нам вырлиться с парковки на трассу, понимаю, что не хочу сейчас с ним расставаться. Не хочу оставлять одного.

— Меня, наверное, в общагу не пустят до утра. Сегодня комендантша на посту — зверь. — захожу издалека, потому что никак не могу найти в себе сил и во всем признаться.

Ян заметнее сжимает руль и переводит внимание с дороги ко мне. Всего несколько секунд, но меня опаляет острой волной, хлынувшей по телу в район живота. И теперь тянет и приятно ноет.

— Поехали ко мне — произносит он, откашливаясь.

Я утыкаюсь взглядом на руки, сложенные на коленях и сжимающие край крохотной серебряной сумочки.

— Не бойся, не трону... Если сама не захочешь.

И как признаться, что я хочу! Где найти столько смелости?

— Хорошо — согласно киваю в ответ и отворачиваюсь к боковому окну.

Вскоре въезжаем в уже знакомый охраняемый двор, направляясь к знакомому дому. Ян молча берет меня за руку и ведет за собой через просторный холл в сторону лифта. Поднимаемся под звучание ненавязчивой мелодии, льющейся из динамика, но ладони так и не разжимаем. Она у Яна горячая и сухая. Родная и внушающая трепет по всему телу.

— Хочешь перекусить или, может, чай? — спрашивает, когда забирает мою куртку, чтобы повесить на вешалку.

— А есть что-нибудь покрепче чая? — вылетает так быстро, что я даже не успеваю сообразить, где нахваталась такой дерзости.

Ян проходит к открытой кухне и с интересом рассматривает меня.

— Помнится в последний раз, когда ты просила меня захватить с собой виски, на следующий день я предстал для всей семьи насильником.

— Прости — прикрываю глаза, не выдерживая искрящейся боли, отразившейся на его красивом лице.

Он лишь хмыкает в ответ и нагибается вниз, чтобы достать из выезжающей полки бутылку коньяка.

— Как же тяжело было тебя ненавидеть, Чижик — достает из прозрачной дверцы два пузатых бокала на короткой ножке.

— Тебя тоже — тихо соглашаюсь, осторожными шагами ступая по паркетной доске. — И забыть.

— А в итоге смогла? — спрашивает, примагничивая меня своими нереальными небесными глазами, засасывающими, как морская пучина, и протягивает бокал.

Делаю за раз пару глотков, жмурясь от разливающегося тепла.

— Что смогла? — переспрашиваю, не уловив сути.

Ян отпивает горячей янтарной жидкости и ставит бокал на столешницу.

— Забыть — встает невозможно близко. — Иногда мне казалось, что, наконец, отпустило, и я даже могу смотреть на девчонок, не как на бездушный предмет, понимаешь? Но стоило вновь тебя увидеть, и все всплыло. Снова удавкой на шее.

Но я не хочу быть для Яна удавкой. Не хочу, чтобы мысли обо мне приносили ему лишь боль.

— Давай попробуем? — решаюсь сказать самое главное, пока еще не поздно.

И в следующую секунду теплые сильные руки сгребают меня в охапку, а горьковатые мягкие губы касаются моих, затягивая в волнуемый, распалюющий изнутри поцелуй.

Я хватаюсь за его плечи, чтобы не упасть, потому что ноги дрожат, и все тело прошибает током. Тепло яркими всполохами затопляет изнутри. Ян то нежно касается, то грубо цепляет губы, кусая, наказывая. И я не уступаю. Мне тоже было больно. Я тоже страдала.

— Не отпущу тебя больше, слышишь? — его голос разливается истомой. — Даже не думай от меня убежать... Все равно найду и заберу себе.

— Не отпускай — прошу, обнимая ладонями его скулы, чувствуя пробивающуюся щетину. — Пожалуйста.

— Такая красивая — шепчет хрипло, вязко. — Моя.

Ян сбрасывает бретель с моего плеча и прижимается губами, а я нахожу пуговицы на его рубашке и трясущимися пальцами, от накотившего волной неконтролируемого возбуждения, пытаюсь достать их из петель, чтобы, наконец, коснуться шелковистой на ощупь кожи.

И я уже настолько не контролирую всего происходящего между нами, что даже не замечаю, как Ян подхватывает меня за бедра, подсаживая к себе на талию, и уносит в спальню. Только цепляюсь крепче и целую родинки на шее.

Лишь бы больше никогда не отпускал. И не верю, что Ян — мой. Самый лучший, самый красивый и мой. Прокричать бы на весь мир, чтобы самой в это, наконец, поверить.

— Люблю тебя — раздаётся у самого уха сквозь ласкающие поцелуи, когда холодный шелк касается обнаженной спины.

Университет, второй курс

Ян

Я осторожно раздвигаю дверцы гардеробной, достаю первые попавшиеся под руку джинсы и снимаю с вешалки черную толстовку.

Позади раздается шорох. Оборачиваюсь. Полина перекатывается на бок и, подтягиваясь на локте, привстает, сонно хмурясь.

Растрепанные после сна волосы облаком прикрывают обнаженные плечи и грудь. Чуть не облизываюсь от такого соблазнительного вида. Вот бы никуда не уходить, а остаться с ней рядом. Подмять под себя теплое гибкое тело и целовать медленно, выбивая стоны, и упиваться ее беззащитным от накатившего возбуждения видом.

Поля... Понимает ли она вообще, как я повернулся на ней?

Застегиваю молнию на толстовке и возвращаюсь к девчонке. Облокотившись коленкой о кровать тянусь к ней. Губы припухлые и покрасневшие от ночных поцелуев. Нежно касаюсь.

— Только не уходи, слышишь? Дождись меня.

Сама прихватывает мою губу. Целует так, что крышу рвет.

— У меня сегодня занятия с группой в студии.

— Во сколько? — спрашиваю между поцелуями.

— В шесть — Полька томно выдыхает мне в рот.

— Я вернусь раньше. Успею в общагу тебя закинуть за вещами, а потом в студию отвезу... Не уходи, дождись.

— Хорошо — улыбается.

Эта ее ленивая улыбка вызывает табун мурашек по позвоночнику.

— В холодильнике бери, все, что хочешь. Там полно еды. Мама с Зульфией передает.

— О, соскучилась по ее стряпне.

— Люблю тебя — шепчу и последний раз касаюсь губ, прежде чем уйти.

В холле клиники меня уже поджидает взъерошенный Дэв. Придирчиво осматривает и ехидно скалится.

— Бро, теперь и ты похож на счастливого придурка.

Хмыкаю, пожимая ему руку.

— Не тебе же одному.

— Я уже узнал, Сокола в палату перевели. В себя пришел. Но есть и плохие новости.

Поднимаемся на третий этаж в отделение травмы.

— Какие?

— Ему ногу по частям собрали. Байком придавило нехило. Придется дружку нашему полгода, как минимум, в коляске погонять.

— Переживет. Главное, жив остался.

— Да, это точно.

Тим открывает дверь в отделение.

— Палату знаешь? — спрашиваю друга, оглядываясь по сторонам.

— Да, в триста шестой наш Сокол.

В коридоре у палаты сидит его отец, Виктор Андреевич. Как только замечает нас,

поднимается.

— Здорово, парни — пожимает нам по очереди руки.

— Доброе утро, Виктор Андреевич. Как он?

— Злой, как черт. Все медсестер распугал.

— Что-то непохоже на него — хмыкаю.

— У него есть кто сейчас? — спрашивает Тим.

— Да, там мать. А девчонку он прогнал. Орал на всю палату. Правда, она не ушла, в кафетерий спустилась за кофе. Вы не знаете, что у него с этой Лилей? Хорошая девочка.

— Ну, они, вроде как, встречались. Но уже расстались.

— А-а, тогда ясно. Нам он ничего о своих девушках не рассказывает. Не знакомил ни с кем еще. Мать давно мечтает, чтобы за ум взялся и перестал девок без разбору портить.

— Ну, это вряд ли — язвит Тим.

Наверное, про свою Таню вспомнил. Накрыло немного.

— Вы бы съездили домой, отдохнули, а мы тут с ним побудем — предлагаю, чтобы сменить тему.

— Это можно, ребят. Только Нину нужно как-то увезти.

— Мы уговорим — вызывается Тим.

Открываю дверь палаты. Ник лежит на высокой кровати с подъемным механизмом, до груди покрытый одеялом. Поверх него закинута нога, упакованная в гипс. На лице ссадины, губа зашита и пластырь на лбу. Права рука тоже в гипсе, а в остальном, вроде, норм. Легко отделался.

— Здорово, братан с новым днем рождения тебя! — улыбаюсь во все тридцать два.

— Чтоб я сдох! — стонет тот в ответ, прикрывая глаза.

— Мальчики, доброе утро — переводит на нас благодарный взгляд Нина Викторовна, мать Соколова.

— Здравствуйте — здороваемся хором.

— Нина Викторовна, поезжайте домой. Вам отдохнуть нужно, а мы здесь за ним проследим.

Она мнетя, раздумывая.

— Мама — встречает Ник. — Езжай, нормально все будет, заодно вещи мне захватишь. Я тебе сообщением скину, что привезти.

— Ну, хорошо — соглашается Нина Викторовна. — Только ты медсестру больше не гоняй. Скоро на перевязку придет.

— Ок, не буду.

Провожаем мать и усаживаемся рядом с другом.

— Ты как? — спрашиваю, разглядывая покалеченную ногу.

— Болит все, как будто катком проехали.

— Заживет, умнее в следующий раз будешь — отвечаю.

— Ты Лилю то зачем прогнал? — спрашивает Тим.

— А че ей здесь делать? Нехрен тут ошиваться, сама бортанула. Кто вообще ей рассказал?

— Таня написала — признается Тим.

— Еб*ть, Дэв, зачем? — взвинчивается Соколов.

— Она думает, что Лиле не все равно на тебя — оправдывает тот.

— А сейчас то я ей на что? Калека.

— Это на полгода всего — встречаю в ответ.

— Ага, а потом еще реабилитация — не унимается Ник.

— Ладно тебе, бро. Такая зачетная девчонка за тобой ухаживать будет, если не прогонишь. А Лилька будет, раз всю ночь здесь проторчала, сопли наматывая.

— Да, иди ты — брыкается друг, а у самого еле заметная улыбка проступает. — Слушайте, притащите мне сюда чего-нибудь пожрать нормального, а то кормят тут отстойно. Бульоны там всякие, типа, чтобы со стулом проблем не было.

Тим соглашается заказать бургеров и картошку с соусом.

Мы еще несколько часов торчим у Ника, но Лиля за все время так и не объявляется.

Возвращаюсь домой к трем. И нервничаю, боюсь, что Полины в квартире не окажется. Но стоит мне войти, как она семенит навстречу в моей белой футболке, что достает ей до середины бедра.

— Ты голодный? — Поля одергивает край футболки и смотрит на меня, распахнув свои нереальные глаза. Из кухни вкусно тянет пряностями. — Я мясо нашла и запекла в духовке по рецепту Зульфийи, будешь? И еще салат — добавляет неуверенно.

Не стану ей рассказывать, что Тим притащил к Соколу в палату такое количество жрачки, что мы налопались до отвала. Она же старалась, ждала меня, поэтому...

— Все буду. И мясо, и салат.

Полька радостно выдыхает и утопывает в кухонную зону.

— Тогда садись, сейчас накрою.

Присаживаюсь за барную стойку и наблюдаю, как она достает из духовки противень с мясом, перекладывает на тарелку запеченный кусок, приправляя сверху соусом. Когда нагибается снова, чтобы закрыть духовку, футболка задирается, оголяя черные трусики. И меня кроет.

Срываюсь с места и обнимаю ее за талию, утыкаясь носом у основания шеи. Пахнет вкусно. Ее настоящим запахом, не испорченным ароматами парфюма. Меня, как зверя ведет от него. Не соображаю ничего.

— Ян, а как же еда? — спрашивает, а сама откидывается головой на мое плечо, подставляя тонкую шею под поцелуй.

— Сначала ты — веду руками по бедрам вверх и забираюсь руками под футболку, оглаживая плоский живот.

Полька хрипло стонет, и меня окончательно уносит. Одним рывком стягиваю с нее футболку и в мыслях мечтаю, как она всегда будет меня встречать вот такая — растрепанная, хрупкая и смущенная в одной футболке, выставляющей напоказ свои стройные охренительные ножки.

Подсаживаю ее на столешницу, и мы занимаемся любовью прямо здесь, рядом с миской незаправленного салата. Полька цепляется за мои плечи, словно упасть боится. И я держу, всегда хочу держать.

В конечном счете, еле успеваем добраться к началу ее занятия. Чмокаю напоследок в губы, сжимая упругую попку, и отпускаю, а сам решаю подождать ее в машине.

Но стоит мне спуститься с крыльца, как на улицу выходит Левитин собственной персоной.

— Привет — бросает мне, выуживая из кармана жвачку. — Ее привез? Значит простила?

Разворачиваюсь к нему лицом и прячу руки в карманах толстовки.

— Там все не так. На той записи. Рыльский смонтировал из моих слов.

Марк лишь фыркает в ответ и забрасывает в рот мятную пластинку.

— Зачем ты дал ей прослушать? — спрашиваю, раз уж встретились.

— Я любил ее и хотел уберечь от таких, как ты. Какой сценарий вы для нее на той вечеринке приготовили?

— Не было никакого сценария и спора тоже. Не знаю, что там тебе Рыльский наплел. И зачем вообще он тебе эту запись дал?

— Чтобы получить что-то взамен — горько усмехается парень.

Я кривлюсь в ответ.

— Даже думать не хочу, что именно.

— И не думай. Не твое дело. Только знай, если обидишь ее, я...

— До сих пор ее любишь? — обрываю его.

— Нет. Уже нет. Отболело. Но мы дружим. И работаем вместе, так что...

— Я понял, Марк.

Парень смеривает меня пронзительным взглядом, раздумывая о чем-то своем и молча кивает.

— Ты знаешь, где этот ублюдок сейчас? — напоследок спрашивает Левитин.

— Спивается в Испании.

— Это хорошо — Марк давит лыбу. — Пусть там же и коньки отбросит, гандон. Пока, Марк — скидывает рукой и уходит прочь.

Университет, второй курс

Полина

— Зачем ты ходила к ним без меня? — Ян размашистыми шагами меряет комнату, пока я сижу за столом, уткнувшись лицом в сложенные перед собой руки.

— Потому что это была моя ошибка, и решить ее я хотела сама, не втягивая тебя.

— Ну и как? — нервно хмыкает Ян. — Решила?

— Нет — поднимаю голову, учуяв, что он стоит прямо передо мной. — Зато я все рассказала. Мне все равно легче. — Правда... — заглядываю в его небесные глаза, потемневшие сейчас от злости. — Они больше меня и на порог то не пустят. Не знаю, как нам быть. Твои родители никогда меня не примут после того, как я поступила с тобой.

Ян ерошит челку и садится напротив.

— Я маме ведь уже рассказал, что мы встречаемся. А вот отца нужно было подготовить. Не думай, это не из-за того, что ты какая-то не такая для них. Просто... Когда вы еще жили с нами, отец просил не трогать тебя, оставить в покое. Боялся, что я развлекусь и брошу. Ты ему нравилась, и он не хотел, чтобы я тебя сломал. Поэтому и решил сделать все сам, а уж потом привезти тебя.

— Я все испортила — хнычу, разглядывая любимое лицо в поиске поддержки.

Он прав, не нужно было вот так с разбегу все им выкладывать, но я не могла встречаться с Яном, имея такой груз за спиной.

— Ладно, не парься — он отодвигает стул и поднимается. Обхватывает меня со спины поперек и склоняет голову на плечо. — Родаки отходчивые. Сейчас побесятся и отпыхнут. Я вечером маме наберу, а если уж ничего не выйдет, завтра к ним съезжу после пар.

Я согласно киваю и целую его руку в районе предплечья, что прямо под моим подбородком. Ян только что из душа, и от него пахнет цитрусовым гелем. Так манко, что хочется расцеловать все его красивое подкаченное тело.

До нашего второго раза я и не догадывалась, что во мне скопилось столько потаенного, скрытого, нерастраченного. Тянет постоянно его целовать, трогать, прижиматься. Как будто я стараюсь наверстать все упущенное. Да, и Ян тоже.

Пока он в универе, а я на занятиях, все мысли заняты только тем, как мы встретимся вновь, и можно будет снова прижаться к нему, ощутить любимый запах.

Слезы сами катятся по щекам.

— Не реви, дурочка, все будет хорошо — ведет губами прямо по соленой дорожке, отчего в груди приятно ноет. — Я все равно от тебя никуда больше, веришь? Что бы родители там не решили.

— Я люблю тебя — слетает с губ впервые.

Я так давно носила в себе это чувство, но вот призналась в этом первый раз.

— Знаю — шепчет мне в висок и поднимает на себя, обнимая за талию.

На нем только полотенце, еле держащееся на узких бедрах. Такой красивый, что я даже понять не могу, за что мне такой достался. Неужели он и, правда, меня любит. Мальчик, который мог бы работать моделью со своей то внешностью. Мальчик, который мог бы менять девчонок хоть каждый день. Умный, влюбляющий в себя всех на своем пути. Но теперь он мой.

Мой, мой, мой.

— Оставайся сегодня у меня — его хриплый голос отдается вибрацией на коже, пока губы нежно целуют в район ключицы.

— Не могу, форма дома осталась — задыхаюсь в ответ, когда его рука заползает под тонкую ткань кофты.

— Утром до общаги подброшу — забирается под лифчик.

В животе гул, истома во всем теле от этих касаний.

— И вообще, перебирайся ко мне — возвращается к губам и утягивает в поцелуй. Горячо и дико, срывая стон.

Мы бы уже добрались до кровати. я, конечно, же передумала бы уезжать, но в домофон позвонили.

— Кого там несет? — ворчит Ян, нехотя разжимая объятия.

Уходит к двери, а я поправляю задрывшуюся кофту.

— Привет, мам — слышу из коридора, и внутри все мигом холодеет.

Судорожно приглаживаю волосы. Неужели сейчас скандал устроит? Хотя это на маму Яна совсем непохоже. И сегодня утром то она была очень сдержанна. Там в основном отец ругался, пока женщина пытливо меня разглядывала, будто видит впервые.

— Черт, приехала — бубнит Ян и уносится в комнату, хлопая там дверью гардеробной. — Поль, скинь презики в тумбочку — просит из комнаты.

Я забегаю в спальню и хватаю упаковку, засовывая ее в шкафчик прикроватной тумбочки, пока Ян спешно натягивает домашние штаны поверх боксеров.

Встречать он ушел ее один, а я осталась в гостиной, примыкающей к кухонной зоне.

— Малыш, привет, я на разговор — слышу шорох одежды и заламываю руки, потому что внутри дикая паника.

— А чего не позвонила?

— Хм, ты бы, наверняка, наплел, что тебя нет дома.

Шаги.

Мы встречаемся с Елизаветой Александровной глазами. И я, наверное, похожа на вора, застигнутого врасплох.

Она удивленно разглядывает меня, а потом хмурится.

— Чаем угостите, молодежь?

— Конечно — подрываюсь с места и, только щелкая чайником, понимаю, как глупо поступила. Будто у себя дома распоряжаюсь тут. Но деваться уже некуда, поэтому достаю из холодильника купленные накануне творожные рулеты и достаю из шкафчика миску к любимыми конфетами Яна.

— Ну, и огорошила ты нас, Полина — дергает уголками губ Елизавета Александровна. — Но раз уж и ты здесь, давайте поговорим.

Мама Яна усаживается за стол и складывает перед собой руки в замок.

— Во-первых не волнуйся, Филипп такой же вспыльчивый, как и его сын. Ян весь в него. Но со временем он отойдет. А во-вторых — она испытывающе поглядывает на Яна. — Ты сам то простил?

Ян подходит ко мне и обнимает со спины вокруг талии, отчего мне хочется впервые отпрянуть, потому что до ужаса неловко. Но хватка у него довольно крепкая. Поэтому, когда дергаюсь, тот лишь сильнее сжимает в ответ.

— Да, простил.

И вместе с его словами выдыхаю. Потому что сама так ни разу и не догадалась спросить у него об этом.

Елизавета Александровна кивает в ответ.

— Раз ты простил, то и мы не будем ставить вам палки в колеса. Если любите друг друга, то больше никогда не обманывайте. На этом счастье не построишь. А сейчас — хлопает по столу ладонями, приглашая взглядом присесть. — Давайте пить чай.

Она права. Тысячу раз права. Только вот я, когда оговаривала Яна, совсем не пыталась построить с ним счастья, я с ним расставалась. И, как мне казалось, навсегда.

Университет, второй курс

Ян

Полька трясется, как кленовый лист.

— Подожди — стопарит меня за руку, разворачивая на себя. — Как я выгляжу? Не слишком...

— Слишком — перебиваю и хитро шурюсь, прогуливаясь рукой по спине. — Тетя Аделя с ума сойдет, когда тебя увидит. Насколько я помню она вечно торчит на детоксах и всяких диетах, чтобы оставаться стройной, а тебе и делать ничего не надо — обхватываю пальцами тончайшую талию и целую в приоткрытые в возмущении губы. — Пойдем.

— А вдруг твой отец опять начнет?

— Не начнет. Думаешь, нас бы позвали вместе, чтобы скандал устраивать? Тем более, когда приехала его любимая сестра. Да, тетя Аделя его порвет, если он будет бычить.

Тут открывается входная дверь и на крыльцо выплывает та самая тетя. Не видел ее с прошлого лета, когда приезжал к дедушке с бабушкой в Краков последний раз.

— Бог мой! — восклицает та, поправляя платье. — *Jaki jesteś przystojny, moje dziecko!* (Какой же ты красавчик, дитя мое!).

— И тебе привет, тетя Аделя.

Та спускается по ступенькам, сокращая до нас расстояние, и сразу же цепляется придирчивым взглядом к Полине.

— А ты и, правда, конфетка, деточка.

У Польки глаза до пятирублевых монет расширяются, а щеки покрываются милым румянцем. Утащить бы ее куданибудь и зацеловать до шальных звездочек.

— Здравствуйте.

— Какая красивая пара — не унимается тетя. — Да, вам надо кучу деток нарожать, такой генофонд!

После этих слов Полька чуть не мертвеет, отчего я сжимаю руку на ее талии, чтобы немного в чувство привести.

— С кучей мы потом разберемся, тетя. Че, там все в сборе?

— А кто все? — треплет меня за щеки, как в детстве. — Филип, Лиза с Лили, да, еще я с собой твою кузину, Мартину, прихватила.

— О, Заноза тоже здесь. — дергаю Польку к себе. — Пойдем, я тебе с Занозой познакомлю. Мы с ней каждое лето вместе в Польше тусили.

— Привет- навстречу нам, как только заходим в дом, выплывает миниатюрная девчонка на два года меня младше с синими коротко стриженными волосами и чередой колец в правом ухе. — Янчик! — визжит и бросается мне на шею.

Мартина зацеловывает меня в обе щеки, а затем отрывается и тарашится на мою спутницу.

— Привет, я — Мартина, кузина этого засранца.

— Хм — робкая улыбка касается губ Польки. — Полина, очень приятно.

— Слушай, а ты высокая, как модель, не то, что эта белобрысая Никольская.

— Сынок — раздается из гостиной. — Приехали? — мама чмокает меня в щеку. — Поля, проходите за стол. Марти, ты тоже, Лили тебя обыскалась.

И тут выбегает мелкая. Хотя, какая мелкая? Уже первоклашка.

— По-ли-на — визжит на распев и бросается к ней в объятия.

Полька тут же подлаживает девчонку и кружит в воздухе.

— Я соскучилась, соскучилась, соскучилась — тараторит Лили, не обращая никакого внимания, что я тоже ту рядом стою.

— А меня поцеловать?

— И по тебе — отрывается сестра от Полины и обнимает меня за талию. — Только я немного злюсь, ты же обещал, что заберешь меня в четверг сам, но не приехал.

Это мелкая злится, потому что хочет перед своими сопливыми подружками выпендриться, типа "Смотрите какой у меня брателло — красавчик".

— В понедельник обязательно заеду, лады, мелкая?

— Только не наври опять, а то разговаривать с тобой не буду.

— Не навру, обещаю — взъерошиваю ее волосы, отчего Лили верещит на весь дом.

Вечер проходит нормально, только отец так и словом с нами не обмолвился. Все зыркал из-под бровей, пережевывая свое мясо.

А позже подозвал меня с собой в кабинет.

И то, как он первым делом потянулся к бару, наливая себе виски, навеяло мысль о том, что мы здесь надолго.

— Садись, Ян — головой кивает в сторону второго кресла.

— Если ты о Полине, то я тебе уже все по телефону сказал.

Отец отпивает из стакана и дзынькает льдом о прозрачное стекло.

— Во-первых, хотел попросить у тебя прощения, потому что не поверил тогда. Ты же объяснял, что не виноват... Ну, а во-вторых, если ты ее действительно любишь, то это твоя жизнь. И тебе решать с кем ее разделить. Не буду говорить, что попрошу у Полины прощения за тот скандал, потому что не считаю себя виноватым. Но постараюсь со временем ее принять в нашу семью, если ты видишь именно с Полиной свое будущее.

— Спасибо, пап.

Уже когда возвращаемся назад Полька спрашивает, о чем мы с отцом разговаривали.

— Короче, он почти оттаял, так что можешь выдохнуть — кладу одну руку ей на коленку и поглаживаю сквозь ткань джинсов. — Поехали ко мне?

Полина отводит взгляд к окну и кладет свою ладонь поверх моей, немного сжимая пальцы.

— Поехали, только у меня завтра занятия в студии.

По дороге заезжаем в супермаркет за продуктами, а впереди еще целая ночь вместе и половина воскресения.

Полька до сих пор отказывается переезжать, но я уверен, что скоро дожду, лавируя между ее закидонами, потому что просыпаться со стройной ногой поперек моих бедер уже вошло в привычку.

Потому что меня плавит, когда она копошится на кухне с утра, бренча посудой, и бурчит себе под нос, разбираясь, как работает кофемашина.

Потому что чистый кайф принимать с ней душ по утрам, прижимаясь к упругой попе и кончиками пальцев скользить по хрупкому позвоночнику, срывая дыхание.

Потому что я уверен, все у нас сложится.

А ведь когда-то эта угловатая девчонка не вызывала во мне ничего кроме раздражения и желания побуллить.

И вот сейчас она сидит рядом, поглаживая мою руку и нервно кусает губу, наверняка, загоняясь, как все прошло, а я и думать ни о чем больше не могу кроме ее теплых пальцев, скрябающих ногтями по моей коже.

Пять месяцев спустя...

Полина

— Лилька, ну, ты же знала, что все так и будет? — Таня прижимает подругу к себе, устроившись на диване в новой Лиловой студии, что ей не так давно купили родители.

После аварии, произошедшей с Соколовым Никитой, Таня с Лилей, наконец, окончательно помирились, и мы все втроем стали тесно дружить.

Сначала я переманила к себе на занятия в студию Левитина Марка Таню, а потом та подтянула Лилю. Так и получилось. Вместе и в универе, и после на работе.

— Нет, не знала — всхлипывает Лиля. — Я думала, он изменится. Я верила, что мы вместе сможем измениться и все исправить.

— Такие не меняются — бурчит в ответ Таня. — Для таких, как Соколов важна искра. Чтобы адреналин в кровь поступал двадцать четыре часа в сутки. А ты скатила все в рутину со своей заботой.

— То есть я виновата? — Лиля отдергивает руку подруги и размазывает по щекам ладонями потекшую тушь. — Виновата, что он изменил мне?

— Нет, не виновата, просто не нужно было строить надежд и тем более влюбляться.

— Я все ему отдала. Себя полностью, а он... Бери, пользуйся, только не предавай. Господи — Лиля шмыгает носом и откидывается головой на спинку дивана, прикрывая покрасневшие глаза. — Как же люблю его... Ненавижу и все равно люблю.

— Лиль, я же была на твоём месте. Казалось, что любила так, даже по дурацки наглоталась дряни, ты же знаешь. Но потом поняла, что это не любовь. Любовь не может так уродовать.

— Ага — нервно хмыкает Лиля. — А потом увела у меня Тимура.

Я сижу напротив за небольшим столом в кухонной зоне с чашкой чая, что приготовила для Лили. Но та к нему и не притронулась. У нее в руке зажата бутылка с недопитым вином.

"Все плохо?" — пишет Ян.

"Все хуже, чем плохо. Ваш друг — кретин" - посылаю ответ.

"Может, съездить к нему? Он трубу не берет" - получаю сообщение.

— Лиль, Ян спрашивает, может, ему съездить к Соколову? Обстановку разведать — спрашиваю подругу.

Та тут же распахивает свои огромные глаза и судорожно мотает головой.

— Он же поймет, что я пожаловалась. Пусть лучше сам им расскажет. Мудак конченный, ненавижу — снова поскуливает, зажимая рот ладонью и утыкаясь лицом в Танино плечо. — Как он мог? Ненавижу его. Не хочу больше знать, что с ним. Не прощу никогда.

"Нет, Лиля просит ее не подставлять" - отвечаю Яну.

"Ок, жду тебя"

Два месяца назад я все же переехала к нему. Сдалась под натиском регулярных уговоров. Мы долго налаживали общий быт, ведь привычки у обоих разные. Но со временем притерлись друг к другу, как часовой механизм.

"Не знаю, когда"

И слелом:

"Люблю тебя"

Захотелось еще раз ему об этом напомнить. Чтобы эти три слова запечатлились в его сердце, как набитый символ, который не стереть. Потому что, если он тоже меня предаст, я не смогу этого вынести. Я сломаюсь.

"Люблю тебя" — получаю мгновенный ответ, и сердце уже исходит медленным, растопляющим все внутри огнем.

Но я стараюсь держать эмоции при себе. Сейчас при Лиле их показывать совсем не нужно, раз у нее такое случилось.

Мы до четырех утра успокаиваем подругу, пока та не засыпает у Тани головой на коленях. А я добираюсь домой на такси.

Домой...

Странно, квартира Яна теперь и мой дом тоже.

Там много моих вещей. Там быт устроен для нас обоих.

Осторожно скидываю плащ и кеды. Быстро принимаю душ и крадусь в спальню. Ян лежит на краю, свернувшись калачиком. Укутанный одеялом так, что только светлая макушка мелькает на подушке, и всюю шпарит кондиционер.

Одна из немногих вещей, с которой я не могу смириться. Дело в том, что я очень мерзлявая, а он, наоборот, любит свежий воздух и ставит кондей на такой режим. отчего в комнате настоящий дубак. Но для него все отлично, только вот кутается сильно. Иесли мы спим вместе, то вместо теплого одеяла у него я.

Вот и сейчас, стоит мне улечься на кровать, как Ян сквозь сон, бормоча себе под нос неразборчивый бред, нащупывает мою талию и придвигает к себе спиной вплотную, впуская в уютный кокон.

Его голова тут же находит покой у меня в месте, где сходится шея и плечо. Теплые сухие губы касаются кожи, а внутри зарождается щемящее всепоглощающее чувство нежности к этому парню.

Моему парню.

— До последнего ждал, но срубило — Ян шепчет, разнося по телу импульсы прямо к сердцу.

— Ян — подзываю его, накрывая его руки на своем животе своими ладонями. — Мама в следующие выходные к себе зовет в Волгоград. Нас вместе.

Конечно, время я выбрала не очень, но днем все никак не решалась его спросить.

— Это хорошо, что вместе — отзывается Ян и целует за ухом.

Да, хорошо — думаю про себя, потому что он снова мирно сопит. И я со счастливой улыбкой засыпаю.

И я уверена, что все у нас будет хорошо, потому что с ним я могу все, а он со мной.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net